

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»

НЕВОЛЯ 35 2013

35

ISSN 1817-3541

НЕВОЛЯ

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Роман Дих Имечко	27
Дмитрий Марачевский Первоход	35
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (июнь – сентябрь 2013 года)	50
Алексей Мокроусов «В Ленинской комнате расстреливать было удобно...»	61
Алексей Мокроусов Портрет на фоне проволоки	67
Алексей Мокроусов Лагерь внутри и снаружи	73

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров Товарищи брянско-тамбовские волки 78

По материалам иностранных СМИ

Знаменитые заключенные и знаменитые преступления 154

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование

Норвежский Хельсинкский комитет

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

УИС в цифрах

По состоянию на **1 сентября 2013 г.** в учреждениях УИС содержалось 681,6 тыс. человек (– 20,2 тыс. человек к началу года).

В 736 исправительных колониях отбывало наказание 564,8 тыс. человек (– 20,2 тыс. человек), в том числе:

– **в 128 колониях-поселениях** отбывало наказание 39,7 тыс. человек (+ 215 человек);

– **в 5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1840 человека (+ 21 человек).

В 229 следственных изоляторах и 166 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, содержалось – 113,6 тыс. человек (+ 39 человек).

В 8 тюрьмах отбывало наказание 1,1 тыс. человек (+ 217 человек).

В 46 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 2,0 тыс. человек (– 285 человек).

В учреждениях содержится 56,2 тыс. женщин (– 1467 человек), в том числе 46,2 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, ЛИУ, ЛПУ и 9,9 тыс. чел., в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу; при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 760 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

2459 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 463,1 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

53 государственных унитарных предприятия исправительных учреждений, 587 центров трудовой адаптации осужденных, 52 лечебно- и 41 учебно-производственная мастерская.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 319 вечерних общеобразовательных школ и 549 учебно-консультационных пунктов, 333 профессионально-технических училища и 302 обособленных структурных подразделения, действуют 555 храмов, 702 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 312,5 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 222,4 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 7,2 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования** с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центров и пунктов, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Определен порядок отбывания административного ареста (*Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста»*).

Регламентирован порядок отбывания административного ареста. Ранее он регулировался постановлением Правительства РФ. Однако данный вид административного наказания связан с ограничением прав и свобод человека и гражданина. Согласно Конституции РФ это допускается лишь в порядке, установленном федеральным законом.

Определены принципы, места и условия отбывания административного ареста; правовой статус лиц, подвергнутых ему; права и обязанности администрации места отбывания ареста.

Административный арест отбывают в подразделениях ОВД. Администрация должна незамедлительно уведомлять родственников арестованного о начале, месте и об окончании отбывания ареста. Всех поступивших дактилоскопируют, фотографируют, подвергают личному дозору, медицинскому освидетельствованию и при необходимости принудительной санитарной обработке. Также проверяют имеющиеся при них вещи. Им должны разъяснить их права и обязанности, порядок и условия отбывания наказания. При размещении лиц обязательно соблюдение следующих требований: раздельно содержатся мужчины и женщины; отдельно от других содержатся больные инфекционными заболеваниями или лица, нуждающиеся в медицинском наблюдении; при наличии свободных помещений раздельно содержатся курящие и некурящие.

Арестованные находятся под постоянным контролем и наблюдением сотрудников ОВД. Для этого можно использовать аудио-, видео- технику, электронные и иные технические средства.

Закон закрепляет достаточно широкий перечень прав арестованных: на свидания с защитником без ограничения их числа продолжительностью до 2 часов каждое, родственниками и иными лицами; переписку; получение медпомощи, посылок и передач; ежедневное трехразовое питание; ежедневную прогулку продолжительностью не менее 1 часа; телефонные звонки за свой счет общей продолжительностью до 15 мин. в сутки и др. Арестованные должны бесплатно обеспечиваться постельными и письменными принадлежностями, посудой, средствами гигиены.

В исключительных случаях отбывание ареста может быть приостановлено или прекращено (смерть или тяжелая болезнь близкого родственника; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб его семье; заболевание, травма или увечье, препятствующие отбыванию ареста).

Согласно закону арестованные обязаны соблюдать правила внутреннего распорядка, выполнять законные требования администрации и сотрудников места отбывания наказания.

Места отбывания ареста содержатся за счет федерального бюджета с возможностью дополнительного финансирования из бюджетов регионов.

Федеральный закон вступает в силу через 90 дней после его официального опубликования.

Порядок отбывания административного ареста определяется законом, а не постановлением Правительства РФ (*Федеральный закон от 22 апреля 2013 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»*).

В КоАП РФ вносятся изменения, обусловленные принятием Закона «О порядке отбывания административного ареста».

Последний означает, что нарушитель содержится в условиях изоляции от общества. Срок – до 15 суток. А за нарушение режима чрезвычайного положения или контртеррористической операции – до 30 суток.

Закрепляется, что порядок отбывания этого наказания определяется законодательством. Прежде данная процедура регулировалась постановлением Правительства РФ.

Предусмотрено, что исполнение постановления об административном аресте может быть приостановлено на срок до 7 суток или прекращено судьей в следующих случаях: во-первых, на основании письменного заявления лица, подвергнутого этому наказанию, при возникновении исключительных личных обстоятельств (тяжелое заболевание или состояние здоровья; смерть близкого человека, в т.ч. род-

ственника; чрезвычайная ситуация, причинившая значительный материальный ущерб арестованному или его семье; во-вторых, медицинское заключение о наличии у данного лица заболевания, травмы или увечья, препятствующих отбыванию административного ареста.

При этом период приостановления не должен засчитываться в срок отбывания наказания. Если исполнение было приостановлено, а человек своевременно не возвращается в место отбывания ареста, данное лицо будет задерживаться полицией до передачи в указанное место.

Уклоняющихся от отбывания такого наказания будут привлекать к административной ответственности. Санкции – административный арест на срок до 15 суток.

Федеральный закон вступает в силу по истечении 90 дней после даты его официального опубликования.

Скорректировано производство по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств (Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Внесенные в УПК РФ поправки касаются производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Закреплены 2 новых случая, когда судья во время предварительного слушания по ходатайству стороны возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом:

– после направления дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;

– ранее вынесенные по делу приговор, определение или постановление суда отменены в рамках возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые являются основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Если прокурор в связи с данными обстоятельствами вернул дело следователю, то срок производства следственных и иных процессуальных действий не может превышать 1 месяца со дня поступления дела к следователю. Дальнейшее продление возможно только на общих основаниях.

Такие же сроки действуют, если дело было возвращено следователю из-за того, что обвинительные заключение или акт были составлены с нарушениями, что исключает возможность вынесения судом решения.

Пересмотрен размер пособия обвиняемому, отстраненному от должности, и уточнен состав процессуальных издержек (Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в статью 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Внесенные в УПК РФ поправки касаются возмещения расходов, связанных с производством по уголовному делу.

К процессуальным издержкам отнесены затраты не только на пересылку вещественных доказательств, но и на их перевозку (транспортировку), а также расходы на перевозку (транспортировку) трупов и их частей.

Кроме того, уточнена величина ежемесячного государственного пособия, выплачиваемого обвиняемому, временно отстраненному от должности. Ранее она составляла 5 МРОТ. При этом на практике суды, определяя размер данного пособия, руководствовались не базовой суммой МРОТ (100 руб.), применяемой при исчислении стипендий, пособий и других обязательных социальных выплат, а величиной, установленной для регулирования оплаты труда (с 1 января 2013 г. – 5205 руб. в месяц). Таким образом, пособие зачастую превышало зарплату обвиняемого.

Согласно поправкам теперь выплачивать его будут в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по стране (за IV квартал 2012 г. – 7263 руб.).

Вышеназванные издержки возмещаются из федерального бюджета.

Всех освобождающихся из мест лишения свободы несовершеннолетних разрешено сопровождать до дома (Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в статью 181 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»).

Возраст освобождаемых несовершеннолетних, которые направляются к месту жительства в сопровождении родственников или иных лиц либо работников исправительного учреждения, увеличен до 18 лет.

Ранее это касалось лиц до 16 лет.

Утверждена новая Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС (Приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы»).

Инструкция регламентирует порядок организации и проведения мероприятий по профилактике правонарушений среди осужденных,

подозреваемых и обвиняемых, отбывающих наказание и содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Основной целью профилактической работы является недопущение правонарушений со стороны лиц, содержащихся в учреждениях УИС, посредством системы профилактических мероприятий.

Введена уголовная ответственность за оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан (Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»).

В УК РФ введена ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий.

За публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, будут наказывать следующим образом. Это могут быть штраф до 300 тыс. руб. или в размере зарплаты или иного дохода осужденного за период до 2 лет, либо до 240 часов обязательных работ, либо принудительные работы до 1 года, либо лишение свободы до 1 года.

За те же деяния, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, предусматривается следующее наказание. Это могут быть штраф до 500 тыс. руб. или в размере зарплаты или иного дохода осужденного за период до 3 лет, либо до 480 часов обязательных работ, либо принудительные работы до 3 лет, либо лишение свободы до 3 лет с ограничением свободы на срок до 1 года или без такового.

Предусматривается ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению религиозных обрядов и церемоний, а также за данные деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, с применением насилия или с угрозой его использования.

Поправки вступают в силу с 1 июля 2013 года.

Запрещена пропаганда среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений и введена административная ответственность за это (Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в

целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»).

Под такой пропагандой понимается распространение информации с целью формирования у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности таких отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, а также навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к ним.

Размер штрафа за такую пропаганду дифференцирован в зависимости от того, кто этим занимался (обычный гражданин, должностное лицо, организация, иностранец) и каким способом распространял информацию.

Так, штраф для граждан составляет 4–5 тыс. руб., должностных лиц – 40–50 тыс. руб., организаций – 800 тыс. – 1 млн руб. (либо приостановление деятельности на срок до 90 суток). Если пропаганда велась через СМИ или Интернет, суммы штрафов возрастают (для граждан – 50–100 тыс. руб., должностных лиц – 100–200 тыс. руб., организаций – 1 млн руб. либо приостановление деятельности на срок до 90 суток).

Иностранцев за распространение указанной информации к тому же будут выдворять из страны либо вместо штрафа подвергать административному аресту на срок до 15 суток с последующим выдворением.

Фиксация указанных нарушений возложена на сотрудников полиции и Роскомнадзора, а рассмотрение соответствующих дел – на судей.

В ряд законов, включая УК РФ, внесены поправки, направленные на противодействие незаконным финансовым операциям (Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»).

Разработаны существенные «антиотмывочные» поправки к ряду ключевых законов. С одной стороны, они направлены на борьбу с фирмами-однодневками, а с другой – существенно расширяют полномочия налоговых органов.

Так, банки по запросу налоговых органов обязаны представлять информацию о счетах, вкладах (депозитах), остатках средств на них, банковских операциях (в т. ч. электронных переводах) организаций, ИП и физлиц. В отношении физлиц такие сведения запрашиваются с согласия руководителя вышестоящего налогового органа или руководителя (его заместителя) ФНС России.

Уточнен порядок приостановления операций по счетам организаций (что обусловлено переходом на электронный документооборот).

В частности, внесенные в УК РФ поправки направлены на совершенствование норм, предусматривающих ответственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, трансграничное перемещение валютных средств, и введение уголовной ответственности за незаконное перемещение наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу в рамках Евразийского экономического сообщества.

Установлен порядок ознакомления гражданина с материалами прокурорской проверки (*Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации"»*).

Предусмотрено, что ознакомление гражданина с материалами проверки осуществляется по решению прокурора, в производстве которого находятся соответствующие материалы, либо вышестоящего прокурора, принятому по результатам рассмотрения обращения гражданина, если материалы непосредственно затрагивают права и свободы заявителя.

Определены условия, наличие которых исключает возможность ознакомления гражданина с документами, имеющимися в материалах проверки. Такими условиями являются наличие в материалах сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну.

Решение об ознакомлении гражданина с материалами проверки либо мотивированное решение об отказе в ознакомлении с материалами проверки принимается в 10-дневный срок со дня подачи обращения гражданина. В случае принятия решения об отказе в ознакомлении гражданину разъясняется право обжаловать принятое решение вышестоящему прокурору или в суд.

Суды разъясняют...

Внесены изменения в постановление Пленума ВС РФ о некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия.

В Постановление Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» внесены изменения.

В частности, уточнено, что закрепленное в Конституции РФ положение о ее высшей юридической силе означает, что все конституци-

онные нормы имеют верховенство над законами, а также иными нормативными правовыми актами.

Указано, что суд, разрешая дело, должен применять непосредственно Конституцию, когда КС РФ выявил пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием неконституционным нормативного правового акта.

В случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ подлежащий применению по конкретному делу закон, суд обращается в КС РФ с запросом о его конституционности. Такой запрос может быть сделан судом любой инстанции и в любой стадии рассмотрения дела.

Суд обязан разъяснить и обеспечить участвующим в деле лицам право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, подавать жалобы и выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также пользоваться услугами переводчика.

Суд обязан обеспечить участие защитника в уголовном деле во всех случаях, когда оно является обязательным. При этом лицо вправе в любой момент отказаться от помощи защитника. Такой отказ не обязателен для суда.

Каждое лицо имеет право пользоваться помощью защитника с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы.

При нарушении этого конституционного права все объяснения, показания лица и результаты процессуальных действий, произведенных с его участием, должны рассматриваться судами как доказательство, полученные с нарушением закона.

Судам необходимо исходить из того, что никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников. В ходе рассмотрения уголовных дел суды обязаны разъяснять лицам данное право.

Невыполнение этого требования влечет признание показаний полученными с нарушением закона.

(Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. № 9 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия"»)

В колонии какого вида режима должен отбывать свое наказание осужденный, совершивший тяжкое или особо тяжкое преступ-

ление в несовершеннолетнем возрасте и на момент постановления приговора достигший совершеннолетия?

Если лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте, на момент постановления приговора достигло совершеннолетия, ему следует назначить отбывание наказания в исправительной колонии общего режима, имея в виду, что все несовершеннолетние, достигшие 18-летнего возраста, направляются для отбывания оставшегося наказания в исправительную колонию общего режима (статья 140 УИК РФ).

(Постановление Президиума Верховного суда РФ № 215П12пр)

Вправе ли суд допускать в своем приговоре формулировки, свидетельствующие о виновности в совершении преступления других лиц, уголовное дело в отношении которых не рассматривалось?

В соответствии со статьей 252 УПК РФ, разбирательство дела в суде производится только в отношении подсудимых. Суд не вправе допускать в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц, уголовное дело в отношении которых не рассматривалось.

Если дело в отношении некоторых лиц выделено в отдельное производство или прекращено в связи с их смертью, отказано в возбуждении уголовного дела, в приговоре указывается, что преступление совершено совместно с другими лицами, без упоминания их фамилий и с обязательным указанием оснований процессуального положения данного лица.

(Определение ВС РФ № 51-012-63)

Если осужденный уклоняется от отбывания наказания, может ли в отношении его рассматриваться ходатайство адвоката о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом?

Согласно пункту 13 статьи 397 УПК РФ освобождение от наказания или смягчение наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу в соответствии со статьей 10 УК РФ, относится к вопросам, подлежащим рассмотрению при исполнении приговора.

В силу пункта 2 части 1 статьи 399 УПК РФ вопросы исполнения приговора в части освобождения от наказания или смягчения наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, решаются судом по ходатайству осужденного.

Таким образом, рассмотрение ходатайств о приведении приговора в соответствие с новым законом в отношении осужденных, уклоняю-

щихся от отбывания наказания и находящихся в розыске, законом не предусмотрено.

(Определение ВС РФ № 5-012-98с)

Могут ли к невменяемым, совершившим преступления небольшой тяжести, применяться принудительные меры медицинского характера?

Да, могут. Как постановил КС РФ, не соответствующими Конституции РФ признаны взаимосвязанные положения частей 2 и 4 статьи 443 УПК РФ в той мере, в какой они исключают для суда возможность назначить принудительные меры медицинского характера лицу, совершившему в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние, отнесенное к преступлениям небольшой тяжести, и при этом по своему психическому состоянию представляющему опасность для себя или окружающих.

Как установил Конституционный суд РФ, дефектность части 2 статьи 443 УПК РФ состоит в том, что ее формулировка позволяет суду рассматривать условия, при которых выносится постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера («если лицо не представляет опасности по своему психическому состоянию» и «если им совершено деяние небольшой тяжести») в качестве альтернативных и при наличии любого из них отказывать в принудительном лечении, несмотря, в частности, на то, что Уголовным кодексом РФ такое условие для отказа от применения принудительных мер медицинского характера, как совершение деяния небольшой тяжести, не предусмотрено.

КС РФ установил также, что федеральный законодатель обязан внести необходимые изменения в правовое регулирование производства о применении принудительных мер медицинского характера.

(Постановление КС РФ от 21 марта 2013 г. № 10-П)

КС РФ утвердил «Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2013 года». В обзор включены и наиболее значимые решения, принятые в области уголовной юстиции.

1) В Определении от 17 января 2013 года № 2-О КС оценил нормативное содержание статей 50, 80 УК РФ и статей 396, 397 УПК РФ.

Заявитель оспаривал положения части 4 статьи 50 УК РФ, которые при замене исправительных работ, ранее назначенных осужденному в порядке замены неотбытой части лишения свободы более мягким

наказанием на основании статьи 80 того же Кодекса, предполагают возможность несоразмерного сокращения (один день лишения свободы за три дня исправительных работ) неотбытой части наказания в виде лишения свободы, назначенного по приговору суда, и положения статей 396 и 397 УПК РФ, которые не определяют, в компетенцию какого суда входит решение вопроса об «обратной» замене лишением свободы наказания в виде исправительных работ, назначенного осужденному ранее в порядке замены на стадии исполнения приговора неотбытой части лишения свободы более мягким наказанием.

КС установил, что статья 80 УК РФ не обуславливает смягчение наказания такими требованиями к дальнейшему поведению осужденного, нарушение которых позволяет возобновить исполнение оставшейся неотбытой части назначенного приговором наказания, поэтому освобождение положительно характеризуемого осужденного от дальнейшего отбывания наказания путем замены его оставшейся части более мягким видом наказания аннулирует неотбытую часть прежнего наказания. Соответственно, исполнению подлежит избранное в порядке замены наказание, в силу чего возникший в ходе его исполнения вопрос об ответственности осужденного за злостное уклонение от его отбывания должен решаться в рамках правил, предусмотренных для данного вида наказания.

Также КС указал, что предметом деятельности суда на стадии исполнения приговора охватывается не только обращение приговора к исполнению, но и разрешение вопросов, связанных с процессом его исполнения, в том числе с заменой оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания, при этом рассмотрение и разрешение судом такого вопроса не предполагает установление фактических обстоятельств совершенного преступления, оценку правильности применения уголовного закона и пересмотр существа приговора. Так, вопрос о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со статьей 80 УК РФ разрешается судом по месту отбывания наказания осужденным, вопрос же о замене исправительных работ в случае злостного уклонения от их отбывания разрешается в соответствии со статьей 50 УК РФ судом, постановившим приговор.

2) В Определении от 7 февраля 2013 года № 250-О КС проанализировал нормативное содержание статьи 154 УПК РФ, регламентирующей основания и порядок выделения уголовного дела.

Заявитель оспорил данную норму, порождающую, по его мнению, несоразмерные и неопределенные по времени ограничения права собственности лица, на имущество которого наложен арест, притом

что предварительное следствие по выделенному в отдельное производство уголовному делу в отношении скрывшегося от органов следствия обвиняемого приостановлено.

КС указал, что положения статьи 154 УПК РФ не предполагают ограничений для отмены или изменения содержания меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, находящееся у другого лица, в случае приостановления предварительного следствия по выделенному в отдельное производство уголовному делу в отношении скрывшегося от органов расследования обвиняемого.

3) В Определении от 5 марта 2013 года № 323-О КС оценил нормативное содержание части 2 статьи 167 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за повлекшие причинение значительного ущерба умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния совершены из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом либо повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Указанные нормативные положения оспорены заявителем, поскольку они – не устанавливая, по его мнению, точный размер требуемого для наступления уголовной ответственности значительного ущерба в денежном выражении, а также критерии для его определения, – не позволяют отграничить предусмотренные оспоренной нормой деяния от законных действий и правонарушений иных видов.

КС указал, что причинение значительного ущерба является обязательным признаком объективной стороны составов преступлений, предусмотренных статьей 167 УК РФ, отграничивающим их от административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.17 КоАП РФ. При этом в соответствии с пунктом 2 примечаний к статье 158 УК РФ значительный ущерб, причиненный гражданину, определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей, а размер значительного ущерба, причиненного юридическим лицам в каждом конкретном случае должен оцениваться судом с учетом стоимости поврежденного или уничтоженного имущества, его хозяйственной и иной ценности, затрат на восстановление поврежденного имущества, последствий его выведения из использования (эксплуатации), экономического положения собственника или иного законного владельца этого имущества, а также иных имеющих существенное значение обстоятельств.

Конституционный суд подчеркнул, что при применении части 2 статьи 167 УК РФ судам надлежит мотивировать свой вывод о наличии в действиях подсудимого всех признаков состава инкриминируемого ему

преступления и, в частности, учитывать, что под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода.

4) В Определении от 6 марта 2013 года № 354-О КС проанализировал нормативное содержание пункта 4 части 1 статьи 24 УПК РФ, закрепляющего в качестве основания отказа в возбуждении уголовного дела смерть подозреваемого, за исключением случаев, когда возбуждение уголовного дела и производство по нему необходимы для реабилитации умершего.

Заявитель оспорил указанную норму в той мере, в какой она позволяет отказывать в возбуждении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого без согласия близких родственников.

Своим решением КС распространил правовую позицию, выраженную в его постановлении от 14 июля 2011 года № 16-П, отметив, что вывод об обязанности продолжить производство по уголовному делу при заявлении возражения со стороны близких родственников подозреваемого (обвиняемого) против прекращения уголовного дела в связи с его смертью в равной степени распространяется и на случаи принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному оспоренной нормой.

(Решение КС РФ от 28 мая 2013 г.)

Осужденный А.Г., отбывающий наказание в виде пожизненного лишения свободы, обратился в ВС РФ с заявлением о признании недействующими второго предложения пункта 72, пункта 82 ПВР ИУ и пункта 8 приложения № 1 к данным Правилам. По его мнению, эти положения ПВР ИУ противоречат действующему уголовно-исполнительному законодательству и ограничивают права осужденных.

ВС РФ отказал в удовлетворении заявления, разъяснив следующее.

Согласно второму предложению пункта 72 ПВР ИУ, объединение свиданий либо разъединение одного свидания на несколько не допускается. Данные положения сами по себе не устанавливают какие-либо дополнительные ограничения. Такое правовое регулирование осуществлено Минюстом России в пределах делегированных ему полномочий и не противоречит нормам УИК РФ.

Как следует из статьи 89 УИК РФ, законодатель, предусматривая предоставление свиданий осужденным к лишению свободы, различает свидания, которые предоставляются им в целях сохранения соци-

ально-полезных связей с родственниками и иными лицами, и свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи.

Режим свиданий осужденного с родственниками предполагает нормативную определенность в части, касающейся продолжительности, частоты, порядка их предоставления и проведения.

Доводы заявителя о противоречии оспариваемых положений пункта 72 Правил правовому единству статей 73, 121, 123, 125, 131 УИК РФ являются несостоятельными.

УИК РФ допускает возможность направления осужденных для отбывания наказания за пределы субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. При этом положения части 4 статьи 73 УИК РФ с учетом характера преступления, его опасности для защищаемых Конституцией РФ и уголовным законом ценностей, интенсивности, причин и иных обстоятельств его совершения, а также данных о лице, его совершившем, устанавливают, что осужденные за преступления, предусмотренные рядом статей УК РФ, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме, осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

Положений о том, что размещение осужденных к лишению свободы должно производиться с учетом места проживания родственников осужденного, их доходов и возможности по приобретению билетов на проезд, преклонного или пенсионного возраста и плохого состояния здоровья, чтобы реализовать право осужденного на свидания, закон не содержит. Кроме того, УИК РФ предусматривает возможность осужденным по их просьбе заменять краткосрочное или длительное свидание телефонным разговором (часть 3 статьи 89).

В зависимости от вида исправительного учреждения (колония-поселение, исправительная колония общего режима, исправительная колония строгого режима, исправительная колония особого режима, воспитательная колония, тюрьма) и условий, в которых осужденный отбывает наказание (облегченные, общие, строгие), УИК РФ закрепляет за осужденными право на получение различного количества свиданий (статьи 121, 123, 125, 131).

УИК РФ в части 3 статьи 89 предусматривает, что осужденным по их просьбе разрешается заменять длительное свидание краткосрочным, краткосрочное или длительное свидание телефонным разговором, а в воспитательных колониях длительное свидание с проживанием вне исправительного учреждения краткосрочным свиданием с выходом за пределы воспитательной колонии. Порядок замены одного вида свидания другим устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Пункт 82 ПВР ИУ устанавливает порядок замены одного вида свидания другим, в соответствии с которым замена видов свиданий и свиданий на телефонные разговоры производится по письменному заявлению осужденного, что соответствует положениям УИК РФ.

Утверждения заявителя о том, что периодичность свиданий и телефонных разговоров должна регулироваться самим осужденным, не основаны на нормах уголовно-исполнительного законодательства.

УИК РФ в статье 10 устанавливает, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ.

Осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях, где действует определенный порядок исполнения и отбывания лишения свободы (режим).

Согласно части 1 статьи 82 УИК РФ режим в исправительных учреждениях – это установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

Правилами устанавливается перечень вещей и предметов, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать. Исключение возможности нахождения у осужденных определенных вещей и предметов обусловлено необходимостью обеспечить безопасность самих осужденных, персонала, иных лиц, а также исключить основания для возможных конфликтов

между осужденными по поводу владения отдельными вещами и предметами. Проникновение к осужденным запрещенных предметов влияет на оперативную обстановку в местах лишения свободы, в определенной мере дезорганизует нормальную деятельность учреждений, что является не только нарушением режима отбывания наказания, но и способствует совершению осужденными новых преступлений.

При этом положения пункта 8 приложения № 1 к Правилам не содержат запрета осужденным иметь при себе наручные и карманные часы, если они отбывают наказание в исправительных учреждениях, за исключением тюрем.

Пункт 4 примечаний к приложению № 1 к Правилам устанавливает полномочия начальника учреждения определять количество вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденные могут иметь при себе, их общий вес. Установление их осуществляется не произвольно, а с учетом местных условий и возможностей.

Доводы заявителя о том, что пункт 8 приложения № 1 к Правилам в его толковании правоприменителем запрещает осужденным к пожизненному лишению свободы иметь в личном пользовании настольные часы небольшого размера для коллективного пользования, не могут служить основанием для удовлетворения заявленных требований. Пункт 8 приложения № 1 к Правилам не регламентирует вопросы пользования осужденными к пожизненному лишению свободы настольными часами.

(Решение ВС РФ от 13 мая 2013 г. № АКПИ13-266)

Внесены уточнения в порядок применения закона об уголовной ответственности за совершение изнасилования.

ВС РФ внес изменения в постановление по делам об изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера. Изменения сводятся к следующему.

Применяя закон об уголовной ответственности за совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних либо лиц, не достигших 14 лет, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по этим признакам возможна лишь в случае, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее соответственно 18 либо 14 лет.

Ранее разъяснялось, что ответственность за совершение указанных деяний наступала лишь в случаях, когда виновный достоверно знал о возрасте потерпевшего.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 14 июня 2013 г. № 18 «О внесении изменения в Постановление Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 года № 11 "О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации"»)

КС РФ разъяснил нормы ГПК РФ и Закона о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок о компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок, если подозреваемый или обвиняемый по делу не установлены.

По мнению заявительницы, обратившейся в КС РФ, оспариваемые нормы являются неконституционными, поскольку не позволяют пострадавшему или иному заинтересованному лицу обратиться в суд с требованием о компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок, если подозреваемый или обвиняемый по делу не были установлены.

КС РФ пришел к следующим выводам.

Потерпевшему или иному заинтересованному лицу, в деле которого не были установлены подозреваемый и обвиняемый, может быть отказано в рассмотрении указанных заявлений. Однако такой отказ возможен лишь при условии, что в ходе предварительного расследования были приняты все должные меры для своевременного установления подозреваемых (обвиняемых).

Несмотря на это, судебное толкование оспариваемых положений позволяет отказывать потерпевшим в принятии к рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в связи с тем, что подозреваемый или обвиняемый по делу не установлен, даже если имеются данные, свидетельствующие о непринятии должных мер для своевременного осуществления досудебного уголовного судопроизводства.

Таким образом, оспариваемые положения не позволяют потерпевшему или иному заинтересованному лицу, в деле которого не были установлены подозреваемый и обвиняемый, обратиться в суд с требованием о компенсации, если имеются свидетельства его нарушения.

Данный подход признан не соответствующим положениям Конституции РФ.

В связи с этим законодателю надлежит уточнить порядок и условия подачи соответствующих заявлений.

До внесения изменений суды не вправе отказывать в рассмотрении заявлений, если имеются данные о непринятии надлежащих мер для своевременного осуществления досудебного уголовного судопро-

изводства, в т. ч. для своевременного установления подозреваемых (обвиняемых).

(Постановление КС РФ от 25.06.2013 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок", частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой»)

Пленум ВС РФ дал разъяснения по некоторым вопросам, возникающим при применении главы 11 «Освобождение от уголовной ответственности» УК РФ.

Пленум указал, что судам следует иметь в виду следующее:

– деятельное раскаяние может влечь освобождение от уголовной ответственности только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным. Разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности. При этом признание лицом своей вины без совершения действий, предусмотренных указанной нормой, не является деятельным раскаянием;

– условие освобождения от уголовной ответственности в виде способствования раскрытию и расследованию преступления следует считать выполненным, если лицо способствовало раскрытию и расследованию преступления, совершенного с его участием;

– при рассмотрении вопроса о применении положений статьи 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого явилась смерть пострадавшего, судам следует иметь в виду положения части 8 статьи 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников погибшего. При этом необходимо учитывать, что положения указанной нормы не препятствуют признанию потерпевшими не одного, а нескольких лиц. Поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо ограничений в процессуальных правах лиц, признанных потерпевшими в порядке, установленном частью 8 статьи 42 УПК РФ, примирение лица, совершившего преступление, с такими потерпевшими может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности;

– для освобождения от уголовной ответственности за преступление, указанные в части 2 статьи 76.1 УК РФ, возмещение ущерба, а также перечисление в федеральный бюджет дохода и денежных возмещений должны быть произведены в полном объеме;

– в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести в сфере экономической деятельности выполнение не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных статьей 76.1 УК РФ, препятствует освобождению лица от уголовной ответственности по правилам не только указанной нормы, но и статей 75 и 76 УК РФ;

– сроки давности привлечения к уголовной ответственности оканчиваются по истечении последнего дня последнего года соответствующего периода (например, если преступление небольшой тяжести было совершено 12 августа 2010 года в 18 часов, то срок давности в данном случае начинает течь 12 августа 2010 года, последний день срока давности 11 августа 2012 года, по истечении которого, т.е. с 00 часов 00 минут 12 августа 2012 года, привлечение к уголовной ответственности недопустимо). При этом не имеет значения, приходится ли окончание сроков давности на рабочий, выходной или праздничный день.

Когда последний день срока давности совпадает с днем вступления приговора в законную силу, лицо не подлежит освобождению от уголовной ответственности, поскольку срок давности еще не истек.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон и истечением сроков давности уголовного преследования, а также по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности осуществляется в форме прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования на основании пункта 3 части 1 статьи 24, статей 25, 28 и 28.1 УПК РФ. В соответствии с частью 2 статьи 27 УПК РФ обязательным условием принятия такого решения является согласие на это лица, совершившего преступление. Если лицо возражает против прекращения уголовного дела, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. В связи с этим судам необходимо разъяснять лицу его право возражать против прекращения уголовного дела по указанным основаниям и юридические последствия прекращения уголовного дела, а также выяснять, согласно ли оно на прекращение уголовного дела. Согласие (несогласие) лица следует отражать в судебном решении.

(Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»)

Пленум ВС РФ разъяснил некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Пленум, в частности, разъяснил, что:

– административный надзор в обязательном порядке применяется к совершеннолетним лицам, освобождаемым или освобожденным из мест лишения свободы, если они имеют непогашенную или неснятую судимость за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений либо за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего;

– применение административного надзора к иностранным гражданам и лицам без гражданства возможно при условии их проживания (пребывания) на территории РФ на законных основаниях;

– в отношении беременных женщин, а также лиц, страдающих тяжелым заболеванием, административный надзор устанавливается на общих основаниях, поскольку указанные обстоятельства не предусмотрены законом в качестве исключяющих применение данной меры. Однако они могут быть учтены судом при установлении конкретных административных ограничений;

– административный надзор может быть досрочно прекращен судом на основании заявления органа внутренних дел или поднадзорного лица либо его представителя по истечении не менее половины установленного судом срока административного надзора при условии, что поднадзорное лицо добросовестно соблюдает административные ограничения, выполняет обязанности, предусмотренные Законом, и положительно характеризуется по месту работы и (или) месту жительства либо пребывания.

В случае отказа суда в досрочном прекращении административного надзора повторное обращение с таким заявлением возможно не ранее чем по истечении шести месяцев со дня вынесения решения суда об отказе в досрочном прекращении административного надзора.

(Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 22 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об административном надзоре»)

Пленум ВС РФ дал разъяснения, касающиеся порядка применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В частности, указывается следующее:

– правовые позиции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) учитываются при применении законодательства РФ. В частности, со-

держание прав и свобод, предусмотренных законодательством РФ, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого ЕСПЧ при применении Конвенции и Протоколов к ней. При этом законодательство РФ может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании ЕСПЧ. В таких случаях судам необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве РФ;

– судам при рассмотрении дел всегда следует обосновывать необходимость ограничения прав и свобод человека, исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества;

– необходимость соблюдения разумных сроков судопроизводства не может оправдывать ограничение иных прав, предусмотренных в конвенции (например, права на процессуальное равенство сторон в судебном процессе; права обвиняемого задать вопрос показывающему против него свидетелю). Поэтому суд не должен под предлогом соблюдения разумных сроков судопроизводства отказывать в исследовании доказательств, необходимых для полного и объективного разрешения дела, а также для обеспечения процессуального равенства сторон;

– положения пункта 4 статьи 5 Конвенции в толковании ЕСПЧ предусматривают право лица на безотлагательное рассмотрение судом вопроса о правомерности его заключения под стражу и на незамедлительное освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным и необоснованным. В связи с этим судам после поступления жалобы и (или) представления на постановление об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу (о продлении срока содержания под стражей) необходимо незамедлительно направлять соответствующие материалы для апелляционного рассмотрения. Судам апелляционной инстанции надлежит рассматривать указанные жалобу и (или) представление не позднее срока, определенного в части 11 статьи 108 УПК РФ.

(Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»)

Место действия: один сибирский город... пускай будет Тюмень!

Время действия: 1993 год, начало рыночных отношений и разгула... ну и т.п., август.

Свое имя я ненавижу. Сколько пришлось выстрадать только за одно дедушкино «хочу». Он решил так, видите ли... А обо мне подумал? Как мне будет с ним житься? Отец назвал меня в честь своего папы, а моего дедушки, Адольфа Карловича. У нас в семье так принято из поколения в поколение, и отец мой носил имя предков. Ему-то нормально – он был Карл Адольфович. А я... Если я выживу и у меня родится сын, то под страшными пытками я не назову свою кровинушку Карлом. Хватит! Надоело! Одни неприятности от этих семейных традиций. Вот и тогда... Да ничего бы и не было, если бы омоновец не увидел в паспорте мое имя. Сил нет! Неделю уже лежу, харкая кровью...

1

...В тот день сидели мы с пацанами в машине. «Девятка», с характерным запахом, который знаком каждому владельцу нового автомобиля. Приятно осознавать, что в машинке никого еще не убивали и не насиловали. В скверик у Червишевского тракта мы приехали «на стрелку», которую забили обнаглевшей грузинской группировке – «нашего» коммерсилу пытались напрядь.

Долго сидим. Я уже вторую банку «Баварии» допивал. Со мной Хрипатый, Волчок и Саня Дурмашина. Про Саню и базарить нечего. Погоняло само за себя говорит. Под два метра ростом, рожа во все ветровое стекло нашей «девятки», да еще и в спортзал ходит «железяки» подергать. Кстати, «папик» наш его там и увидел. А вот про Хрипатого и Волчка, пожалуй, стоит рассказать подробнее...

Отморозки они. Правильно и называют друг друга «душманами». Им что убивать, что музон послушать – одинаково приятно. Волчок, вроде и росточка небольшого, волосенки на голове жидкие-жидкие с седой прядью у левого виска, но глаза... Взгляд у него, как два ствола карабина «Сайга». Легко представить, что творится с «клиентами», когда Волчок на них только поглядит. Он сам об этом знает и, наверное, потому не расстается с темными очками в металлической оправе. Думаю, и спит в них, чтобы свою очередную подружку не пугать.

Хрипатый – тип еще тот. Контуженный под Кандагаром. Месяца три не мог вспомнить в госпитале, как его зовут. Да и сейчас тоже. Вот спроси его резко назвать имя, и он начнет морщить лоб, вспоминать. Жалко, конечно, мужиков. Бились за амбиции государства, а теперь этому государству на хер не нужны. Вот и зарабатывают на хлебушек с икрой – так, как им привычно зарабатывать, войной...

Хрипатый... С виду «тормоз», а таких песен про ту войну, «афганскую», которые он поет, я ни у кого и никогда не слышал. У нас еще пара «афганцев» есть, и, когда выпиваем, они всегда просят его спеть. Когда он поет, в сорванном голосе особая грустинка появляется, и уж не замечаешь, что голос сорван. А «душманы» плачут. Представляете? Здоровые мужики сидят и плачут. Зрелище не для слабонервных, скажу вам.

Грузинов так и нет. Не явиться на «стрелку» – это косяк, и спрос с них как с гадов. Дерьмо кипит у всех.

– Ну чё, пацаны, едем мочить «биджо», – зло процедил Волчок, – так дела не делаются...

– Давай, погнали... Разомнемся хоть, повеселимся... – поддержал Хрипатый братана-«душмана».

– Может, хрен с ними, пацаны? Поедем в офис и скажем «папику», что хачики трусили и не приехали. Пусть он с Сосо сам бодается. И я чуть под баранку «девятки» не залез от хохота. Саша Дурмашина, сидящий со мной рядом, придумал такой выход из ситуации. Он всего полтора месяца у нас и еще ни разу по-крупному в разборках не участвовал. «Душманы» ржали тоже. Видимо, представили, как Дурмашина с «папиком» будет объясняться. Телок он, а не Дурмашина. С такой рожей и такой трус. Надо сказать «папе», чтобы убрал его из нашего звена. Подставит когда-нибудь нас этот конявый. За свою башку я сам отвечу, но подставлять ее из-за чьей-то трусости...

Все двери у нашей «девятки» распахиваются, и нам орут:

– А ну, вышли из машины! Все! Быстро, суки!!!

Откуда они взялись? Я и не видел, как подскочили омововцы. Это те легендарные ментовские отморозки, бывший рижский ОМОН, кото-

рых после развала Советского Союза приютили у нас в Тюмени, еще в конце девяносто первого...

Дурмашина-придурак виноват. Пока мы ржали над ним, омововцы и подъехали.

Дергаться бесполезно. Выходим. Я вылезая последним и вижу, что черная «Волга», видимо, с «биджо», в лихом развороте скрипнула покрывками и рванула от сквера в сторону Червишевского тракта.

«Стрелу» просохатили и нас подставили. А может, и не они? Ладно. Потом разберемся. И за подставу ответят. Они, не они – не важно... Предъява не хилая будет нашего «папика» ихнему...

Смотрю, пацанов уже шмонают, и меня как обухом по башке... Почему я паспорт-то не затырил? Стволы-то надежно лежат, и без собаки их не найдут. А вот паспорт... Лежит в кармане куртки. Слышу, Дурмашина тоненько заныл:

– Я не с ними, отпустите меня... Да я...

Удар «берцем» меж ног, и наш Санек складывается, как складной метр. После пинка в красную рожу он вскакивает и прикрывается руками. Из-под пальцев, заливая все руки до локтей, течет кровь. «Душманы» смотрят на него с презрением. Волчок сплевывает и отворачивается.

– Ну-ка, поверни сюда морду, фашист недобитый, – раздается голос омововца, изучающего мой злополучный паспорт. Поворачиваюсь, а крыша уже поехала. Ладно, пацаны меня зовут «Фашиком» – они свои, а этот ментяра чего себе позволяет? Кинулся я на него, полметра не хватило, чтобы вцепиться в глотку. Он, видимо, на автомате с размаху ткнул прикладом мне в лоб.

Очухался я уже на земле. В затылок уперта сталь ствола и голову поднять невозможно, а кровь заливает глаза и тут же сворачивается.

Слышу, Хрипатый говорит омововцу, чтобы тот на предохранитель оружие поставил... и тут же звучит выстрел. Тогда так и подумал, что Хрипатога пристрелили. Сам-то я не трус, но тогда, признаюсь, весь взмок. Ведь одно неосторожное движение, и пуля разнесет и мою башку...

Ни фиги! Исхитрюсь скосить глаза сквозь запекшуюся кровь – и вижу, что и у Хрипатога его бестолковка на месте: видно, шмальнул мент куда-то в кусты для острастки. Лежит недалеко от меня, и так же, как в мою, в башку его упирается ствол автомата, а в спину – ботинок омововца.

– Слушай, ты... – Хрипатый пытается воззвать к человеческим чувствам великана в маске. – Поставь на предохранитель, дурак!..

– Лежи давай! – из-под маски доносится нечто похожее на смех. – А то щас палец ненароком сорвется, и одной мразью на свете станет меньше.

Вижу, как лицо Хрипатога наливается кровью, и мысленно прошу его успокоиться. От асфальта воняет бензином...

А вот и фургон ментовской подоспел! Спорые «красноперые» высочили, чтобы помочь своим омовским собратьям препроводить до N-ского райотдела грозных преступников, то бишь нас.

«Мой» омовец, убрав ствол автомата с моего затылка, велел, легонько пнув меня ботинком:

– Подымайся, урод!

Подскакивший мент защелкнул на мне «браслеты». Омовец кивнул на меня:

– Гордись, целого Гитлера поймали!

– Как Гитлера? – Мент уставился на пятнистого собрата.

– Адольф его зовут, фрица этого.

– И фамилия Гитлер?

У милиционера чуть фуражка не поднялась вместе с волосами.

– Бух моя фамилия! Бух! Да, Адольф я, а вас е...т?!!

Я снова не выдерживаю.

– Бух... Бухарик, короче! – Омовцу лишь бы поржать. – Не держайся, фашист недобитый! – И могучий толчок в спину. – Пошел!

Ну денек!

2

В отделении, куда доставили, при оформлении нас, задержанных, тоже веселуха поперла. Для ментов веселуха.

Кабинет полон до отказа – нас четверо у стены, по очереди подходим к столу с плешивым майором в очках с конским каким-то лицом. Тот протокол задержания корябает. За соседним столом летеха молодой, розовый как поросенок, сидит со всеми причиндалами для откачивания пальцев – валик, краска, стопка бумаги. Двое в штатском пытаются сверлить нас взглядами. И омовцев двое – как статуи.

Первым Саша Дурмашина оформлялся. Рожа красная, губы слюнявые развесил, говорит еле слышно. Но все же сумел, ублюдок, взять себя в руки. Нет, ни о каком криминале слыхом не слышал – попросил случайных ребят довести его до рынка, купить чернослива и кураги любимой бабушке, страдающей стенокардией, очень, говорят, хорошо эти продукты на сердечную мышцу действуют. И вот только сел к ним в машину – тут наряд ОМОНа почему-то... Нет, ни о чем таком-разэтаком ребята не говорили, всё о погоде да о кино.

Ох, Саша-Саша... Там, в скверике, надо было гнилуху свою в себе держать! Ладно, и на том благодарствуем, что до конца не сломался, краснорожий.

С «душманами», конечно, проблем абсолютно никаких не возникло – еще бы! Они Крым, Рим и медные трубы прошли, хули им перед красноперыми «ломаться»? Ни в жизнь! Майор только вздыхал отрешенно, записывая ересь, которую ему гнал Волчок: о споре между ним и Хрипатым про то, как декабристы разбудили Герцена, и о художественных достоинствах телесериала «Санта-Барбара».

С тормозным же Хрипатым майор вообще чуть с ума не сошел – паузы между вопросами и ответами длились чуть не по минуте, ответы были «ага», «угу», «не», «ну дак». Отчаявшийся майор только кряхтел.

А я последним шел. Матеря мысленно и себя, дурака, за то, что паспорт не выложил утром дома, и папочку своего, Карла Адольфыча за святое следование семейным традициям.

– Фамилия?

– Там написано...

– Я не спрашиваю, что «там» написано! – Майор смотрит на меня глазами безумной крольчихи, очки блестят, как сопля на солнце. – И вообще, вопросы здесь задаю я! – прибавляет он ни к селу ни к городу.

– Бух.

– Ха. Еврей, что ли?

– Немец.

Тут майор наконец соизволит заглянуть повнимательней в паспорт.

– Имя Адольф, что ли?

– Да, Адольф.

– Карлович?

– Ну да...

Майор снимает очки и торжествующе смотрит на меня, сложив лапки свои на столе.

– Яблочко от вишенки недалеко падает! – начинает он речь. – Не зря, ой не зря такое имечко носишь... Дедушка-то небось в концлагере работал, людей жег? И папа, видать, такой же у тебя... И ты в них уродился – фашист, эсэсовец! В бандиты подался, мразь? Стрелять вас надо с такими именами!

– Слушай, ты опомнись, майор! – не выдерживаю я и тут же ощущаю на плече лапу омовца.

– Это ты опомнись, мальчик! – гудит человек-гора. – А то мы щас поможем.

Эхма!

3.

И вот за мной хлопает дверь камеры. «Дом, милый дом», хааа! Откуда это? Да не важно.

В камере народу, что селедки в банке, дух спертый. На меня таращатся глаза цыган, бомжей, мелкой шпаны. Я с порога приветствую всех, обитатели узилища вразнобой отвечают.

Из разношерстной толпы выныривает некая мутная личность – щупленький мужичонка шакалей наружности, рукава совковой рубашки закатаны. Кисти рук и предплечья испещрены элегантным «зонновским» татуажем, мне хватает лишь взгляда на одну из наколок – кулак, сжимающий кинжал, – чтобы понять, кто передо мной: «баклан», судимый за хулиганство то бишь. Статья легкомысленная, неуважаемая. И человек, передо мной, судя по всему, несерьезный и паскудный.

А вот мой визави, видать, не понял, что перед ним не теленок. Пальцы испорченные выгнул веером и загнусавил:

– А када в камеру заходишь – разговор такой заводишь... Здорово, че ли, земля? – и смотрит вызывающе. Хмыкаю в ответ:

– Здорово, коли не шутишь...

– Какие тут шутки – вынувши х.й, за девками гоняться?! – вопит «баклан». Из угла выдвигается еще одно чудо – долговязый худой парень со всеми признаками дебилизма на дегенеративной морде: узкий лоб, скошенный подбородок, глаза мутные.

А «баклан» все комедию ломает, как ломал, верно, уж не раз и пред другими:

– Ты кто по жизни-то?

– Малыш, – отвечаю, – вопрос встречный: а ты кто здесь, чтоб со мной «по понятиям» тереть?

– Че-е, крутой к нам залетел?! – В глазенках мужичка-шакала по-является присущий этому племени азарт. – Да мы тебя!..

Ну все, хорош!

Хватаю уroda за уши и невытые волосы, пригибаю его башку долу и со всей силы и ярости впечатываю в лицо свое колено... Отпуская обессиленное тело на пол, добавляю ногой – и мужичок метра полтора идет юзом по каменному полу.

– Иди сюда! – кричу дебилу.

Тот, наоборот, пятится... За шиворот – и напарник «баклана» бахается спиной в дверь камеры, а я начинаю его лупить по чем ни попадя. Он прикрывается руками и оглушительно орет...

Дверь распахивается, оттесняя меня и мою дебильную жертву, и в глазах у меня меркнет от удара дубинкой по голове...

...Меня оттащили в кабинет к тому майору и долго избивали четверо милиционеров. Особенно старался сам майор-«антифашист». Благо хоть не омоновцы... Вас когда-нибудь били в милиции? Нет? Тогда вы не знаете, о чем я говорю... И слава Богу, что не знаете. Майор очкастый при каждом пинке по почкам лишь приговаривал:

– Получи, фашист, гранату! Ишь, порядки свои у нас собрался устраивать. Здеся тебе не Бухенвальд!

Остальные трудились молча – отработывали на моих боках зарплату милицейскую...

Смутно припоминаю, как меня протащили по коридору в другую камеру, поменьше и почище, и уложили на «шконку». Слышу голоса, незлые вроде. Кто-то меня тронул за плечо:

– Живой, что ли?

– Ага.

Я, кряхтя, усаживаюсь на «шконаре».

В камере кроме меня еще трое. Все синие от наколок, но по тем «партакам» видно – люди в криминальном мире солидные, уголовники старой закваски.

– У кого пашешь-то, пацан? – Спрашивающий, лет под пятьдесят, смотрит доброжелательно.

Я называю имя.

– Знаем такого, как не знать! Человек уважаемый. На, водички хоть попей!

Я с благодарностью принимаю тюремную эмалированную кружку, разом ее выпиваю.

– Похаваешь, может?

– Не, благодарствую! Тошнит.

– Лампочку стряхнули, хули...

Я снова падаю на «шконку», все тело гудит, голова – будто все же прилетела в нее пуля из омоновского автомата, вот-вот разорвется на части. Забываюсь в полусне...

Дверь камеры грохает.

Бух!

В дверях мент-ивээсовец и еще один, с дубинкой наготове.

– С вещами на выход!

Уже утро, и солнечный свет сквозь решетку падает на пол.

Короче, вытянул нас всех тогда из мусарни наш «папик». Довезли меня до дому...

...И валяюсь сейчас на тахте у себя. Отлеживаюсь уже несколько дней после «отоварки» милицейской. Ребята лекарств приволокли

всякоразных, пожрать, чего душа желает, а мне кусок в глотку не лезет. Перед тахтой столик со всем этим, в квартирке моей однокомнатной – «духан» от лекарств, как у пенсионера. Время от времени поднимаюсь, держась за стенку, ползу в сортир – и удрученно наблюдаю за собственной кровавой струей.

Шшшуххх!

Занавеска на окне, форточка скрипнула, и нечто живое шлепнулось на мягкие свои лапки. Кошак мой вернулся с многодневной гулянки, угольно-черный Нельсон, такой же непутевый, как его хозяин.

Поворачиваю голову:

– Нельсон! Кис-кис!

Мохнатый мерзавец в ответ шипит и жметесь к стенке. Не узнал хозяина? Вот это номер!

– Тварь! Не хватало, чтобы еще собственный кот меня ненавидел.

Негодяй словно прочитал мои мысли – присмотрелся и, вспрыгнув на тахту, примостился возле бока. Замурлыкал. Я задумчиво почесал ему загривок.

– Эх, Нельсон! «Мудилка» тебя надо было назвать, скотина мохнорылая...

Заканчивать пора с этими семейными традициями, да и не только с ними, видимо, а и с этим образом жизни... Если не сдохну, поменяю паспорт и имя и заживу спокойно. Кто будет обращать внимание, скажем, на Соколова Михаила Михайловича...

Карантин. СИЗО

Меня одного заводят в большую камеру «карантин». Двухъярусные нары и в качестве стола длинная доска, приделанная к стене. Устал за трое суток допросов в КПЗ, а поэтому забираюсь наверх, ложусь на отшлифованные до блеска тысячами тел доски и засыпаю. Мне снится жена, дочь-кроха (мне девятнадцать, но уже своя семья) – как они там сейчас без меня?..

Ночью пришел этап с севера. Лязг открываемого замка прерывает сон. В камеру набивается человек тридцать: кто наверх, кто устраивается внизу.

– Эй, малыш, продерни отсюда! – Обросший мужик берет меня за плечо и толкает так сильно, что не успею я упереться руками в стену над столом – рухнул бы вниз.

А мужик уже забыл про меня, да и остальные ноль внимания, все заняты своими делами. Он стелет на то место, где только что сидел я, телогрейку, рюкзак ставит в голову вместо подушки. Потолки в камере высокие, и по верхним нарам можно свободно ходить в полный рост. Подхожу к нему, стучу по плечу и, когда он оборачивается, бью вилкой из пальцев ему в глаза – дикий вопль, и он валится мне под ноги.

– Он глаза мне выколол! – орет белугой лохмач.

Добавляю ему с ноги в голову, подтягиваю за воротник к краю и скидываю с нар на пол. Я понимаю, что сейчас меня будут бить, но сдаваться не собираюсь.

– Ты что, озверел, парень?

Сбрасываю с плеча чью-то руку, отскакиваю в угол.

– Ша, мужики! – раздается голос от дверей.

Наверх залезают четверо. Садятся кружком и приглашают присесть рядом. Сажусь, но чуть в сторонке.

– Не гони, босяк, – говорит тот же. – Подтягивайся ближе, знакомиться будем. И протягивает руку: – Клим.

Пододвигаюсь, жму его крепкую, сухую руку:

– Марата.

– Валет, – протягивает руку круглый как шар мужик, что сидит рядом.

Достаёт пулемет (карты), разворачивает веером, складывает и убирает в карман.

– Кошелек! Лис! – представляются двое других.

На нарах появляется закопченный котелок с цифиром, который уже сварили тут же на дровах (тряпках). Ни дыма, ни гари я не заметил.

– Ты откуда? – спрашивает Клим.

– С города.

– Это понятно. Сидел где?

– На короедке был, в «Известках».

– А... ну, это в корне меняет дело, – смеется Лис. – Помнишь, Клим?

– Да. Были мы там, очень давно. Хорошая школа! И как там сейчас?

– Каждому свое, – отвечаю я и принимаю кружку, делаю глоток крепкого, тягучего отвара, передаю дальше.

– А что дикий такой? – спрашивает Валет. – Несладко было?

– Я же сказал: каждому свое.

– Понятно. Сидишь за что?

Клим внимательно смотрит мне в глаза.

– Автобус угнал, покататься.

– И что?

– А ничего. Колесо прострелили и взяли, а так бы не дался. Не хочу сидеть...

– Круто! – смеется Кошелек. – С понтом кто-то этого хочет?

– Это вопрос спорный. Каждому свое, как здесь уже было замечено.

– Лис, давай без этой своей философии, – хлебает громко Кошелек и передает кружку Климу.

Тот долго смотрит в нее, делает глоток, второй, передает кружку мне и говорит:

– Дерзкий ты не в меру. Прессовать тебя мусора, ломать будут. Выживешь, будешь человеком, сломаешься – грош тебе цена. Уже то, что тебя закинули в этот карантин для строгачей, а не по адресу – к первоходам, говорит о том, что уже началось.

Я хотел рассказать о том, что те прожарки, которые мне пришлось пройти на короедке, выдержит не каждый взрослый мужик, но молчал. Что-то мне подсказывало, что этот взрослый мужик знает все мои слова и вопросы наперед.

– Вижу, что ты в непонятке, но у нас еще будет время поговорить. Спать будешь здесь, рядом со мной, – и указал на телогрейку с рюкзаком, которые постелил тот мужик. – Да, это мое, – видя мой немой вопрос, сказал Клим. – Переборщил Сеня.

– А кто он?

– Он шнырь... Сеня, ты как там, живой?

С нижней нары появилось распухшее лицо.

– Плохо мне, Клим... не вижу ничего, к лепиле бы надо.

– До утра потерпишь, а там посмотрим. В следующий раз будешь в рожу дыбать, на кого прешь. Иди спать. Валет, может перекусим чем бог послал?

– Я «за»! – засуетился тот.

– Пожрать ты всегда «за»... Это мы знаем, – засмеялся Клим, доставая кисет с самосадам. – Кури, Марата. Скрути по тарочке.

У меня был опыт, но так, как крутил Клим, я так и не смог научиться. Тарочки у него получались тонкие, твердые, как сигаретки. Закурили.

– Ты не волнуйся за Сеню, – сказал я Климу, – к утру все будет нормально. Проверено много раз.

Мне было жалко мужика, хотя я знал: он бы меня не пожалел – выживает сильнейший. Слабые здесь не выживают.

– Да, я знаю, – ответил Клим. – Лис, ты помнишь, как это называется?

– Чухмарка, – отозвался тот сонным голосом.

– О, этому только поспать. Ты жрать-то будешь?

– Нет. Я потом.

– Я знал, что ты откажешься...

– А чего ж предлагаешь?

– Поэтому и предлагаю.

Слушая этот беззлобный треп взрослых мужиков, я понимал, как много их должно связывать в этой жизни. Все отработано. Ни одного лишнего слова, телодвижения. Перекусили салом, запили чаем и улеглись.

– Клим, – позвал я.

– Да!

– Расскажи, какие такие прожарки ждут меня?

– Я ждал этого вопроса, – сказал он, – и рад, что не ошибся в тебе. Хочу надеяться, что хороший человек из тебя получится. Главное: никому не верь, никого не бойся, ни у кого ничего не проси. Загибаться будешь, умирать – не проси. В карты играешь?

– Нет.

– Надо будет научиться... А то сядем, к примеру, в хате рамца расписать, а ты не сможешь компанию поддержать.

– Я научу! – кричит Валет с толчка.

– О! Услыхал. Сиди уже там, катала... только жрать да...

– Компанию поддержать – это одно, азарт – другое. Вот нарвешься на такого, как Валет, и останешься без штанов, а там и до греха недалеко, – заметил Кошелек.

– Карты, между прочим, – подскочил задетый за живое Валет, – говорят о наличии интеллекта у того, кто в них играет. Это тебе не мелочь по карманам тырить. Давай Лиса спросим?

– Лиса мы, конечно, спросим, когда проснется, а ты пока скажи правду пацану, сколько ты штанов проиграл за свою жизнь, а? Вот то-то, – дразнил Валета Кошелек.

На всю жизнь я запомнил эти слова. Играть научился, а тяги к игре, так и не приобрел.

– А мы так и будем здесь сидеть до суда? – спросил я.

– Нет. Дня два-три, а там распределение по хатам. Тебя, скорее всего, как первохода закинут в тройник.

– А это что?

– Это маленькая, уютная, располагающая к общению, на две двухъярусные шконки хата. Сидит там обычно один очень общительный, как правило из бывших авторитетов, весь в наколках.

– Боже мой!

– Это утка. Утка знает все по жизни, метла метет не закрываясь. К нему сажают таких, как ты, первоходов. Смотри не купишь. Попадешь в тройник, держи рот на замке. Наговоришь лишнего, получишь лишний срок. Но и не показывай того, что врубаешься, куда заехал, – коси под митю.

Трое суток до распределения я не давал им покоя своими расспросами. Я ведь ничего не знал про эту жизнь, куда занесла меня глупость. Это не короедка, а огромный незнакомый мир, со своими законами и традициями, где за косяк будет спрос серьезный, по-взрослому, а поэтому мне было все интересно. Их рассказы помогли мне в будущем избежать многих проблем.

Тройник

Распределение прошло быстро. Зашел в кабинет, где было трое кумовьев. Назвал фамилию, статью, кум что-то чиркнул в карточке, и все. Через час вывели с карантина, дали матрас, подушку, одеяло, кружку, ложку, подняли на второй этаж. Едва переступил порог хаты, понял, что Клим не ошибся: я в тройнике – две двухъярусные шконки, умывальник, толчок. Чисто, уютно. В хате один весь в наколках здоровый мужик. У меня возникло ощущение, что мы уже встречались, что я знаю его.

– На постой к тебе, Вася, – сказала дубачка и захлопнула тяжелую дверь.

Лязгнул замок. Открылся глазок.

– Чтоб тихо было...

– Как скажешь, Валюша.

Мужик подскочил к глазку. Пока они шептались, я расстелил матрас на свободной нижней шконке, сел, свернул тарочку самосада, которым снабдил меня Клим, и закурил.

– Фу! Ты че, одурел, пассажир?! – подскочил он ко мне, выхватил из пальцев тарочку и бросил в толчок. – Сигареты же есть!

Достал из мешка, висящего на вешалке пачку «Родопи», кинул мне.

– Кури! Давай знакомиться. Я Вася, погоняло Кот. Сижу за разбой уже пятерку из двенадцати... А ты?

– Дима. Марата. Взяли за угон. Первоход.

– Ух ты, круто! Расскажи?

Я пересказал все то, что было запротоколировано у следака.

– Обалденно! – воскликнул он. – А много у тебя угонов?

– Это первый.

– Да ты не обламывайся, я не курва какая, меня такие люди знают...

И он начал перечислять известных на всю область авторитетов. Пока он говорил, я напрягал мозги, пытаюсь вспомнить, где же мы встречались раньше.

– Ладно, давай пожрем, отдохнешь, а потом уже по сути побазарим. Я ж вижу, что все вату катаешь (думаешь). Отдохни, обдумай все. Может, написать письмо кому хочешь? Пиши. Я отправлю.

– Жене, – вырвалось у меня.

– Ты уже женат, – присвистнул он.

– Да. И дочка есть.

Он резал сало, копченую колбасу, которая была запрещена, а я рассказывал про то, как, придя с короедки, через комиссию по делам несовершеннолетних устроился в автобусный парк. Через год познакомился и с первого взгляда влюбился в чудесную девчонку, а потом родилась дочка. Они там, может, и не знают, где я, куда подевался.

– Понятно, – сказал он. – Ешь, а потом пиши письмо, нужно успеть до пересменки отдать дубачке. Она завезет прямо на адрес.

Впервые мне было трудно писать. Проблема заключалась в том, что я никак не мог подобрать слова, которые бы объяснили мой поступок и то, что жене, учащейся педучилища, придется несколько лет растить дочь одной и самой решать связанные с этим проблемы.

– Да ты главное напиши, – поторавливал меня Кот. – Где находишься, что принести.

Дубачка уже несколько раз подходила, а я все не мог закончить. Так много я хотел сказать, а выходило как-то безалаберно. Все свелось к длинному перечню того, что принести, а в конце тривиальное «прости»...

Мне было так стремно не только перед женой, а и перед самим собой. Отдав письмо, я улегся на шконарь, отвернулся к стенке и долго думал, а истязав себя в конец, уснул. Разбудила меня открывающаяся кормушка.

– Он спит... Умаялся страдалец, – услышал я шепот Кота. – Наш клиент, так и скажи куму, пусть завтра вызовет с утра. Принесла?

Зашуршал пакет, потом что-то шлепнулось под мою шконку, потом «чмок», видимо поцелуй, смешок дубачки, и все стихло. Я продолжал делать вид, что сплю. Слова «наш клиент» не шли из головы, было как-то беспокойно. Я вспоминал рассказы Клина о тройниках. Он говорил, что у уток все схвачено с дубачками и последние, бывает, оказывают им различные услуги интимного характера. Кумовья этому не препятствуют, поскольку утки на доверии. И этот чмок тому подтверждение. Продукты у них, говорил Клима, цивилизные, которые в передачах не принимают, сигареты неломаные, в то время когда тюрьма на махорке катится. Бывает и водка прокатывает по зеленой. Что-то забулькало, и я почувствовал запах этой самой водки. Выпив, Кот крикнул, и что-то снова шлепнулось под мою шконку. Зашелестел пакет, запахло жареной курицей. Спасибо, Клима, прямо в цвет слова твои, мысленно благодарил я старого бродягу.

Вновь открылась кормушка. Поцелуйчики, смешки, шепот Кота.

– Покажи?

– Ты че, офонарел, – шепчет дубачка, – вдруг проснется?

– Да не гони... я соскучился. О, балдеж! Ты самая красивая! Дай потрогаю?

– На, только быстро...

Тяжелое дыхание обоих, снова чмоки. Тишина. Полилась вода в умывальнике.

– Вставай, Марата! Хватит спать! Праздник сегодня у меня, дняха!

А вдруг это проверка, думал я и продолжал делать вид, что сплю.

– Да вставай ты! – положил он мне руку на плечо. – Вот дрыхнет, будто не в тюрьме.. прям завидую.

Перевернувшись на спину, я еще какое-то время лежал с закрытыми глазами, потом сидел, будто приводя сознание в реальность.

– Да и ты неплохо живешь, мне б так жить! – воскликнул я, открыв глаза и увидев в проходе между шконок импровизированный стол из перевернутого таза, застеленного газетой, и разложенными на нем курицей, домашней колбасой, копченой рыбой, помидорами, редиской, луком.

Не дожидаясь ответа, пошел к умывальнику и долго умывался, разговаривая сам с собой. Ну и жук! Только не обломится в этот раз, я предупрежден, а значит, вооружен. Что ж, давай поиграем.

– Хороша поляна! А водки нет случайно? – спросил я, вытираясь половинкой вафельного полотенца, что дали в каптерке вместе с матрасом.

– А глянь себе под шконку, – с лицом хозяина жизни сказал он и откинулся на стенку.

Заглянув под шконарь, я увидел там лежащую грелку – так вот что там шлепалось, понял я.

– Доставай, доставай, – куражился Кот. – Кто умеет жить, тот и в тюрьжке не пропадет, – говорил он, беря поданную мной грелку.

Разливая по кружкам водку, он явно был доволен собой, произведенным на меня эффектом, а я делал удивленное лицо.

– Я тебя научу жить... Главное, слушай, что говорю, и косяки не пори.

Выпили. Закусили. Закурили. И тут меня как током ударило, я вспомнил его – это ж Васька Коровин! Мне было одиннадцать, а он на пять лет старше меня. Он учил меня тогда на конях кататься и пить вермут. Но почему он стал Котовым? Неужели не узнает меня? Играет? Ну ладно, поиграем...

Он, видимо, что-то прочухал, потому что спросил:

– Что с тобой?

– Да не в то горло пошла...

– Тогда давай по второй.

Выпили.

– А ты сам откуда? – спросил я.

– Я не местный. С Ростова приехал пофестивалить, а меня взяли прямо в аэропорту.

– Так у нас же погранзона, – не сдержался я, но он не обратил внимания. Кураж захлестнул.

– А у меня брат здесь живет, близнец. Я по его паспорту прилетел. Он в Черемушках жил, потом к «Туристу» переехал.

Правильно, сказал я себе, так и было... Значит, не ошибся я. Только нет у тебя брата. Сестра была, только повесилась она, когда Коля Конь бросил ее, вот вы и переехали от позора.

– А ты уже сидел? – спросил я, чтоб не молчать.

– Давай бухнем, а потом я расскажу, как жил на воле. Это тебе не по подвалам шлындать.

И тут ты, Васек, проговорился. Была у тебя фанза в подвале. Там и пили мы вермут не раз, вспомнил я.

– Давай, наливай.

– Нет, наливай ты, – говорит он. – Днюха у меня, поляну я сделал, а шустрить тебе.

– Ладно. Мне так мне...

Разлив водку, поднял кружку и сказал:

– С днем рождения, Кирюха!

По его блеснувшим глазам я понял, что попал в точку. Но он быстро справился с волнением. Выпили. Да, Васек, не можешь ты меня не помнить, продолжал я разговаривать сам с собой, ведь это ты меня тогда Кирюхой называл. Выдал ты себя. Ну ладно, трави дальше.

– Ух, проломило, – сказал он, снял рубашку, вышел на пяточок между дверью и шконкой, стал потягиваться, играя мышцами. – Запрыгивай на пальму, буду байки травить.

Переставив импровизированный стол на шконку, я залез на второй ярус. Раскабанел ты... вылитая корова, только вся в наколки. Эта мысль рассмешила меня. Я улыбался, а он расценил мою улыбку по своему и погнал чесать.

– Банда у нас большая. Половина на угонах, половина на гоп-стопе. Все дружные, как братья, как одна семья. Был один засланный, так выкупили его быстро и зарыли живьем – визжал сука, как баба.

А как, интересно, ты визжать будешь, когда тебя зарывать живым станут, подумал я и снова улыбнулся.

– Че ты улыбаешься? Знаешь, сколько раз приходилось лапти рвать от мусоров, на дно падать и месяцами на улицу носа не высовывать?

– Круто, – сказал я.

– Круто, это когда все схвачено, когда дела идут и мусоров на хвосте нет, когда девочки табунами за тобой бегают и на все готовы, когда бабкам счета нет... Да что ты понимаешь... Налей лучше еще по одной.

Мне пить больше не хотелось, но было интересно, что будет дальше, поэтому я молча спустился, разлил по кружкам, одну подал ему.

– Давай, Кирюха, выпьем за братанов, что на воле ждут, не забывают.

Он высоко поднял кружку, подержал, явно любуясь собой и только потом выпил не закусывая, закурил. Я опять залез наверх и, пока он разглагольствовал о понятиях, дружбе, братстве, я разглядывал его

наколки. Блин, вспомнил я, а ведь у него на руке должна быть наколка «Вася». Он ее при мне в подвале швейной иглой колол – жирная такая наколка получилась, но сейчас на ее месте был наколот факел обмотанный колючей проволокой. Может, не он это, мелькнула мысль. Да он! Просто заколол, и все.

– А хочешь, я тебе подскажу, как с делюги сорваться? – услышал я.

– Хочу!

– Тогда слушай сюда... слезай! – Он дал мне лист бумаги, ручку. – Пиши!

– Что?

– Явка с повинной, – начал диктовать он, но в этот момент тихонько открылась кормушка.

– Балдеешь? – спросила дубачка.

Кот тут же оказался у двери.

– Соскучилась?!

– Да!

Он почти высунул голову в кормушку, и они стали шептаться. Как я ни прислушивался, ничего нельзя было разобрать.

– Налей полкружки, – попросил он.

Я налил и подал. Он передал дубачке. Та выпила, и они снова зашептались. Мне стало грустно. Вновь вспомнил жену, дочь. Налив себе пару глотков, выпил. Бросил бумагу с ручкой ему на шконку, лег на свою лицом к стене, и закрутилось... Стены, потолок, шконки кружились перед глазами, тошнило. Глубоко вздохнул раз десять, полегчало. Закрыв глаза и провалился в бездну. Это был кошмар: менты гонятся за мной, стреляют... а я все бегу и бегу... а впереди, где-то на горизонте, стоит жена с дочкой на руках и зовет меня.

– Вставай, проверка, – толкнул меня Кот.

В хате все было прибрано, а он сам – чисто выбритый, свежий.

– Все нормально? – спросил вошедший корпусной с бородавкой на носу.

– Как в тюрьме, – вытянулся по стойке смирно Кот, – все идет по плану...

– После проверки к адвокату собирайся, шутник, – сказал вертухай и хлопнул дверь.

– Наконец-то, – потер ладони Кот и стал собирать какие то бумажки. – Завтрак я брать не стал, куражей хватает у нас, а сечку пусть жлобье ест, – добавил он и заржал.

Я чистил зубы, и это было кстати, так как мне совсем не хотелось ему отвечать. Это его «пусть жлобье ест» резануло слух. Я нарочно

долго умывался, ожидая, когда он уйдет. Дубачка открыла дверь, когда я растирался полотенцем.

– Чай в чифирбаке под умывальником, – сказал он, уходя.

Какой кайф остаться одному в маленькой уютной хате. Хоть бы тебя, козла, совсем не приводили. Что в тюрьме, что в зоне нам больше всего не хватает одиночества. Съев кусок колбасы, запил чаем, закурил, залез наверх к окну и спросил себя: что дальше? А интересно, чем бы закончилось это писание явки, не подканай дубачка? Клим популярно расписал все, что этого касается, поэтому, когда Кот предложил мне ее написать, я еле сдержался, чтоб не кипишнуть, а потом стало интересно и весело. С моим характером косить под митю проблематично, но, раз Кот еще не врубился, значит, у меня получается. Прямо под окном, на котором я сидел, находились прогулочные дворики. Кто гуляет, не видно, но слышно, когда переговариваются. И тут я услышал свое имя: кто-то интересовался у собеседника, не знает ли он, где я сижу. Мне хотелось крикнуть, что вот я, здесь, в тройнике, но ходивший по трапу над двориками дубак мог услышать и услышал бы по-любому, поэтому я промолчал.

Интересно, кто это меня разыскивает в тюрьме? С этой мыслью я прыгнул вниз, допил остывший чай и стал ходить по узкому проходу между шконок. Я подумал о Климе. Больше никого пока здесь не знал. Привезли обед, но я от него отказался. Коту тоже не взял – у него куражи есть. На смену баландеру в кормушке показалось лицо свиданщицы.

– Морачевский? – спросила она для порядка и, не дожидаясь ответа, стала просовывать в кормушку пакеты, которые я принимал и складывал на шконку. – Проверь по списку и распишись, – сказала она, передавая вслед за последним пакетом лист с перечнем передачи.

Я едва глянул на него, и буквы поплыли перед глазами: такой аккуратный, ровный почерк был только у моей жены. Значит, она получила мое письмо. А где деньги взяла? Наверное, у родителей. Значит, мать уже знает, где я. Лучше б ей не знать – это такой позор для нее.

– Подписал, – раздался голос из-за двери.

– Да, сейчас.

Быстро расписался и, отдав бумагу через щель над дверью, стал разбирать пакеты. Скинул грязные вещи, переоделся в чистое, пахнущее домом. Сигареты были переломаны, конфеты без фантиков – слиплись, сало с колбасой потыкано шилом, мыло разрублено пополам, зубной порошок пересыпан в пакет.

– Акт вандализма, – сказал я вслух.

Перекусив, прилег и незаметно уснул, но поспать не дали. Привели Васю.

– У адвоката был, – сказал он, – ходатайство писали на снижение срока. О, да ты, я вижу, в куражи уже поймал! Видишь, как удачно тебя посадили ко мне. У меня все схвачено... ну, я тоже не пустой.

И он стал разбирать пакет, который принес с собой: сигареты неломаные прямо в блоках, чай, кофе, сгущенка в банках, шоколад – все то, что было запрещено передавать и проносить с собой в камеру. В довершение ко всему, он вытащил из под рубашки маленькую грелку с водкой.

– Праздник продолжается! – воскликнул он. – Давай по граммулечке!

Эта грелка была в три раза меньше той, из которой мы пили ночью. А где же та? Неужели он все допил, когда я уснул? Нет, это нереально, он бы не смог быть с утра таким свежим. Значит, куда-то заныкал. И Кот, будто читая мои мысли, говорит:

– Эту сейчас уговорим, а той, что с ночи осталась, после догонимся. Давай!

Выпили. Почувствовав голод, я стал есть уже не обламываясь. Так, под хорошую закуску, мы уговорили восмисотграммовую грелку, но опьянения не было, легкость какая то была во всем теле и в голове. На продоле был какой-то шум, хлопали двери.

– Гулять идем? – спросила дубачка.

– Идем! Идем, дежурненькая! – подскочил Вася к двери.

– Выходим. Руки за спину, – сказала она, открыв камеру.

Мне показалось, что идем мы по каким-то запутанным лабиринтам продолов и лестниц и конца им не будет. Вася шел впереди и перебрасывался шутками с двумя дубачками, одна из них вела огромного пса непонятной породы. За нами шел прапор и тоже нет-нет да и вставлял какую-нибудь плоскую реплику в их треп. Я шел погруженный в свои мысли. Когда же наконец вышли на улицу, где ярко светило июльское солнце, свет больно резанул по глазам, но через мгновение это прошло, и я блаженно потянулся.

– Кайф!

И тут же прапор больно ткнул мне в спину ключом:

– Руки за спину!

Кровь ударила в голову. Я уже повернулся к нему, чтобы ответить, но какой-то внутренний голос сказал: наплюй, и я наплевал. Молча зашел во дворик, встал к стене, подставил лицо под горячие солнечные лучи... Как хорошо после камеры вдохнуть чистого воздуха! Стук в стену вернул меня на землю.

– Уга! Кто гуляет? – раздался детский голос.

Малолетки, мелькнула мысль. Вася приложил палец к губам.

– Молчи! – шепнул он.

В его глазах застыл страх затравленного, попавшего в ловушку зверя.

– Уга?!

Стук повторился.

– Кто гуляет? Че сухаритесь?

– Молчи, – повторил Кот.

– Кот с ноль девятнадцатой, я знаю, что это ты! – кричал за стенкой мальчишка. – Козел, думаешь, засухарился? Земля круглая, и я потрачу всю жизнь, но доберусь до тебя!

Кот стоял весь подобрившись. Нервы были натянуты у обоих. Я видел, что он готов кинуться, если я отвечу. Палец он все так же прижимал к губам.

– Кто сидит с Котом, не верьте ему. Его настоящая фамилия Коровин. Не пишите явки и меньше болтайте. Уже двадцать шесть человек раскрутились из-за него на срока. Я, Гришка с Александровска, отвечаю за базар: Кот – козел!

Дверь в соседний дворик открылась, послышались звуки ударов, стон, вскрик мальчишки...

– Брат-близнец, говоришь... Помнишь меня? Вижу, что помнишь, – сказал я, когда все стихло. – Зачем ты? Ведь ты был уважаемым человеком... Ты продался за балабасы? Смешно.

– Ты еще ничего не знаешь по этой жизни и не спеши меня судить. Вернемся в хату, там поговорим.

– Понятно, что ты будешь говорить. Я знаю, что ты утка, и верю этому пацану. Ты действительно труп, Вася. Ты живешь, пока сидишь, – все это выпалил ему в лицо на одном дыхании. Таким людям плевать на все и всех, но я видел, что Васе неловко передо мной. Он отошел в дальний угол и просидел там на корточках до конца прогулки. Когда нас вели назад, уже я шел впереди, а он за мной и всю дорогу шептался с прапором. На нашем проходе прапор зашел в корпусную, и тут же оттуда вышла дубачка.

– Котов, собирайся на свиданку! – крикнула она.

В хате Кот скинул трико и майку, впрыгнул в брюки и туфли, накинул рубашку, и его увели. У меня было такое впечатление, что это какой-то спектакль. Какой – я пойму позже, а сейчас я сидел и ждал его возвращения. Чуйка мне подсказывала, что вот-вот произойдет что-то плохое. Непокойно было на душе. Открылась кормушка.

– Собирайся с вещами, – сказал прапор. – Пять минут на сборы.

Кормушка закрылась. Я понял, что Кот избавился от меня как от проблемы. Собрав свои вещи в пакет, я подумал, а не обезжирить ли мне его за все? В других хатах голод, а он здесь жирует. Несправедливо. Достав из-под сухого мусора в тазике грелку с водкой, кинул на матрас. Следом туда же полетели сигареты, чай, кофе, молоко, сахар, конфеты, сало, колбаса. Скрутил матрас, обвязал его простыней. Скрутка вышла огромной, но было плевать на все.

– Выходим с вещами, – рявкнул прапор.

Подхватив матрас с пакетом, без сожаления вышел на продол.

Встреча с Климом. Карцер

– Здесь тебя научат жить, – сказал прапор и втокнул меня в хату.

Споткнувшись, я чуть было не упал. Я бросил матрас на пол, стоял и смотрел, как со шконок начинают подниматься.

– Здорово, мужики!

Последним, из дальнего угла, поднялся Клим. Он, улыбаясь подошел. Так как я загораживал собой дверь, он сказал: «Отойди», заглянул в глазок, в который смотрел с той стороны прапор.

– Разберемся, командир. Это мы всегда запросто. Сам знаешь...

Глазок закрылся, раздались удаляющиеся шаги. Еще с минуту Клим прислушивался, а потом сказал в хату:

– Знакомьтесь, это и есть Марата. Я его ишу по всей тюрьме, а он вот, сам приехал. Здорово, арестант! Проходи. Располагайся. Кидай вату надо мной.

– А куреха есть? – спросил кто-то.

– Есть, мужики... Но тут дело такое... – Развернув матрас, показал его содержимое. – Я обезжирил его за все, пока он на свиданке.

– Кого? Ты где был?

Клим строго смотрел мне в глаза.

– В ноль девятнадцатом тройнике.

– Понятно. Годится. Быстро, мужики, соорудили дорогу с соседями и перегоняем всё к ним. Быстро! – прикрикнул Клим. – Ждем шмон.

Последние слова вывели мужиков из ступора, в который впали от увиденного в матрасе. Никто из них даже мечтать в то время не мог о таких куражах в тюрьме. Без суеты все занялись привычным делом: один достал коня (веревку, которая соединяет камеры из окна в окно), другие стали упаковывать все в контейнеры из бумаги и целлофановых мешков. Тот, что достал дорогу, уже протянул ее, контейнеры пе-

редавались ему, а он перегонял их соседям за стенкой, где слышалось движение. Все делалось быстро и четко.

– Ну, Марата, ну, молодец! Всех расшевелил, – балагурил Клим, скручивая очередной контейнер.

Я взялся было помогать, но у меня не получилось.

– Встань лучше к двери и послушай на пике, а здесь мы сами управимся. А это что?

Клим держал в руке грелку.

– Водка...

– Шутишь?

– Нет.

– Обалдеть! Вот это праздник! Наливай каждому, грелку режь и в толчок. Найдут, плохо будет всем.

Вытащив из стола заточенную ложку, передал ее мне. В грелке было литра полтора, поэтому всем хватило по кружке. Мужики давно не пили и быстро захмелели. Но это не повлияло на ход работы, скорее наоборот, она пошла веселее. Допив остатки, я разрезал грелку и спустил палево в толчок, закурил и стал на пику. Минут через десять все было закончено. В хате осталось только то, что передавалось мне в передаче. Хата жила в обычном режиме: четверо играли в домино, один писал, другой читал. Я сидел на корточках под окном, а Клим рассказывал, как он разыскивал меня по тюрьме. Такую картинку и увидели дубаки, когда с киянками ворвались в хату.

– Выходим на продол! – орал корпусной.

На продоле нас поставили лицом к стене с поднятыми руками. Двое шмонали нас, трое – в хате. Шмонали долго, перевернули все, простучали решетку и шконки, но ничего не нашли.

– Все заходят, а ты со мной, – корпусной ткнул киянкой мне в спину.

Когда мы зашли к нему в кабинет, я увидел Кота, стоявшего у окна.

– Где? – спросил он.

– Что «где»?

– Ты под придурка не коси.

Стоявший за спиной корпусной ударил киянкой по ноге, я упал на колено.

– Где, тебя спросили? – Удар по второй ноге, я на коленях. – Водка где? – Удар по спине, я падаю. – Отдай! – Кот бьет ногой под ребра.

– Ты труп! – кричу ему.

Он бьет еще и еще. Встает надо мной широко расставив ноги, нагибается и говорит через губу:

– Отдай, ведь сдохнешь...

Его пах прямо над моим коленом, говорю:

– Ну ты и мразь!

И колено впечатывается по назначению, но и у меня, после яркой вспышки, в глазах свет гаснет. Очнулся от холода на сыром бетонном полу. Маленькая полутемная камера с маленьким грязным окном под высоким потолком, по стенам сочится вода – конденсат, из параша в углу смрад. Карцер. Голова раскалывается на тысячи осколков, и в каждом пульсирует боль. Нахожу на затылке огромную шишку, но крови нет. Держась за стену, делаю шаг к параше. С нее кто-то снял крышку – назло, поэтому такая вонь. Постоял, переживая приступ боли. Приседаю. В глазах все плывет, но мне нужно дотянуться до крышки, иначе задохнусь. Достал. Бросаю. Лязг железа об железо бьет по ушам. Отхожу. Выбираю самое сухое место на полу, ложусь. Сил больше не осталось. Холодно. Бетонный пол через полчаса стал казаться льдом, но сидеть, а тем более стоять не могу. «На хрена нужен был этот автобус? – думал я. – Лежал бы сейчас дома, обняв теплое тело жены, и не знал бы, что такое тюрьма с ее вонючими карцерами». Было слышно, как по продолу баландеры катают тележки с баландой. Открылась кормушка.

– Есть будешь? – спросил баландер.

С трудом подымаю руку, отмахиваюсь от него.

– Ему плохо там совсем! – кричит он кому-то.

– Эй, ты живой там? – зовет дубачка.

Я слышу, но отвечать не хочу. Топот ног. Открывается дверь. Кто-то берет меня за руку, трогает лоб. Меня подымают, кладут на носилки, несут.

– Что вам нужно? Я хочу спать. Оставьте меня в покое, – шевелю губами, но никто не слышит меня.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (июнь – сентябрь 2013 года)

Брянская область

27 июня 2013 года

Сотрудники ИК-1 Брянской области жестоко избили осужденных, прибывших этапом из Саратова и Калуги. Истязания проводились под музыкальное сопровождение в исполнении группы *Rammstein*. УФСИН это полностью отрицает, проверку в ИК-1 проводит прокуратура Брянской области.

26 июня, координатор информационного портала «gulagu.Net» Виктория Крючкова заявила в открытом обращении к директору ФСИН России Геннадию Корниенко об избиениях сотрудниками ИК-1 Брянской области осужденных, прибывших этапом из Саратова и Калуги. «Первые тревожные сообщения поступили на мой мобильный телефон 23 июня 2013 года. Звонившие сообщали, что в учреждение ИК-1 Брянской области осужденные, прибывшие этапом из Саратова и Калуги, были жестоко избиты под музыку *Rammstein* сотрудниками учреждения ИК-1 Брянской области. По информации в ИК-1 были избиты следующие осужденные: Эктумаев Муслим, Чернов Андрей, Филатов Алексей, Прудников Виктор, Гасанов Велли, Кузмицкий Владимир, Кондратьев Денис, Кондратьев Сергей (однофамильцы), Грибков Вик-

тор, Мальцев Виталий, Носовет Евгений, Васичкин Артем, Кухалашвили Зураб, Курдогло Илья, Китенко Евгений, Мерзляченко Петр. Сильно избит Мерзляченко Петр, находится в тяжелом состоянии в медчасти. Остальные осужденные помещены в ШИЗО учреждения без оказания медицинской помощи», – пишет в своем обращении правозащитница. Г-жа Крючкова обратилась к директору ФСИН с просьбой направить в ИК-1 Брянской области проверку из Москвы.

25 июня появилась информация, что в ИК-1 находится прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. 27 июня появилась реакция УФСИН по Брянской области. «Данная информация не соответствует действительности. В настоящее время в брянскую ИК-1 в плановом порядке прибывают осужденные, ранее уже отбывавшие наказание в этом исправительном учреждении, которые весной этого года направлялись в другие территориальные органы ФСИН России на период проведения в ИК-1 противопаводковых мероприятий... Все осужденные по прибытии в исправительное учреждение в соответствии с нормативными документами прошли строго определенные процедуры (медицинский осмотр, обыск и т.п.). Производилась видеофиксация. Специальные средства и физическая сила не применялись», – сообщили в пресс-службе ведомства. В УФСИН подтвердили, что в ИК-1 «по обращениям граждан» проводит проверку прокуратура Брянской области.

Иркутская область

28 июня 2013 года

Уполномоченный по правам человека в Иркутской области Валерий Лукин заявил, что **требования заключенных колонии № 3 были обоснованными**, 62 их жалобы будут переданы в прокуратуру.

«Мы посетили эту колонию, всех выслушали. Их жалобы, конечно, обоснованы», – сказал Лукин. По мнению омбудсмена, особой проверки требует информация заключенных о том, что руководство колонии искусственно завышает показатели трудовой занятости, а заработную плату тех, кто работает, распределяют среди других. Напомним, что 23 июня начались волнения в колонии № 3 в Иркутской области, где содержались бывшие сотрудники правоохранительных органов. В *Youtube* появился ролик, на котором на плацу видна толпа из 150 человек. Анонимный автор сообщал, что зэки взбунтовались, недовольные высокими ценами в магазине, плохой медпомощью и произволом администрации. Правозащитники заявили, что в колонии бунт

и к ней стянуты войска. ФСИН по Иркутской области ответила, что заключенные просто мирно высказали свои требования.

26 июня 39 заключенных утром на плацу демонстративно порезали себе руки. Правозащитники вновь заявили о бунте, ФСИН снова отрицала. «Зачинщиков бунта было 15 человек, они устроили провокацию, которая вылилась в общий протест», – рассказали в пресс-службе ГУ ФСИН Иркутской области. По ее данным, 23 июня два ээка пришли на построение в рубашках с длинными рукавами, а по форме требовалось надеть с короткими. Им сделали замечание, которое ээки использовали как повод для протеста. «Мы предполагаем, что эту акцию протеста осужденные готовили давно. Ждали повода, чтобы вылить на администрацию свое негодование», – пояснили во ФСИН.

Новосибирская область

1 июля 2013 года

В отношении сотрудника ИК-12, подозреваемого в неоднократном получении взяток от осужденного, возбуждено уголовное дело.

По версии следствия, младший инспектор 2 категории группы надзора отдела безопасности ИК-12 ГУ ФСИН России по Новосибирской области получал взятки на общую сумму 30 тысяч рублей от осужденного. Подозреваемый получал денежные средства через посредника за то, что проносил в колонию для осужденного мобильный телефон и денежные средства.

По материалам расследования возбуждено уголовное дело по статье «получение взятки». В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на сбор и закрепление доказательств по уголовному делу.

Самарская область

3 июля 2013 года

Сотрудник СИЗО-1, обвиняемый в получении взятки, представлен перед судом. Куйбышевским межрайонным следственным отделом города Самары следственного управления Следственного комитета РФ по Самарской области завершено расследование уголовного дела в отношении младшего инспектора дежурной службы ФКУ СИЗО-1 ГУ ФСИН России по Самарской области. Он обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ («получение должностным лицом лично взятки в виде денег за незаконное действие»).

По версии следствия, 16 марта 2013 года обвиняемый за денежное вознаграждение в размере 10 тысяч рублей незаконно пронес на территорию СИЗО-1 два сотовых телефона и вещество, запрещенное к свободному обороту на территории РФ.

Оперативное сопровождение по уголовному делу осуществлялось сотрудниками подразделения ГУ МВД России по Самарской области.

Следователем собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем уголовное дело, с утвержденным обвинительным заключением направлено в федеральный суд Куйбышевского района города Самары для рассмотрения по существу.

Кировская область

8 июля 2013 года

Сотрудники ИК № 9 подозреваются в превышении должностных полномочий, а именно в избиении осужденного. Уголовное дело по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ возбуждено в отношении начальника оперативного отдела ФКУ ИК-9 УФСИН России по Кировской области 37-летнего Виктора Тебенькова, старшего оперуполномоченного оперативного отдела ФКУ ИК-9 УФСИН России по Кировской области, 29-летнего Дмитрия Сергеева и оперуполномоченного оперативного отдела ФКУ ИК-9 УФСИН России по Кировской области 24-летнего Константина Янцытова.

По версии следствия, 16 мая 2013 года в период с 9 до 13 часов, находясь в помещении ШИЗО ФКУ ИК-9 УФСИН России по Кировской области подозреваемые, явно превышая свои должностные полномочия, избили 33-летнего осужденного, помещенного в камеру штрафного изолятора. В результате указанных действий осужденному были причинены физическая боль и телесные повреждения.

В настоящее время по уголовному делу проводятся следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия, направленные на установление всех обстоятельств инкриминируемого преступления. Расследование уголовного дела продолжается.

Башкортостан

11 июля 2013 года

В Уфе в ИК-9 общего режима **погиб заключенный, этапированный из Казани в связи с Универсиадой.** 30-летний Азизбек Пармонов был осужден на два года за хищение сумки. Сидеть ему оставалось меньше 10 месяцев.

Начальник ИК-9 рассказал, будто Пармонов умер от сердечной недостаточности после законного применения спецсредств – резиновой дубинки и наручников. По словам фсиновцев, заключенный прибыл в колонию 6 июля и сразу же был помещен в штрафной изолятор, поскольку должен был отбывать наказание в камерном режиме. Вскоре его вызвали на беседу с замначальника по оперативной работе.

Однако Пармонов, как заявляют тюремщики, отказался выходить из камеры и бросился на надзирателя. Тогда его пять минут били дубинкой по ягодицам, после чего заковали в наручники и отвели на беседу. На обратном пути в камеру Пармонову стало плохо, и ему вызвали врача. А днем 7 июля, меньше чем через сутки после прибытия в ИК-9, заключенный умер.

Региональное управление ФСИН подтвердило изданию, что Пармонов умер от сердечной недостаточности, однако затруднилось прокомментировать информацию о применении дубинки и наручников.

Между тем у членов ОНК официальная версия вызывает сомнения. Во-первых, видеокамеры колонии не зафиксировали факт применения спецсредств. Во-вторых, Пармонов никогда не жаловался на здоровье.

Адвокат покойного Олег Максименко, последний раз видевшийся с Пармоновым в СИЗО Уфы за два дня до гибели эка, подтвердил, что «вид у него был бодрый, на проблемы с сердцем не жаловался. Я предупредил его, что у нас в учреждениях нравы суровые и не стоит отказываться от выполнения требований сотрудников», – добавил защитник.

Также Максименко заметил, что администрация ИК-9 не согласилась показать ему труп погибшего. «По непроверенной информации, у него даже зубы выбиты», – сказал адвокат.

По факту гибели Пармонова идет как внутриведомственная проверка УФСИН, так и доследственная проверка, проводимая СКР совместно с прокуратурой.

Уфимская ИК-9 известна бесчеловечным обращением с заключенными. По информации Зили Булатовой, представителя проекта Gulagu.net по Башкирии, администрация и сотрудничающие с ней ээки пытаются, избивают и унижают осужденных.

В июне руководитель ГУ ФСИН Татарии Дауфит Хамадишин заявлял, будто из Казани на время проведения Универсиады будут вывезены лишь «особо опасные заключенные», находящиеся на плохом счету у тюремщиков и негативно влияющие на других ээков.

Между тем 26 июня из колонии в татарском городе Нижнекамск был этапирован активист «Другой России» Кирилл Унчук, приговорен-

ный по «манежному делу» к трем годам общего режима. По состоянию на 6 июля другоросс находился в СИЗО Екатеринбурга.

Амурская область

22 июля 2013 года

Заключенный Благовещенского СИЗО заявил, что его избили в камере. Инцидент произошел 7 июля, когда пострадавший вернулся к месту постоянного пребывания из Сковородинского изолятора временного содержания. Его представители сообщили корреспонденту, что в камере мужчину схватили около десятка незнакомых заключенных, связали и избили.

Представители заключенного просят не указывать его фамилию. С их слов, он находится в Благовещенском изоляторе уже около трех лет. Периодически его вывозят в Сковородинский ИВС, где не положено находиться более 10 дней. 7 июля он как раз вернулся оттуда, вошел в камеру, где находилось несколько незнакомых ему заключенных. Они связали его, начали избивать, унижать. Последнее, что он помнил – как эти люди покинули камеру. А 8 июля мужчину повезли в суд на слушание уголовного дела.

«Я сразу увидела, что он избит, – рассказала Кристина Павлович, представитель заключенного. – Я попросила перенести слушание и вызвать скорую помощь. Врачи приехали, сделали освидетельствование, но никакой серьезной помощи ему оказать не смогли. Он по-прежнему находится в своей камере без должного лечения».

В карте вызова «скорой помощи» указан следующий диагноз: «Закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга, ушибы мягких тканей лица, поясничной области слева».

10 июля прошло еще одно слушание уже по гражданскому делу. Оно проводилось через конференц-связь, заключенного не вывозили из СИЗО. Он попросил судью отложить слушание, так как у него нет материалов дела. По видеосвязи пострадавший официально заявил, что все документы у него украли избившие его неизвестные; на момент нападения бумаги были у заключенного с собой в сумках вместе с другими вещами. Также он заявил об избивании.

Один из зрителей на судебном заседании высказался, что на слушании было заявлено устное сообщение о преступлении – суд или прокуратура обязаны принять решение о проведении проверки. Принято ли оно – пока неизвестно.

Представители заключенного обратились по факту избиения в прокуратуру и в общественную наблюдательную комиссию. Председатель регионального отделения комиссии Наталья Охотникова, курирующая вопросы соблюдения прав граждан, лишенных свободы, подтвердила, что такая жалоба к ней поступала. «Как только нам сообщили об избиении, мы сразу посетили заключенного, – рассказала Наталья Охотникова. – На его лице действительно видны следы избиения – ушибы на носу, под глазами. Сейчас мы выясняем, где именно он их получил: в ИВС, по дороге или уже в Благовещенском СИЗО. Ситуация остается на контроле».

По информации Амур.инфо, заключенного, который сейчас заявил о том, что его избили, в январе 2013 года руководство СИЗО Благовещенска называло в числе организаторов массовой голодовки отбывающих наказание. Тогда от приема пищи отказались более 340 человек из тысячи. А руководство Благовещенского СИЗО направляло материалы в следственное управление СКР по Амурской области для возбуждения дела по статье 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Обращение представителей заключенного в СМИ совпало с визитом в Амурскую область заместителя директора Федеральной службы исполнения наказаний полковника внутренней службы Александра Сапожникова.

Старший помощник прокурора Олег Торлов в телефонном разговоре сказал, что заявления от этого заключенного ему не поступало. Начальник Благовещенского СИЗО Александр Меркулов заявил, что об избиении он не знает, так как заключенный не обращался к нему с какими-либо заявлениями. Имеется медицинское заключение о телесных повреждениях, по которому ведется проверка.

Челябинская область

22 июля 2013 года

В женской ИК-5 в Челябинске заключенные жалуются на пытки и избиения. Члены общественной наблюдательной комиссии Челябинской области посетили учреждение, чтобы проверить поступившие к ним жалобы.

В документе, предоставленном «Новому Региону» членами ОНК зафиксированы следующие жалобы:

1. Очень низкий уровень медицинского обслуживания: ВИЧ-инфицированным не проводятся обследования, потому многие просто не знают своего иммунного статуса; туберкулез диагностируется уже на

стадиях распада легкого, а до этого времени заключенных считают симулянтами, наказывают за отказ работать, водворяют в ШИЗО (в это время они находятся в отряде, заражая остальных); врачей инфекциониста, окулиста, гинеколога заключенные видят раз в полгода и т.д.

2. Ситуация постоянных мелких придинок, грубого обращения персонала, незаконных запретов использования предметов личной гигиены, провокаций нарушений никак не изменилась с момента последних посещений (весна с.г.).

3. Магазин в колонии работает только вторую половину месяца, ассортимент товаров в нем небогат, цены резко завышены по сравнению с «волей» (телефонные карточки, к примеру, дороже в полтора раза).

4. Стоит осужденной пожаловаться или попросить что-то у сотрудников, она сразу получает дисциплинарное взыскание.

5. Персонал учреждения включает регистраторы во время общения с осужденными только тогда, когда это выгодно персоналу, не фиксируя свое личное поведение и отношение к заключенным.

6. Прокуратура, проводя проверки жалоб осужденных, с самими жалобщиками не встречается, не опрашивает ни их, ни указанных в жалобах свидетелей.

7. В ШИЗО все так же осужденным запрещено пользоваться средствами гигиены (шампунем, кремами, резинками для волос, расческа выдается только на полчаса – с 5.00 до 5.30 утра), а осужденным всей колонии запрещено пользоваться одноразовыми бритвенными станками.

8. Во время обысков ломаются и исчезают личные вещи.

9. Несколько человек заявили об избиении сотрудниками колонии осужденной Калуниной 20 июня с.г. Избиение проводилось в том числе и резиновыми дубинками. По показаниям Калуниной, после избиения врач зафиксировал побои, но следователь, прибывший в колонию только через месяц (когда синяки сошли), сказал, что никакие следы побоев в медкарте осужденной не зафиксированы.

10. В распорядке дня карантинного отделения не предусмотрены прогулки, осужденные жалуются, что за время пребывания в карантине никто им не объясняет ни правила внутреннего распорядка, ни что-либо еще, а только заставляют сидеть на стуле, не разрешая при этом даже вытянуть ноги, отчего сидение на стуле превращается в пытку.

11. Запрещаются свидания с «иными лицами» без видимых на то причин.

Комиссия сделала следующие выводы:

1. Комиссия считает, что в колонии персоналом на самом деле создана и поддерживается система унижения человеческого достоин-

ства осужденных, о чем свидетельствует сохранение запретов на использование элементарных средств и предметов личной гигиены (шампуня, кремов, резинок для волос, расчесок, бритвенных станков и т.д.), что напрямую и грубо нарушает конституционные права осужденных, – ст.21 Конституции РФ.

2. Комиссия не видит никаких законных препятствий к искоренению указанной выше системы унижений достоинства человека в колонии, находя имеющуюся ситуацию продиктованной исключительно волей руководства ГУ ФСИН, руководства и персонала ИК-5.

3. Комиссия считает ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ и требующей НЕМЕДЛЕННОГО разрешения ситуацию с обследованием ВИЧ-инфицированных в колонии и ситуацию с диагностированием и лечением туберкулеза осужденных.

4. Комиссия считает, что требуется тщательная и объективная проверка работы прокуратуры по надзору и следователей СО Metallургического района по рассмотрению жалоб осужденных и случаев применения силы и спецсредств к ним сотрудниками ИК.

5. Администрации ИК-5 и ГУ ФСИН требуется прислушаться к мнению собственных психологов о необходимости предоставления свиданий с «иными лицами», заявленными осужденными.

6. Комиссия находит безобразной работу аппарата ГУ ФСИН по оповещению учреждений о визитах ОНК и считает, что виновные в задержке инспектирования ИК-5 20 июля с.г. должны понести дисциплинарное наказание.

7. Комиссия считает, что должны быть расследованы все факты наложения дисциплинарных взысканий на осужденных, которые отказывались от работы или совершали те или иные нарушения ПВП в то время, как они заявляли о болезни, а их обвиняли в симуляции и за это помещали в ШИЗО, а впоследствии оказывалось, что у них глубоко запущенная стадия туберкулеза.

8. Комиссия находит необходимым вернуться с инспектированием в ИК-5 совместно с прокуратурой по надзору в августе с.г.

Саратовская область

8 августа 2013 года

В редакцию ИА «Версия-Саратов» обратилась Тамара Андреевская, мать заключенного Василия Андреевского, который уже 11 лет пытается доказать свою невиновность. Андреевская попросила опубликовать *заявление заключенных исправительной колонии № 10.*

«В ИК-10 избит больной заключенный. Его сутки держали в клетке, якобы за жалобу, поданную в прокуратуру на имя Саратовского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях области Бровкина Михаила Геннадьевича. По всей видимости, жалоба так и не вышла из колонии, а жалобщик был жестоко избит», – передают через Андреевскую заключенные ИК-10.

По словам Андреевской, заключенные просят правозащитников и журналистов довести эту информацию до начальника Управления ФСИН по Саратовской области генерала Александра Гнездилова, а также до прокурора Михаила Бровкина. Сам Бровкин сообщил корреспонденту ИА «Версия-Саратов», что он в курсе событий. «Да, вчера на одном из саратовских сайтов вышла такая публикация, сейчас идет проверка», – отметил прокурор.

В УФСИН по Саратовской области корреспонденту информагентства не подтвердили, но и не опровергли информацию об избии заключенного в исправительной колонии. «У меня такой информации нет, если бы что-то произошло, мне бы сообщили», – сообщил дежурный ведомства.

Брянская область

12 августа 2013 года

Сотрудник брянской исправительной колонии № 6, расположенной в Клинцовском районе области, до смерти избил 26-летнего заключенного.

Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Брянской области 31-летнему младшему инспектору ФКУ ИК-6 УФСИН России по Брянской области предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ («превышение должностных полномочий, повлекшее причинение тяжких последствий»).

По версии следствия, утром 6 июня 2013 года прапорщик внутренней службы в помещении штрафного изолятора исправительной колонии нанес 26-летнему заключенному, от которого требовал добровольно выдать якобы находящиеся у него запрещенные предметы, множественные удары кулаками и книгой по голове и другим частям тела. Спустя неделю в результате причиненной таким образом черепно-мозговой травмы потерпевший скончался в медицинском учреждении.

В отношении обвиняемого судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Расследование уголовного дела продолжается.

Челябинская область

9 сентября 2013 года

Бывший сотрудник ФСИН признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями. Собранные следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Челябинской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора бывшему начальнику отряда исправительной колонии № 8 ГУ ФСИН России по Челябинской области Денису Качалкову. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286 УК РФ («злоупотребление должностными полномочиями»).

Следствием и судом установлено, что в 2012 году Качалков получал от заключенных или их посредников деньги в размере от 500 до 5 тысяч рублей за передачу мобильных телефонов, sim-карт, зарядных устройств, сигарет. Вину в совершении преступлений Качалков признал полностью.

Приговором суда ему назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении.

Алексей Мокроусов

«В Ленинской комнате расстреливать было удобно...»

Сергей Папков.
Обыкновенный террор.
Политика сталинизма в Сибири.
М.: Росспэн, 2012. 440 с.
(Серия «История сталинизма»)

Книга Сергея Папкова предлагает панорамный взгляд на историю репрессий в Сибири. В семи главах рассказывается об основных карательных этапах советского прошлого – жертвах коллективизации и тех, кто попал под чистки после убийства Кирова, о вакханалии эпохи «большого террора» и спецпереселенцах, о карательном правосудии военного времени и послевоенных кампаниях и спецоперациях.

Автор – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук. Он многие годы занимается темой сталинского террора в Сибири, работал во многих архивах, причем не только в больших государственных, аккумулирующих архивы учреждений¹, но и ведомственных, таких как областные архивы УФСБ. Его первая монография о терроре в Сибири вышла еще в 1997 году; ученый – автор Книг Памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области.

¹ Это архивы разных масштабов – среди них и ГА РФ, и Госархив Новосибирской области.

Истоки террора Папков возводит к первым годам революции. Во «Введении» он рассматривает обоснование диктатуры Лениным, начатое большевиком из Цюриха в тот момент, когда тот сформулировал необходимость развязывания Гражданской войны в России. Это было в 1914 году. А уже семь лет спустя Дзержинский предлагал на Политбюро поселить «кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте». К этому моменту Ленин успел публично отвергнуть ошибочное мнение, «будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления»².

В том, что понятие диктатора и советского типа демократии почти синонимы, народу предстояло убедиться довольно быстро. Причину этого автор книги склонен видеть не только в обстоятельствах политической жизни, но и в экономике: «Чем хуже складывалось хозяйственное положение [в СССР], тем интенсивнее становились расправы со старой интеллигенцией и инженерно-техническими кадрами».

Всего в 1937–1956 годах, согласно материалам ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации), в стране было осуждено более 41 миллиона человек. Папков описывает истории арестованных, принадлежавших к разным слоям советского общества. Террор был не просто массовым – он был сплошным. В Новосибирске чекисты гордились тем, что к апрелю 1938 года арестовали по три состава районного и областного руководства. Трудовые коллективы исчезали полностью. Это касалось и треста «Запсибзолото» со всеми его приисковыми управлениями, и Союза писателей – в том же Новосибирске были арестованы все шесть его членов.

Такая ситуация не могла не породить массовой истерии. «Террор искажал сознание людей и порождал безумные мифы, – пишет Папков. – У многих в тот период существовала иллюзия постоянного присутствия врагов и вредителей. Подозрения возникали на голом месте». Но и само наличие тотальных подозрений тоже объявлялось происками врагов.

В качестве одного из приложений к книге помещен протокол допроса Льва Маслова от 15 июня 1941 года. В 1937–1939 годах он работал помощником начальника 1-го отделения 3-го отдела УГБ УНКВД по Новосибирской области, был следователем следчасти. Из рассказа Маслова видно, насколько хаотичными и бессистемными были массо-

вые аресты. Так, кулаков арестовывали лишь по заявлениям граждан и агентурным материалам, которые не проверяли. Бывших белых офицеров – по спискам, составленным в конце 20-х. В ходе арестов часто выяснялось, что эти списки полны ошибок, арестованные в свое время сражались в Красной армии, и некоторые даже были награждены орденом Красного Знамени. Начальник отделения Эденберг «латышей, эстонцев арестовывал направо и налево, безо всякого разбора, для него лишь бы было известно, что он эстонец или латыш» (видимо, сам Эденберг был из прибалтов и боялся обвинений в симпатиях к «своим»). В итоге арестовывали даже тех русских, у кого деды или прадеды были латыши. Безо всяких формальных оснований в полном составе арестовали приехавший на гастроли цыганский ансамбль песни и пляски, репрессии коснулись и детей сотрудников КВЖД, вернувшихся в 1934 году на родину.

Отсутствие предварительных материалов могло бы оказаться непреодолимым препятствием для следователей в любой другой стране мира, кроме СССР.

В книге описывается механизм выбивания показаний из неповинных людей. Главным методом был «конвейер», когда допрос продолжался непрерывно несколько суток. Наиболее сильные выдерживали до 30 дней без сна и фактически без еды. Секретаря Октябрьского райкома партии Н.Ф. Силантьева после ареста напрямую доставили на допрос к следователям И.В. Большакову и К.К. Пастаногову. Его подвергли «конвейеру». Еду давали раз в три-пять дней. Остальное время били, а после того как 60 часов продержали на ногах, он упал без сознания: отказали опухшие ноги, из легких пошла кровь. В июне 1938 года, через семь месяцев после ареста, он умер, так и не подписав требуемых показаний.

В архиве УФСБ по Иркутской области сохранились описания пыток, когда людей держали на ногах по 46 суток (подобное на языке чекистов называлось «выстойки»). Многие сходили с ума, падали замертво.

Вряд ли утешением родственникам замученных советских людей может служить тот факт, что многие из чекистов в итоге попали в собственную мясорубку, которой пользовались с таким пылом, испытывая наслаждение от роли садистов и палачей. Как показал на допросе уже цитировавшийся Маслов, своих били крепче белогвардейцев, в отношении их «вельсь следствие гораздо хуже». При этом, рассказывал чекист, когда брали настоящих шпионов (случалось же порой и такое), тем часто подсовывали уже готовые протоколы с признаниями

вымышленных преступлений. В результате информация о целых агентурных сетях оставалась нераскрытой, о них случайно узнавали много позже.

В 1940 году из прежнего руководящего состава НКВД в живых оставались только двое: экс-начальники Красноярского УНКВД К.А. Павлов и Ф.А. Леонюк, работавшие теперь в системе ГУЛага. Но справедливость коснулась не всех. Наказания избежали руководители среднего звена. Тот же Пастаногов хоть и был осужден на 8 лет, но в заключении быстро получил должность старосты лагпункта, а с нею и неофициальное покровительство бывших сослуживцев. Они позаботились о том, чтобы убийцу не переводили из Новосибирской области в другие регионы.

В книге приводятся показания бывшего подполковника МВД П.М. Курбатова, данные им в июле 1956 года в рамках расследования в Красноярске дел о нарушениях законов при Сталине. В 1939–1940 годах Курбатов возглавлял НКВД в Игарке. Большую часть арестованных составляли административно-ссылные. Материалы по ним поступали со всего Союза в результате допросов других арестованных. Законченные следственные дела отправляли в Красноярск, откуда шифрованной телеграммой присылали приговор. «Расстрелы арестованных производили в комнате горотдела, где ранее был Ленинский уголок, – рассказывал Курбатов. – Под полом комнаты силами сотрудников горотдела была вырыта большая яма глубиной 7–8 метров. В эту яму складывали трупы убитых. (...) Я лично присутствовал при всех расстрелах. Расстрелы арестованных производились в летнее время 1939 года, когда круглые сутки было светло... В Ленинской комнате расстреливать было удобно, так как из жителей никто этого не видел и не слышал». Назвать количество расстрелянных им лично Курбатов затруднился. На вопрос, какой судебный орган выносил решение по делам (формально тройки были ликвидированы в 1938 году), подполковник сообщил, что хорошо помнит, как летом 1939 года их осуждали тройки НКВД или Особое совещание.

При этом, пишет исследователь, с середины 1937 года произошло «фактическое упразднение прокурорского надзора (...) в отношении органов НКВД. В ходе террора прокуратура осуществляла свои полномочия лишь в тех пределах, которые соответствовали программе операций НКВД. Под воздействием массовых арестов, прямого давления со стороны партийных и карательных органов ее аппарат вынужден был приспособиться и наряду с другими правовыми институтами стать прямым придатком НКВД». Природа этого поведения, столь ти-

пичного для российской юстиции последнего столетия, объяснима: страх перед арестом поселился и в душах прокуроров. И их действительно арестовывали, как и партийных и чекистских руководителей. В 1938 году в тюрьме оказались прокуроры Ленинска-Кузнецкого, Барнаула, Томска, Сталинска, Прокопьевска, не говоря уже о столице Западно-Сибирского края, городе Новосибирске. Подобная же судьба ждала и партийных руководителей, главных проводников линии ЦК. Был расстрелян и бывший руководитель западносибирских коммунистов Роберт Эйхе. В годы «оттепели» его пытались представить безвинно пострадавшим революционером, в закрытом докладе на XX съезде Н.С. Хрущев рассказывал о пытках, которые применяли к Эйхе. Но в «Обыкновенном терроре» приводится список арестованных «с его санкции и при его содействии» – в нем значатся председатель крайисполкома, члены крайкома и многие другие представители пролетарской власти.

Став наркомом земледелия СССР, Эйхе не потерял связи с краем, которым руководил девять лет – едва ли не исторический рекорд для того времени. Представляя своего преемника, ленинградского коммуниста-изювера Ивана Алексеева, успешно зачищавшего город на Неве от «троцкистско-бухаринско-зиновьевской сволочи» (слова Эйхе), он пообещал, что новый секретарь обкома добьется в Сибири не меньших успехов.

Алексеев был первым партийцем, награжденным орденом Ленина лишь за партийную деятельность. В Новосибирске он мог бы получить еще какую-нибудь награду: при нем было репрессировано практически все руководство области. Жданову он писал, что не доверяет ни одному члену обкома, исключением является лишь начальник НКВД Г.Ф. Горбач. С подобной же оценкой высших партийных кадров у себя в крае выступил и новый секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) С.М. Соболев.

Алексеев вошел во вкус – на этот раз, как выяснилось, зря. В 1938 году область не выполнила план по урожаю. В принятом ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР совместном Постановлении «Об ошибках руководства Новосибирской областной партийной организации» ему вменили в вину не только несобранный урожай, но и «массовые огульные аресты колхозно-советского актива». 2 ноября Алексеев был снят с должности, вскоре арестован, а вместо второго ордена Ленина он получил от своих товарищей пулю – и вряд ли даже успел понять за что.

Исследование Сергея Папкова вышло в серии «История сталинизма», которую издательство «РОССПЭН» вместе с обществом «Мемори-

ал», фондом «Президентский центр Б.Н. Ельцина» и рядом институтов и архивов издадут уже не первый год. Это один из самых важных издательских проектов России последнего десятилетия. Здесь печатаются работы как российских, так и зарубежных ученых (порой переводы нуждаются в более тщательной редакции). Странно, что уникальная серия, выполняющая роль многотомной энциклопедии советской жизни, исследующая природу постоянного насилия государства над обществом, так до сих пор и не была отмечена достойным образом. Государственная премия была бы не только признанием заслуг авторов и редакторов, но и знаком того, что нынешнее государство дистанцируется от мифа об «эффективном менеджере» и его подручных.

Алексей Мокроусов

Портрет на фоне проволоки

Забывшие и выжившие

Выставка «ГУЛАГ. Следы и свидетельства. 1929–1956», открытая в Историческом музее Берлина¹, формально ограничена периодом от установления личной диктатуры Сталина (оно совпало с высылкой из страны главного его противника, Льва Троцкого) до разоблачения культа «кремлевского горца». На деле же рассказ о советских концлагерях, их заключенных и сотрудниках начинается с момента возникновения самой системы принудительного труда и введения тотального террора как принципа внутрисполитической жизни. То есть с создания Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем в 1917 году, вошедшей в историю как «чрезвычайка», и реакции на убийство Урицкого, а также первых прототипов концлагерей, осуществлявших принципы «исправления трудом».

Среди экспонатов, посвященных внелагерной жизни, есть уникальные фотографии – например, снимок, запечатлевший умерших от голода людей на улицах Харькова. Его тайно сделал в 1933 году австрийский инженер Александр Винербергер. Впрочем, понятие «внелагерной» жизни применительно к СССР довольно относительно, и это касается не только эпохи сталинизма. Преследование инакомыслящих, тотальная цензура и ограничение свободы слова – все политические запреты использовали один и тот же инструмент подавления и наказания, предрекавший один и тот же маршрут для тех, кто становился жертвой идеологической машины: арест – суд – лагерь. Табуированных тем было так много, а диапазон разрешенных оценок столь узок, что понятие свободы и несвободы сводилось порой к размерам про-

¹ После успеха первых месяцев работы выставку продлили до 8 декабря 2013 года.

странства, по которому человеку позволялось передвигаться без охраны и молча.

Выставка, как и вышедшая в связи с ней книга, рассказывает о структуре ГУЛАГа, о создававших его чекистах, о палачах и их жертвах.

Уже к концу 80-х «Мемориал» записал более ста аудиоинтервью с бывшими заключенными. Его сотрудникам удалось собрать немало предметов, связанных с лагерным бытом. На выставке показали, например, фотографию нар с колымской шахты, ватник, принадлежавший литературоведу Аркадию Белинкову (он сидел в Караганде) и валенки. Те были в дефиците даже в холодных регионах, у большинства заключенных были обыкновенные ботинки. Разваливающийся, не раз подбитый алюминиевыми гвоздями образец датирован началом 1950-х годов и происходит из лагеря, заключенные которого занимались возведением самой бессмысленной из всех коммунистических утопий – заполярной железной дороги «Салехард – Игарка».

Представлено и платье Валентины Буханевич-Антоновой, в котором она была арестована в 1938 году и провела в нем год, сменив за это время три московских тюрьмы.

Документальные снимки рассказывают о том, как по-разному складывались судьбы заключенных. Одних освобождали, и, если их здоровье не было подорвано лагерными условиями и работой, они вновь успевали достичь какого-то социального положения. Иногда оно даже было примерно равно прежнему – так, профессор Московской горной академии известный нефтяник Иван Стрижов (1872–1953) получил в 1929 году десять лет лагерей. Он работал геологом в системе Ухтпечлага, затем был начальником Канско-Тасеевской экспедиции НКВД, а после освобождения получил кафедру в Московском нефтяном институте им. Губкина². А генерал-майор Александр Горбатов (1891–1973) лишь три года провел на Колыме (приговорили к 15 годам). Освободившись незадолго до начала войны, он вернулся в армию, а потом стал комендантом Берлина.

Есть здесь и редкие снимки, сделанные непосредственно в лагерях. На одном из них бывший заключенный лагеря на колымской реке Олка у пос. Ягодный годы спустя сделал надпись «Убийцы». Гнев его понятен, хотя в социальном отношении выглядит бессмысленным (если у гнева может быть иной, чем он сам, смысл): практически никто из охранников-садивов советских лагерей не был отдан под суд и тем

более сам приговорен к заключению либо смертной казни. Точно так же почти никто не пострадал из судей либо из сотрудников НКВД–МГБ – краткий период политически мотивированных преследований отдельных сотрудников поле смерти Сталина не в счет. Система охраняла своих и в противостоянии сидевших и сажавших всегда принимала сторону последних. Точно так же не пострадал и никто из доносчиков, совершавших заведомо несправедливые доносы и даже получавшие после ареста часть имущества тех, на кого доносил. Так что еще одна приписка к упомянутому снимку – «убит заключенными» – способна только породить чувство иногда торжествующей справедливости. С точки зрения исторического опыта эта приписка выглядит скорее исключением.

Лишь некоторые высокопоставленные гулаговцы – вроде Федора Эйхмана (в 1930-м он возглавил УЛАГ, предшественник печально знаменитой организации), Семена Фирина и Эдуарда Берзина – сами погибли в годы террора. В целом же в России на прошлое по-прежнему смотрят с точки зрения сажавших, а не сидевших. С тех пор как «Один день Ивана Денисовича» не получил Ленинской премии, страх власти перед экс-политическими заключенными не уменьшился. И сегодня, когда спрашиваешь в краеведческом музее Норильска: «Почему так скупно рассказано о гулаговских страницах в истории города?», то услышишь в ответ: «А как же иначе? Ведь у нас половина – дети сидевших, а другая – дети их охранявших». Забота о возможной психологической травме последних оказывается важнее уже имеющейся травмы первых.

Конечно, и в спецслужбах были исключения. О Петре Сидорове-Шестеркине (1898–1961) рассказывается, что под предлогом болезни он оставил службу в экономическом отделе НКВД и работал на фабрике. В 1951-м его арестовали по обвинению в антисоветской деятельности и терроризме, срок – десять лет. Досрочное освобождение стало возможно после смерти Сталина.

Если бы подобная логика действовала в Германии или тех странах, которые до сих пор изживают из себя собственный лагерный опыт, мы бы жили в ином мире. Толерантность по отношению к преступлениям с идеологическим душком была бы в нем гораздо выше той, что существует сейчас.

Опасные акценты

В вышедшей по случаю выставки книге об этом не пишется. В каталоге публикуются статьи Николая Верта «Краткий исторический очерк ГУЛАГа» и Ирины Щербаковой «Общество “Мемориал” и память о жер-

твах политических преследований», а также фрагменты из воспоминаний заключенных.

Издание сопровождается избранной немецкоязычной библиографией. Ее полную версию, включающую русские и английские названия, можно найти на сайте www.ausstellung-gulag.ru. Библиография обширна – свидетельства очевидцев стали публиковаться на Западе еще в 1920-е годы. Поначалу на них обращали мало внимания. Правые, видимо, ненавидели Советы и так, левым были невыгодны факты, свидетельствующие о том, что в стране будущего с самого начала что-то пошло не так.

Среди таких незамеченных книг – «Остров ада, советская тюрьма на Крайнем Севере», вышедшая по-английски в Лондоне в 1926 году и подписанная Sozerko A. Malsagoff. Год спустя Раймон Дюге опубликовал в Париже «Тюрьму в красной России». А в 1945 году появилась полноценная история ГУЛАГа с картами и подробным описанием 38 лагерей. Эта книга появилась в Риме, в небольшом издательстве, опубликовавшем ее на французском (!) языке. Маор Сильвестр и Пьер Зверняк собрали свидетельства прежде всего польских военных и гражданских лиц, отправленных в советские лагеря в 1939–1940 годах и вернувшихся оттуда три-четыре года спустя³.

Некоторые материалы, представленные сейчас в Берлине, происходят из частных архивов и стали известны лишь в последнее время. Есть на выставке и фотография, запечатлевшая в 1919 году президиум московского съезда III Интернационала. Слева от Ленина сидит Гуго Эберляйн. Он возглавлял делегацию немецких коммунистов (прежде он состоял в Социалистической партии Германии, но покинул ее ряды в 1914-м, поскольку партия поддержала участие страны в мировой войне). На конгресс он поехал вместо убитой в Берлине Розы Люксембург. После продолжительного конфликта с лидером немецких коммунистов Эрнстом Тельманом Эберляйн перестал быть влиятельным членом руководства компартии, но продолжал представлять страну в Коммунистическом интернационале. После прихода к власти нацистов он эмигрировал во Францию, но там не усидел. В 1936 году он вновь оказался в Москве, где вскоре был арестован и получил 15 лет за «участие в террористической организации». Два года спустя к прежним обвинениям добавились обвинение в шпионаже, а лагеря заменили на расстрел. Приговор привели в исполнение 16 октября 1941 года.

Так СССР не только до, но и после начала войны помогал Гитлеру бороться с немецкой компартией.

Вообще немцев в ГУЛАГе было очень много. Ведь в Россию ехали не только по призыву компартии. Здесь оказалась и выпускница Баухауса, ученица Кандинского и Клее Леони Нойман (она выйдет замуж за художника Александра Лабаса). В 30-е несколько лет в Москве прожила и последняя любовь Кафки, Дора Диамант. Значительную часть приезжих составляли квалифицированные рабочие, в годы экономической депрессии поддавшиеся на посулы советской пропаганды и поехавшие в Россию на заработки, прочь от массовой безработицы. Говорят, в начале 30-х получить советскую рабочую визу в Нью-Йорке было почти так же просто, как купить билет в метро.

Ехали, как правило, специалисты, люди с профессией – и думали осесть надолго. Женились, заводили детей... кто знает, каким был бы этнографический портрет России, если бы не безумие репрессий 30-х.

Среди приехавших был и часовой мастер Ганс Титель (1910–1938) из саксонского городка Гласхютте. В 1931 году он поступил на работу на Первый часовой завод в Москве. Заводская многотиражка не без гордости печатала его фотографию. Вскоре он поступает на факультет рабочей молодежи, становится бригадиром и женится на Ларисе Смирновой. Их сын Альберт появляется на свет два дня спустя после ареста отца, произошедшего 22 марта 1938 года. Тителя обвиняют в саботаже и шпионаже в пользу Германии. Он получает десять лет лагерей и в том же году умирает на Колыме. До очередного улучшения советско-германских отношений, когда возобновится официальное сотрудничество немецких и советских специалистов, оставались считанные месяцы.

Уехать, чтобы не вернуться

Когда выставка уже была практически готова, в московском музее изобразительных искусств на Волхонке показали выставку рисунков и акварелей немецкого художника Эриха Борхерта (1907–1944). Она невелика размером, занимала всего один зал, но ее значение не определяется объемами.

ГМИИ познакомил с творчеством неизвестного мастера, проработавшего в Советском Союзе почти полтора десятка лет и погибшего в карагандинском концлагере. Вся вина Борхерта состояла в том, что он родился немцем. В 41-м он пытался уйти добровольцем на фронт, но был отправлен в стройбатальон на Северном Урале.

Человек левых взглядов, член немецкой компартии и выпускник Баухауса, после защиты диплома Борхерт получил предложение от-

правиться работать в Москву. Сказалась профессия: архитекторам нужна точка приложения сил, возможность строить и оформлять, даже если место работы называется «Малярстрой». Правда, что утопии искусства приткнуться некуда, он понял не сразу.

В советской столице Борхерт оформлял клубы, кинотеатры, больницы. И еще рисовал. Поначалу – в типичной баухаусовской манере, слегка жестковатой, со множеством прямых линий, способных даже тело превратить если не в инструмент будущего, то в суровую отповедь настоящему. Акварель «Женский пляж I» (1931) – типичный пример взгляда на тело как избыток мяса, лишенный какого-либо значения, пока не наступает пора «Агитации» (еще одна акварель, из серии «Рабочие», датирована годом позже; все работы хранятся у наследников художника, женившегося в Москве и успевшего стать здесь отцом). У Борхерта чувствуется влияние его знаменитых учителей, Оскара Шлеммера и Пауля Клее. Но уже к концу 30-х манера начинает меняться, становится более мягкой, ближе к тому, чем в те времена занимались лучшие советские графики, от Пахомова до Лебедева.

Борхерту долго не давали советского гражданства, даже хотели как иностранца выслать в Германию; пришлось писать Сталину. Да и как художника Борхерта в СССР особо никто не привечал. Несколько его работ оказались в собрании московского Музея нового западного искусства, где прошла его первая и единственная при жизни персональная выставка (музей еще был полон импрессионистов, так что соседство выглядело почетным). В коллективные же экспозиции его приглашали только в первые годы, как на антифашистскую выставку начала 30-х. Кроме этого, никаких особых контактов с художественными институциями не было: не за тем звали.

А ведь могло получиться бы что-то важное: синтез новейшей художественной школы в лице ее отличного ученика и актуальнейших политических идей, какими был полон в глазах иностранцев тогдашний СССР.

О Борхерте берлинская выставка не рассказывает, материалы о нем стали известны поздно. Но его судьба типична для тех, кто уезжал в СССР, чтобы оттуда не вернуться. Разочарование, которое почти всех их рано или поздно охватывало, невозможно ни передать, ни измерить. Приезжий мог бы списать бессмысленную жестокость истории на специфику новой родины, ее таинственную душу. Но что делать тем, кто в этой стране вырос? С кого спрашивать нам, путающимся в свидетельствах и показаниях?

Лагеря внутри и снаружи

Кино как диагноз, объединяющий народы

В программу 35-го Московского международного кинофестиваля были включены не только ленты последних лет, но и ретроспективы, напомнившие о ярких страницах в истории кино. Показали, в частности, подборку фильмов выдающегося греко-французского режиссера Коста-Гавраса. Он снимает неудобное кино о неудобных темах – таких как Холокост или отношение к арабам в Израиле. Его герои часто идут против всех. Это может быть и адвокат «Ханна К.» (заглавную роль играет Джил Клейберг), защищающий пробравшегося в Израиль араба (тот мечтает вернуть свой незаконно отнятый дом). У них начинается роман, но мало кто из окружающих Ханну людей способен поддержать ее в обстоятельствах, когда все считают арабов врагами.

Идти против всех – решение, требующее особого мужества. Ценой собственной жизни в этом убеждается герой другой картины Коста-Гавраса, «Аминь» (2002), чей сценарий немецкий драматург Рольф Хохут написал по собственной пьесе 1963 года «Наместник». Химик Курт Герштейн (в его роли Ульф Тукур) узнает, что изобретенное им средство против тифа нацисты используют в газовых камерах для умерщвления людей. Он пытается бороться с происходящим, рассказав миру правду о концлагерях. Молодому иезуиту, папскому нунцию в Берлине (Матье Кассовиц), благодаря родственным связям удается донести эту информацию до Пия XII – но тот демонстративно глух к услышанному и не упоминает о концлагерях в своих посланиях. Священник садится в эшелон, отправляющийся в лагерь смерти, и погибает там вместе с заключенными евреями. Герштейн, обвиненный после войны в сотрудничестве с нацистами, кончает жизнь самоубийством. И лишь эсэовец, отправивший иезуита на смерть, спасается от возмездия в Латинской Америке – благодаря особой «тропее», устроенной католической церковью для бывших нацистов.

«Аминь» – суровое обвинение руководству Римско-католической церкви, молчалием попустительствовавшей гибели миллионов. И обвинение тем немцам, кто пытался поначалу бороться с нацизмом, а в годы войны решил, что патриотизм важнее, и стал сражаться бок о бок с эсэсовцами. Но это и напоминание об особом цинизме истории. Все готовы выслушивать добрые слова, но мало кто готов им следовать. Но помнить при этом хотели бы лишь о добром, пусть оно не случилось.

Документальная афиша кинофестиваля – одна из самых сильных в его программе. На этот раз здесь сошлись фильмы о прошлом разных народов. Общим остается лишь механизм распределения власти, благодаря которому справедливость выглядит скорее чудом, чем нормой.

Шведский «Пальме» посвящен едва ли не самому знаменитому премьер-министру не только Скандинавии, но и всей Европы. История аристократа, ставшего лидером социал-демократов не только у себя в стране, но и в мире, рассказана на основе архивных кино- и фотодокументов, свидетельств родных, коллег и противников. Последних у Улофа Пальме (1927–1986) было много: его увлечение социальной справедливостью богатым не нравилось. Бедные же, судя по всему, не во всем ему доверяли. Политик часто был вынужден отстаивать идеи и решения, в которые сам не очень верил.

Режиссеры Кристина Линдстрём и Мод Нюкандер склоняют к мысли, что на взгляды Пальме повлияли детские травмы, опыт, полученный им в закрытой элитарной школе. Его ранняя карьера – он самый молодой парламентарий в истории Швеции – породила много завистников. Независимая внешняя политика, выступления против вьетнамской войны, визит на Кубу в 1975-м, борьба с апартеидом добавили недоброжелателей международных масштабов – например, Генри Киссинджера. США даже на два года отзывали из-за Пальме своего посла из Швеции.

Хватало проблем и внутри страны. Под давлением профсоюзов Пальме был вынужден, например, выступать за развитие ядерной энергетики. В итоге не только аристократические круги, но и богема, подерживавшая социал-демократов, от него отвернулись. Убийство его случилось в каком-то смысле в вакууме, образовавшемся вокруг него. И хотя сам убийца (официально его имя никогда не было объявлено) не имел, судя по всему, отношения к политической борьбе, гибель Пальме выглядит неизбежной. Атмосфера ненависти в благополучном обществе заметна не сразу. Одним из первых ее почувствовали на себе дети премьеры: одноклассники говорили им, что мечтали увидеть бы их в черном, в трауре.

Индонезия – не Швеция, здесь атмосфера ненависти в середине 60-х достигла апогея. Коммунистов убивали без счета, общее число жертв даже сегодня неизвестно. Речь идет о миллионах людей. Но «Акт убийства» Джошуа Оппенгеймера лишен патетики. Режиссер спрашивает участников давних событий, которые превратились сегодня в национальных героев. С ними встречается «патриотическая» молодежь, их приветствуют официальные лица.

Все они – заядлые киноманьяки, когда-то работали киномеханиками и торговали дефицитными билетами у входа в кинозалы. Но после призыва генерала Сухарто покончить с коммунистами и китайцами они взялись за оружие. Убивали, впрочем, по-разному – и голыми руками, и проволокой. Они охотно показывают свои методы. Раскаяния не испытывает никто, лишь один жалуется, что плохо спит теперь ночами (может, дело все же в возрасте?) и что, вероятно, им зря все разрешили тогда, в 1965-м. Безнаказанность с годами стала казаться неудобным фактором, провоцирующим вседозволенность, но сожаление выглядит каким-то неполноценным, словно убийце неудобно перед воспеваемой им страной.

Жаль, что никто не сделал такого фильма об охранниках советских лагерей, об их отношении к заключенным, о том, изменился или нет с годами их взгляд на происходившее в ГУЛАГе и за его пределами. Наверное, страна узнала бы много о себе нового – как узнала Индонезия после ленты Оппенгеймера. Может, для нового нужен взгляд постороннего, вопрос чужестранца?

«Акт убийства» – чудовищная иллюстрация к тезису Ханны Арендт о банальности зла. Человеческая жизнь не стоит даже полкопейки, чтобы лишить ее, необязательно быть убежденным борцом или хотя бы жертвой идеологии. То, что убийцы были киноманьяками – они и сейчас пытаются снять любительский фильм о событиях 60-х, – напоминает о бессилии искусства перед реальностью. Можно обожать кино, читать запоем книги и просиживать часами на симфонических концертах – и потом часами мучить, издеваться, насиловать.

Прекрасное не делает человека человеком, оно может существовать отдельно от иных сознаний. И эти «киные» порой слишком многочисленны, чтобы им сразу противостоять. «Акт убийства» помогает понять другую чудовищную трагедию в новейшей азиатской истории – трагедию Камбоджи.

«Исчезнувшее изображение» Ритхи Паня – кукольный фильм, сделанный во Франции и Камбодже и рассказывающий историю одной из миллионов семей, исчезнувших в годы Пол Пота. Мультипликация как

прием – вынужденный шаг. «Много лет я искал исчезнувшее изображение: фотографии, снятые красными кхмерами в период между 1975 и 1979 годами, – говорит режиссер. – Конечно, сами по себе фотографии не могут выступать безусловным доказательством массовых убийств в Камбодже, но они дают нам пищу для размышлений, они – запечатленные образы времени. Я тщетно искал их в архивах, в старых документах, в отдаленных уголках страны. И сегодня я точно знаю: эти фотографии должны быть потерянными. Не их на самом деле я искал. Что это могли быть за кадры? Какое впечатление они могли бы произвести сейчас? Я решил создать их сам. То, что я предлагаю вам увидеть – это не уникальные архивные съемки и не фильм об их поисках, это путешествие в себя. Путешествие, которое возможно только в кино».

Ритху Паню удалось то, что редко кому удается в искусстве: в фильме о геноциде и трудовых лагерях он воссоздал время, которое исчезло, казалось, безвозвратно. Нет ни лиц, ни тел – один голос. Закадровый текст вонзается в сознание своей интонацией, простой, человеческой, открытой интонацией, о которой так мечтаешь в повседневности и которую так редко слышишь. То, что связана она с потерей, которую невозможно восполнить ничем, делает ее особенной. Она не примиряет и даже не дарит надежды. У выжившего нет надежды, это – удел тех, кто еще ничего не видел.

Александр Сидоров

Товарищи брянско-тамбовские волки

Одно из популярных выражений лагерного фольклора связано с упоминанием известного серого хищника. Когда хотят «отшить» человека, который набивается в друзья-приятели, ему говорят: «Тамбовский волк тебе товарищ!» или «Брянский волк тебе товарищ!». Причем между обоими городами (или даже областями) существует негласное соперничество за право называться родиной легендарного зверюги.

Существенный перевес сил – на стороне тамбовского волка. Не в последнюю очередь этому способствовала советская кинематография. В 1955 году на экраны СССР выходит фильм режиссера Иосифа Хейфица «Дело Румянцева», собравший десятки миллионов зрителей. В картине есть эпизод допроса Александра Румянцева – честного водителя, которого подозревают в крупной краже. Когда шофер обращается к следователю ОБХСС Самохину со словами «Товарищ капитан...», то слышит в ответ: «Тамбовский волк вам товарищ!» Та же фраза звучит в более позднем фильме 1959 года «Жестокость» по роману Павла Нилина. И наконец, «вариация на тему», которая прозвучала в комедии Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», где на вопрос Ивана Грозного «Ты скажи, какая вина на мне, боярин!» – сотрудник милиции сурово отвечает: «Тамбовский волк тебе боярин!»

Но и «брянский волк» не сдает позиции. Брянские леса называют родиной знаменитого серого хищника многие узники ГУЛАГа. Наиболее известно это животное благодаря песне Юза Алешковского о Сталине:

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкознание вы познали толк.
А я – простой советский заключенный,
И мой товарищ – серый брянский волк.

Существуют также варианты и без слова «товарищ» в ответ на другие неуместные, по мнению арестантского братства, обращения. Обратимся к «Архипелагу ГУЛАГ» Александра Солженицына: *«Камера воеет, бурлит. Седовласый учитель русского языка встает на нарах, босой, и как новоявленный Христос простирает руки: "Дети мои, помиримся!.. Дети мои!" Вают и ему: "В Брянском лесу твои дети!"».*

В современном искусстве брянский и тамбовский волки тоже совершенно равнозначны:

Вот ответь мне – слов не трать! –
Где царевне мужа брать?
Чай, сама, дурында, видишь –
Женихов у ей не рать!
Кабы здесь толпился полк
В пререканьях был бы толк,
Ну а нет – хватай любого,
Будь он даже брянский волк!
(Леонид Филатов. «Сказ про Федота-стрельца...»)

Спой же песню мне, Глеб Кржижановский!
Я сквозь слезы тебе подпою,
Подскулю тебе волком тамбовским
На краю, на родимом краю!
(Тимур Кибиров. «Сквозь прощальные слезы»)

Короче, без бутылки не разберешься... Но мы попробуем.

Кто в овраге лошадь доедает

Итак, цель поговорки – указать негативное отношение к собеседнику, обозначить дистанцию, заявить, что между вами не может быть ничего общего. В современном городском фольклоре есть похожие присказки типа «Таких друзей – за хрен и в музей», «Парочка таких друзей – и врагов не надо» и т. д. Их тоже активно использует блатной и арестантский мир. Бытование в местах не столь отдаленных вырабатывает у «пассажира» изоляционизм, обособленность, подозрительность по отношению к окружающим, ожидание подвоха, «подлянки». Отсюда популярные выражения: «один на льдине», «бродяга без никому», «без родины и флага» и проч.

Это не случайно: нравы и законы зоны порою жестоки, серьезен спрос с того, кто «упорол косяк» (допустил промах, совершил ошиб-

ку). Посему любое вроде бы доброе движение души, любое предложение помощи, попытка наладить доверительные отношения воспринимается напряженно: «Что бы это значило? Чего этот мутный тип изпод меня хочет выкружить?» Одна из самых известных поговорок на сей счет еще со времен ГУЛАГа – «Не будь моим благодетелем»: саркастическая отповедь тому, кто в зоне набивается с предложениями помочь, особенно безвозмездно. Из опыта битый арестант знает, что за любую помощь, поддержку рано или поздно придется расплачиваться. И чем «безвозмезднее» помощь, тем дороже расплата.

Впрочем, подобный скепсис и предусмотрительность можно встретить у многих философов и писателей. Например, у французского мыслителя XVIII века Себастьяна-Рока Никола Шамфора в книге афоризмов «Характеры и анекдоты»: «Я спросил М., почему он предпочитает оставаться безвестным, лишая людей возможности облагодетельствовать его. “Лучшее благодеяние, которое они могут мне оказать, это предать меня забвению”, – ответил он».

Похожую мысль высказывает и Александр Пушкин в «Евгении Онегине»:

Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, Боже!

Эзковский и блатной мир активно творчески использует такого рода сентенции. В этом ряду особой популярностью пользуются устойчивые сочетания в форме **ответа на обращение**. К ним относится и поговорка о брянско-тамбовском волке: тебя называли «товарищем», а ты категорически отрещиваешься от этого. Но наряду с ней есть другие, схожие по смыслу. Часть из них уголовный мир перенял из фольклора общерусского.

Однажды мне довелось услышать на «зоне» любопытную реплику в ответ на обращение «земляк»: «Какой я тебе земляк: две монтировки по карте!» Позднее я встречал это выражение не раз, но в иной форме: «Какой ты мне земляк: два лаптя по карте!» Бывалый бродяга, опытный «пассажир» в таком случае обычно отвечает: «Так ведь по одной же земле ходим...»

Поговорка эта, несмотря на ее популярность в «запроволочном» мире, корнями уходит в русскую народную речь. «Лаптями» особо охот-

но меряют карту за Уральским хребтом вплоть до Дальнего Востока. Причем нередко смысл «лапотной» присказки как раз несколько иной: несмотря на большие расстояния, собеседники все же являются земляками. Как у Леонида Южанинова в романе «Хлеб и кровь»: «*Действительно земляки! Для нас два лаптя по карте – не расстояние. Это теперь подразделили – Урал, Западная и Восточная Сибирь, а в старину все, начиная с Каменного пояса и дальше на восток, называлось одним словом – Сибирь*». Или радостное восклицание на рыболовном интернет-портале: «*Так здорово, что среди нашего брата есть почти земляки: Камчатка с Чукоткой рядом – “два лаптя по карте”...*»

И все же чаще «лаптями» определяют не географическое сближение, а именно разделение. Вот что пишет об этом Сергей Пономарев в статье «Лапоть по карте (о приблизительности в истории и геополитике)»: «*Есть такое выражение: “лапоть по карте”. Обычно так говорят дальневосточники, отвечая москвичам, утверждающим, что какой-то наш восточный или сибирский город находится поблизости от другого. “Ну, у вас там Владивосток ведь где-то рядом с Петропавловском (Камчатским)?” – полувопросительно-полуутвердительно спрашивает москвич. “Как бы не так! – отвечает провинциал. – Между ними лапоть по карте!” Можно сказать, что лапоть – это единица картографического измерения для людей не очень сведущих в географии. А если взять более широкий смысл, то это одна из устойчивых национальных единиц приблизительных измерений. Двоюродный брат русского “авось”*». Тот же смысл в поговорку вкладывают Сергей Скрипаль и Геннадий Рытченко в романе «Контингент»: «*Душу отводил Андрей в разговорах с земелей. Земляки, да еще и из одного города! Это вам не два лаптя по карте!*»

Уркаганский мир вообще с особым удовольствием использует в своей речи сибирский и дальневосточный фольклор. То же случилось и на сей раз.

Другой пример того, как «отшивают» панибратство, мы находим в «Записках из Мертвого дома» Федора Достоевского:

«– Ну-ну-ну! полно вам, – закричал инвалид, проживавший для порядка в казарме и поэтому спавший в углу на особой койке.

– *Вода¹, ребята! Невалид Петрович проснулся! Невалиду Петровичу, родимому братцу!*

¹ Вода – сигнал тревоги, опасности или привлечения внимания. Позднее под влиянием еврейской ветви русского жаргона трансформировался в сигнал «вассер!», «васкар!». (Wasser – «вода» на нем. яз. и на идиш.)

– Брат... Какой я тебе брат? Рубля вместе не пропили, а брат! – ворчал инвалид, натягивая в рукава шинель...»

И наконец, совсем близкая к нашей теме реплика – ответ на употребление слова «кент» (жаргонное «друг», «приятель»): *«Твои кенты в овраге лошадь доедают!»* Объясняя смысл этой поговорки, бывалые арестанты говорили мне, что под «кентами» (друзьями) имеются в виду шакалы. То есть приведенная поговорка – эвфемизм оскорбления «шакал».

Однако с исторической точки зрения это не совсем точно. Первоначально поговорка была **полностью синонимична** отповеди с упоминанием волка из брянского или тамбовского леса. Так, фразеологический справочник «Живая речь. Словарь разговорных выражений» (1994) Валерия Беянина и Ирины Бутенко приводит это выражение в следующем контексте: *«Товарищ! – Твои товарищи в овраге лошадь доедают – выражение недовольства выбранным способом обращения»*. То есть мы имеем дело с одним из вариантов ответа на обращение «товарищ». Исходя из этого можно сделать вывод, что под «товарищами» подразумеваются вовсе не шакалы, а волки. Что интуитивно прочувствовал писатель Эдуард Багиров, который в публикации «Как я отбывал семь суток за пьянку за рулем» пишет: *«Меня узнал какой-то ихний начальник... Он видел меня где-то по ящику. “Что же вы, товарищ писатель, по городу пьяным ездите?” Твой “товарищ” в тамбовском овраге лошадь доедает, подумал я, и лучезарно улыбнулся должностному лицу»*.

Итак, перед нами уже две поговорки, которые являются грубыми отповедями на обращение «товарищ». В каждой так или иначе присутствует указание на волка. Что же, сначала попробуем разобраться с товарищами, а затем перейдем и к волчьему племени.

Товарищ маузер, мосье Бендер и партайгеноссе Пушкин

Слово «товарищ» пользовалось особым почетом и уважением у русского и вообще у славянских народов. Одно из самых проникновенных его определений дал Николай Гоголь устами главного героя повести «Тарас Бульба»:

«– Итак, выпьем, товарищи, разом выпьем поперед всего за святую православную веру!.. Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей... Нет,

братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а... – сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: – Нет, так любить никто не может!.. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!

...Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошел далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они ее рукавом».

То же самое отношение сохранялось в уголовной, каторжанской среде. Вот что пишет Влас Дорошевич, который в 1897 году побывал по заданию газеты «Одесский листок» на сахалинской каторге и выпустил в 1903 году книгу «Сахалин»: *«“Товарищ” – на каторге великое слово. В слове “товарищ” заключается договор на жизнь и смерть. Товарища берут для совершения преступления, для бегов. Берут не зря, а хорошенько узнав, изучив, с большой осторожностью. Товарищ становится как бы родным, самым близким и дорогим существом в мире... К товарищу относятся с почтением и любовью и даже письма пишут не иначе как: “Любезнейший наш товарищ”, “премногу уважаемый наш товарищ”. Почтением и истинно братской любовью проникнуты все отношения к товарищу»*.

Это значение слова было широко распространено и в народном творчестве, скажем, в песне «Любо, братцы, любо»:

Жинка погорюет, выйдет за другого,
За мово товарища, забудет про меня...

В том же значении оно сохранялось вплоть до революции октября 1917 года. Но уже на рубеже XIX–XX веков постепенно происходит некоторая трансформация смысла привычного «товарища». Это слово стало активно использоваться как обращение в среде коммунистов, социалистов, социал-демократов, анархистов. Таким способом политические соратники подчеркивали солидарность и взаимное доверие. Возможно, не обошлось здесь и без влияния каторжанской традиции: немало революционеров разных мастей прошли через царские казематы и каторгу. Хотя это необязательно, поскольку, повторимся, как синоним друга «товарищ» широко употреблялся в русской речи.

Итак, обращение «товарищ» приобрело оттенок оппозиционности. Это уловили и «цепные псы самодержавия». С начала XX века многие сотрудники правоохранительных органов Российской империи имено-

вали революционную братию термином «товарищи» с презрением, издевкой и открытой неприязнью. Позднее эту традицию переняли противники Советской власти – участники Белого движения, мятежные казаки, недовольные обыватели и т. д. Так, персонаж одной из пьес Николая Погодина мечтал *«перевешать всех “товарищей” и дать России крепкое правительство»*. В «Поднятой целине» Михаила Шолохова справный казак Яков Лукич Островнов жалуется: *«Продразверсткой в первый раз обидели товарищи: забрали все зерно под гребло»*.

В новом, советском, обществе слово «товарищ» вышло далеко за рамки партийной жизни и стало широко использоваться как замена старорежимных «господин», «барин», титулов Табели о рангах («ваша честь», «ваше сиятельство», «ваше превосходительство» и проч.). Такое обращение равняло всех, независимо от социального статуса, занимаемой должности и т. д. «Товарищ, не подскажите, где тут губком?» – спрашивали незнакомого человека. Но особенно закрепилось слово как обязательное добавление к фамилии, званию, должности: «товарищ судья», «товарищ красноармеец», «товарищ Ленин»... Владимир Маяковский в «Левом марше» призывал на место ораторов «товарища маузера». Мадам Грицацуева в «Золотом теленке» именует мужа «товарищем Бендером». А сам незабвенный Остап иронически обращается к Балаганову: *«Я хочу уехать, товарищ Шура, уехать очень далеко, в Рио-де-Жанейро»*.

Как синоним «товарища» в новом обществе пытались использовать также слово «гражданин» – по аналогии с эпохой Французской революции 1789–1794 годов, когда обращение «гражданин» являлось как бы символом признания человека «своим», благонадежным по отношению к новой власти. Однако очень скоро выяснилось, что в Совдепии эти термины не совсем равнозначны. У каждого из них был свой оттенок. «Товарищ» звучал более уважительно и доверительно. Не случайно в песне «Широка страна моя родная» утверждалось:

Наши нивы взглядом не обшаришь,
Не упомнишь наших городов,
Наше слово гордое «товарищ»
Нам дороже всех красивых слов...

Разумеется, и в слове «гражданин» не было ничего постыдного. В конце концов, молодой поэт Сергей Михалков в 1935 году аттестовал так своего симпатичного великана дядю Степу:

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин,
По прозванию Каланча...

Но все же «гражданин» звучал официально, канцелярски и, что еще хуже, как-то «бесклассово». «Товарищ» в этом смысле явно благонадежнее и ближе.

Забавная деталь: во времена нэпа, политики «временного отступления» и возвращения мелкособственнического предпринимательства, в советское общество вернулось старое, забытое «барин» по отношению к восставшим из небытия частным собственникам, «буржуйам». Именно в это время возникает ироническая формула обращения к неизвестному человеку – «гражданин-товарищ-барин»: то есть выбери любое, что тебе больше по душе. Многие знакомы с ним по историко-детективной повести Николая Леонова «Трактир на Пятницкой»:

«– Купи папиросочку, Америка. Сделай почин, поддержи мою коммерцию, пацан протянул раскрытую пачку "Люкса".

– Уговорил, купец, – Пашка взял пару папирос, одну бросил в рот, а другую заложил за ухо.

– Прошу, гражданин-товарищ-барин, – в одно слово выпалил пацан, артистически взмахнул рукой, и в заскорузлой ладошке заплесал огонек спички. – Прикурите-с».

Заметим: «гражданин» и «товарищ» здесь явно позиционируются как определения людей разного круга (иногда «гражданин» заменялся в присловье «господином»). Несмотря на то что упоминавшийся уже Великий Комбинатор в ответ на обращение Балаганова «мосье Бендер» рекомендовал называть его «не мосье, а ситуайен, что значит – гражданин», советские граждане в значительном большинстве предпочитали «товарища».

Остроумно обыгрывает это обстоятельство Михаил Шолохов в романе «Поднятая целина», когда казаки-«подпольщики» в марте 1930 года, ознакомившись со статьей Сталина «Головокружение от успехов», заявляют мятежному есаулу Александру Половцеву, что не станут выступать против советской власти. Когда же есаул гневно повышает голос, то слышит в ответ: *«Вы, товарищ бывший офицер, на наших стариков не шумливайте... Промахнулись мы, товарищ Половцев... Видит бог, промахнулись! Не путем мы с вами связались»*. То есть казаки по устоявшейся уже традиции обращаются к Половцеву как к офицеру и руководителю с привычным «товарищ»...

В битву за высокое слово впутали даже «солнце русской поэзии» – Александра Сергеевича Пушкина. В 1930-е годы из великого стихотворца стали лепить великого революционера, и именно с тех пор одним из самых известных (и обязательным для изучения в школе) стало «Послание к Чаадаеву». Помните:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Как пишет литературовед Юрий Дружников в статье «Страсти вокруг одного стихотворения»: «...одним из самых привлекательных слов для нового режима в стихотворении оказалось обращение “товарищ”. Хотя слово “товарищ” Пушкин употребил в других стихотворениях семь раз, но – никогда в качестве обращения, а только: “двадцать раненых товарищей”, “Мой грустный товарищ, махая крылом,/Кровавую пищу клюет под окном” и др. Символично, что в большинстве немецких, французских и английских переводов этого стихотворения слово “товарищ” заменено на “друг”».

В «Послании к Чаадаеву» обращение «товарищ» единственный раз употребляется ровно так, как надобно было советским идеологам. И они своего не упускают. Нарком просвещения Анатолий Луначарский в предисловии к первому тому советского Полного собрания сочинений Пушкина (1930) четко обозначил большевистскую линию по отношению к поэту: сначала Александр Сергеевич был под подозрением, но после проверки партия решила, что «солнце русской поэзии» имеет-таки право освещать дорогу в светлое будущее. Правда, по Луначарскому, «пушкиноведение... надлежит еще переоценить со специальной точки зрения литературоведения марксистского». Лишь в этом случае «каждое зерно, имеющееся в пушкинской сокровищнице, даст социалистическую розу». Как справедливо замечает Юрий Дружников, послание «К Чаадаеву» явилось одним из зерен, которые предполагалось по команде наркома превратить в красные розы.

Что и было сделано: Пушкина причислили к певцам декабризма и пророкам революционного движения в России, несмотря на то что сам поэт не раз довольно нелицеприятно отзывался о восстании и уж точно не был революционно настроен. Президент Академии наук Сергей Вавилов по поводу стопятидесятилетия со дня рождения Пушкина

выделил именно стихи «К Чаадаеву» и заявил: «Эти строки характеризуют главную линию творчества Пушкина до конца его жизни».

Между тем пушкинист Модест Людвигович Гофман, который эмигрировал за границу в 1922 году, заявил, что знаменитое послание писал вовсе не Пушкин, а Кондратий Рылеев, и посвящено оно не Чаадаеву, а декабристу Бестужеву (в некоторых рукописях вместо «Товарищ, верь...» стояло «Бестужев, верь...»). С Гофманом соглашались Максимилиан Волошин и Валерий Брюсов.

В рамках нашего очерка нет смысла обсуждать подробно все «за» и «против» этой версии. Скажем только, что знаменитое послание написал все же Пушкин, на что он ясно указывает позже в другом послании Чаадаеву, перефразируя обороты и образы первого стихотворения – «пока сердца для чести живы», «на обломках самовластья напишут наши имена»:

Чадаев, помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым
Я мылил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но **в сердце, бурями смиренном,**
Теперь и лень и тишина,
И, в умиление вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

Отсыл настолько откровенный и ясный, что двух мнений быть не может. Гофман, правда, в 1937 году утверждал, что сближение двух стихотворений «неосновательно», однако не смог привести ни одного сколько-нибудь вразумительного контраргумента.

Но нам важно другое: послание «К Чаадаеву» стало **главным** произведением, которое аттестовало Пушкина как «своего» для советских граждан не только из-за нападков на «самовластье», но и благодаря современно звучавшему обращению «товарищ». Александр Сергеевич предстал таким «комиссаром в пыльном шлеме», с маузером в руке, и его арапский профиль легко можно было дорисовать на красном знамени к профилям Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Противная же сторона всячески старалась не только лишить Пушкина авторства, но и начисто вымарать «товарища» из стихов, вклеив вместо него какого-то подозрительного старорежимного Бестужева...

Но, однако же, какое отношение ко всему этому имеет «товарищ тамбовский волк»? А самое непосредственное. Мы убедились, что в условиях новой, советской действительности слово-обращение «товарищ» приобрело особый, высокий и чуть ли не сакральный смысл. Оно воспринималось как знак доверия, символ причастности к общему делу, обозначение «нашего человека», близкого по духу, единомышленника. Но как раз именно поэтому в местах заключения 1920-х – начала 1930-х годов отношение к «товарищу» выработалось совершенно иное. С одной стороны, Соловки, Беломорканал, допры и тюрьмы принимали немалое количество «контриков» и «вредителей» из числа старорежимной публики. Эти люди воспринимали слово «товарищ» уже исключительно в советском значении и относились к нему либо издевательски-пренебрежительно, либо с явной злобой. Вот для иллюстрации отрывок из лагерных мемуаров «Россия в концлагере» Ивана Солоневича. Место действия – Беломорско-Балтийский канал, беседуют два зэка:

«– Дурацкие разговоры. Во-первых, Корневский – наш товарищ...»

– Если ваш, так вы с ним и целуйтесь. Нам таких товарищей не надо.

“Товарищами” и так сыты».

С другой стороны, представители правоохранительных органов и мест заключения сами терпеть не могли, когда подследственные или арестанты обращались к ним как к «товарищам». Они прекрасно осознали тонкое лингвистическое различие между «товарищем» и «гражданином», доступно стремясь передать свои знания подследственным и заключенным. Писатель Иванов-Разумник в книге мемуаров «Тюрьмы и ссылки» вспоминал о допросе, свидетелем которого он стал в Лубянской тюрьме (ноябрь 1937 года):

«– Так ты, мерзавец, ни в чем не хочешь сознаваться? – гремел бас.

– Товарищ следователь, ну как же я могу признаться?... Верьте моей совести, ни в чем, то есть ни в чем не виноват! Ах, Господи Боже Ты мой, ну как мне, ну как же мне убедить вас, дорогой товарищ следователь! – жалобно плакался фальцет.

– Я тебе не «товарищ», сукин ты сын! Вот тебе! Получай за «товарища»! – Раздался гулкий звук оплеухи.

– Господин следователь...

– Получай за «господина»!

– Гражданин следователь, ради Бога, не бейте меня!»

Эти «практические занятия» ставили целью закрепить в сознании и памяти заключенного стандартную обязательную форму обращения к любым сотрудникам мест лишения свободы и всякому «вольному» –

«гражданин»: «гражданин следователь», «гражданин начальник», «гражданин капитан»...

Подобное обращение было закреплено официально. Разумеется, его требовали не только от «контриков», но и от всех заключенных – в том числе от уголовников, которые на словах вроде бы считались «социально близкими». В этом смысле характерен эпизод, описанный в сборнике «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (1934). Речь идет о посещении стройки Анастасом Микояном 23 марта 1932 года. Именно к нему обратился начальник ГУЛАГа Лазарь Коган, поделившись лингвистическими сомнениями по поводу арестантов, которые прокладывали канал:

«– Товарищ Микоян, как их называть? Сказать «товарищ» – еще не время. Заключенный – обидно. Лагерник – бесцветно. Вот я и придумал слово – “каналоармеец”. Как вы смотрите?

– Что ж, это правильно. Они у вас каналоармейцы, – сказал Микоян.

То есть «товарища» надо было еще заслужить. А в результате появляется особый термин «з/к» (зэка) – «заключенный каналоармеец»...

Что касается уркаганов, профессиональных преступников, они некоторое время все же по традиции продолжали использовать «товарища» в общении между собой. Тем более такое словоупотребление было закреплено и в классическом фольклоре уголовного мира еще с дореволюционных времен.

Например, в песне «С одесского кичмана», которая обрела широкую популярность благодаря Леониду Утесову. Вернее, если быть совсем уж педантичными – благодаря спектаклю Ленинградского театра сатиры «Республика на колесах» по пьесе Якова Мамонтова. Сюжет прост: на отдаленном украинском полустанке банда «зеленых» создает свою «демократическую республику». Ее «президентом» провозглашается пройдоха-уголовник Андрей Дудка, который выбирает себе в «министры» бандита Сашку, телеграфиста и двух бывших помещиков. На торжественной пьянке в честь этого события Дудка (его роль исполнял Леонид Утесов) и поет уркаганскую песню:

С одесского кичмана
Сорвались два уркана,
Сорвались два уркана тай на волю...
В вапнярковской малине
Они остановились,
Они остановились отдохнуть...

«Товарищ, товарищ,
Болять-таки мои раны,
Болять мои раны в глыбоке.
Одна вже заживаєть,
Другая нарываєть,
А третия застряла у боке.

Товарищ, товарищ,
Скажи моей ты маме,
Що сын ее погібнул на посте.
И с шашкою в рукою,
С винтовкою в другую
И с песнею веселой на устé.

Товарищ малахольный,
Зарой ты мое тело,
Зарой ты мое тело в глыбоке.
Покрой могилу камнем,
Улыбку на уста мне,
Улыбку на уста мне сволоке.

По мнению многих исследователей, песенка эта была написана специально для спектакля поэтом Борисом Тимофеевым на музыку композитора Ферри Кельмана – Михаила (Моисея) Феркельмана. Однако это не совсем так. И текстовик, и композитор лишь обработали уже известное произведение. Так, еще в 1926 году заключенный Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) Борис Глубоковский издал в Бюро печати Соловков брошюру «Материалы и впечатления», где привел ряд произведений «уркаганского народного творчества», одно из которых – песня «Шли два уркагана с советского кичмана»:

Шли два уркагана
С советского кичмана,
С советского кичмана домой.
И только ступили на тухлую малину,
Как их разразило грозой.

Товарищ мой верный,
Товарищ мой милый!
Болят мои раны на груди...

Одна утихает,
Другая начинает,
А третья рана на боку.

Товарищ мой верный,
Товарищ мой милый!
Зарой мое тело на бану.
Пускай малохольные легавые смеются,
Что умер геройский уркан я!

Ту же самую песню вспоминает в мемуарах «Неугасимая лампада» соловецкий узник Борис Ширяев – но в несколько иной версии:

«...Глубоковский и я заинтересовались "блатным" языком и своеобразным фольклором тюрьмы. Мы собрали довольно большой материал: воровские песни, тексты пьесок, изустно передававшихся и разыгрывавшихся в тюрьмах, "блатные" слова, несколько рожденных в уголовной среде легенд о знаменитостях этого мира. Некоторые песни были яркие и красочны. Вот одна из них:

Шли два уркагана
С одесского кичмана,
С одесского кичмана на домой.
И только ступили
На тухлую малину,
Как их разразило грозой...
Товарищ, миляга,
Ширмач и бродяга, —
Один уркаган говорит, —
Судьбу свою я знаю,
Что в ящик я сыграю,
И очинно сердце болит..
Другой отвечает:
И он фарт свой знает,
Болят его раны на груди,
Одна затихает,
Другая начинает,
А третья рана на боке...
– Товарищ, миляга,
И я – доходяга,
Зарой мое тело на бану!

Пусть помнят малахольные
 Легавые довольные
 Геройскую погибшую шпану!»

И далее Ширяев сообщает: «Издательство УСЛОН, о котором я рассказываю в дальнейшем, выпустило эту книжку страниц в сто тиражом в 2000 экз., и она попала в магазины ОГПУ на Соловках, в Кеми, на другие командировки, даже в Москву. Тут получился неожиданный, но характерный для того времени анекдот: издание было очень быстро раскуплено. Материалы по фольклору разбирались как песенник, сборник модных в то время (да и теперь в СССР) романсов...» Видимо, именно из брошюры лагерного издательства песенка об одесском кичмане перекочевала не только в «Республику на колесах», но и в другие произведения – например, в повесть украинского писателя Ивана Микитенко «Вуркогани» (1928):

Ишли два уркагана
 С одесского кичмана
 Домой.
 Лишь только вступили
 В одесскую малину,
 И тут поразила им
 Гроза.

Впрочем, не исключено, что Микитенко и Мамонтов черпали вдохновение непосредственно из фольклора преступного мира или из других источников: например, ноты «С одесского кичмана» издавались в 1924 году в Тифлисе – стало быть, песенка была достаточно известна. Более того, она является переложением народных солдатских песен Первой мировой войны. Еще до революции существовали повествования о нескольких героях, один из которых ранен и умирает, обращаясь к товарищу (или товарищам). Почти буквально совпадают и мелодия, и лексические обороты. Например, в песне времен Первой мировой войны «Шли два героя с германского боя»:

Шли два героя с германского боя,
 И шли два героя домой...

«Товарищ, товарищ, болят мои раны,
 Болят мои раны тяжело.

Одна засыхает, другая нарывает,
 А с третьей придется умереть»...

Существуют и другие варианты – «С немецкого боя шли трое героев», «У каждого дома осталась подруга» и т. д. Есть казачьи перепевы.

Для нас же особо важно то, что в 1926–1928 годах уголовное песенное творчество продолжает использовать слово «товарищ» в значении «друг». То же самое смысловое наполнение мы встречаем и в более позднем варианте старой воровской баллады «Медвежонок» (повествующей о вскрытии уголовниками несгораемого шкафа – «медвежонок»). Начало этой баллады приводит Валерий Левятов в своем романе «Я отрекаюсь»:

Помню, пришли ко мне трое товарищей,
 Звали на дело меня,
 А ты у окошка стояла и плакала
 И не пускала меня:

“Ой, не ходите вы,
 Ой, не ходите вы,
 Вышел ведь новый закон!”
 “Все знаю, все знаю,
 Моя дорогая,
 Что в августе он утвержден”...

Речь идет о Постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В народе его именовали по-разному: «указ семь восьмых», «указ семь-восемь» (сдьмое число восьмого месяца), «закон о колосках» (часто с уточнением – о двух, трех, пяти колосках). Постановление от 7 августа вводило в качестве уголовной санкции за хищение колхозного и кооперативного имущества и грузов на железнодорожном и водном транспорте – расстрел с конфискацией имущества, который при смягчающих обстоятельствах заменялся лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества. Осужденные не подлежали амнистии.

Итак, «благородный преступный мир», в отличие от представителей «старого мира», пытался оставить за собой право на использование слова «товарищ» в положительном смысле – друг, приятель, близ-

кий человек. Однако и блатных «государевы слуги» заставили понять, что новой власти уголовник – не товарищ, а своих товарищей ему придется искать в лесных чащах. Тогда блатари стали более активно использовать арготические синонимы «кент», «кореш», «братка», «братэлло» и проч.

Да и обычные «бытовики», то есть заключенные, которые не принадлежали ни к касте профессиональных преступников, ни к «политикам», а осужденные за растраты, нанесение телесных повреждений в банальных пьяных драках, за убийства на почве ревности и т. д., «товарищей» не жаловали. У «сидельцев» вырабатывалось отвращение к этому слову. Арестантский мир постепенно привыкал к обращению «гражданин»... То, что во времена Французской Республики считалось гордым отличием члена нового общества, в местах лишения свободы Республики Советов превратилось в клеймо для человека второго и даже третьего сорта. Фактически «гражданин» становится определением безликости, аморфности. Он почти синонимичен слову «существо» или популярному ныне в молодежной среде термину «организм». Как в песне Гарика Кричевского: *«По улице идут два организма»*...

Правда, с началом масштабных политических репрессий (после убийства в 1934 году Сергея Кирова, но особенно – с 1937 года) в среде «контриков», «фашистов», политзэков из числа совпарработников и вообще советских граждан новой формации, лояльных советской власти, слово «товарищ» приобретает прежний смысл. Это обращение служило нитью, которая связывала их с былой жизнью, с близкой им идеологией и мировоззрением. Любопытный факт приводит Жак Росси в своем «Справочнике по ГУЛАГу»: *«В конце 40-х гг. автор был свидетелем, как бригада, отработавшая 11 1/2 - часовую смену, согласилась остаться на следующую смену только потому, что глава строительства, майор МВД, сказал заключенным: “Прошу вас, товарищи” (все они были жертвами сталинских чисток)»*...

Но уркаганы и значительная часть «бытовиков» своего отношения к «товарищу» уже не меняла.

Зверехитрый еретик

С «товарищем» мы разобрались. Остается вопрос: с какого перепогу популярная поговорка вспоминает о волке, а не о каком-либо другом животном? В конце концов, есть медведи, собаки, шакалы. Любопытна и амбивалентность (сочетание противоположностей) образа волка из поговорки. С одной стороны, он – воплощение чего-то враждебного, злого, существо, недостойное дружбы порядочного че-

ловека. С другой стороны, его все-таки предлагают в товарищи. Значит, дружить с людьми он способен, пусть и не с теми, с кем надо. Итак: почему волк? Не важно, брянский или тамбовский, но – волк!

Начнем с того, что в европейской и русской культурах отношение к волку сложилось разное. Так было не всегда. В дохристианский период культ волка существовал у многих народов. Скорее всего, все этносы, которые существовали в «волчьем» ареале, на одной территории с этим животным, прошли стадию поклонения ему. Волк часто рассматривался как родоначальник, прародитель. Вспомним о capitoлийской волчице, вскормившей Ромула и Рема – основателей Рима. Легенды говорят также о том, что волчица (по другой версии – собака) воспитала персидского царя Кира Великого. Образы волков – основателей рода традиционны для башкирского, бурятского, татарского фольклора, фактически для сказок и легенд всех тюркских народов. Согласно генеалогическому мифу Чингисхана, предком этого великого военачальника был пепельный волк, который спустился с неба и соединился с ланью².

Точно так же в дохристианской и раннехристианской Европе культивировались воинские братства с волчьим тотемом. Например, ульфхеднары (*ulfhedhnar*), то есть «волкоголовые» – элитные воины древнескандинавских народов. Эти бойцы сражались в волчьих шкурах и не признавали доспехов. Их длительная физическая, психологическая, ритуальная подготовка схожа с воспитанием скандинавских «воинов-медведей» – берсеркеров. «Медведей» готовили для открытого боя, обучая помимо воинских навыков искусству экстатического бешенства, умению вызывать в себе чувство неконтролируемой ярости. «Волки» были мастерами засад, ночных атак, скрытых нападений. Они тоже умели впадать в боевой транс, но при этом могли себя контролировать. Грубо говоря, берсеркеры – это аналог русских десантников, а ульфхеднары – элитные группы спецназа.

Реликтом воинской традиции можно считать обрядовое переодевание в волчьи шкуры у южных и западных славян. Знамена с изображением волка являлись отличительным признаком воинских братств у многих

² В реальной жизни действительно есть случаи, когда человеческих детенышей воспитывают дикие животные. Профессор А. Джебелл из Йельского университета в 1940 году провел сравнительное исследование особенностей развития детей, выросших в человеческом обществе и воспитанных в диких условиях зверями. Из 20 детей 14 вскормлены волками, четыре – медведями, а один – леопардом. Как мы можем убедиться, волк лидирует с большим отрывом. Правда, в 12 эпизодах речь идет об Индии и лишь в двух – о Европе.

народов. Подобное отношение к волчьему племени связано с тем, что одним из главных способов добычи пропитания у людей была охота, поэтому им хотелось походить на зверей-хищников, сродниться с ними. В «волчьих» краях образцом для подражания служил серый разбойник.

Однако с приходом христианства в Европу отношение к волку постепенно меняется. В представлениях христиан он становится символом дьявола и ересей, которые угрожают «стаду верующих». Монахи-доминиканцы называли себя «псами Господними» (лат. *Domini Canes*), а их борьба с еретиками аллегорически изображалась как нападение стаи собак на волков. С этим же связаны традиционные сюжеты «Волк в овечьей шкуре», «Волки и овцы». Часто волк изображался как лживый проповедник, вещающий с кафедры овцам.

Дело не ограничивалось аллегориями. Церковники пробуждали у пастырей не просто страх, а иррациональный ужас перед волками. В средневековой книге о животных «Бестиарий» волк характеризуется как дьявольское животное; пылающие в ночи глаза волчиц лишают человека сознания. Изображение волчьей головы с красными горящими глазами либо волка, несущего в пасти добычу, вошло в средневековую геральдику как символ злобы, жадности, хищничества, жестокости. Ведьмам приписывались скачки на волках.

В «пособии» монахов-инквизиторов Генриха Инститориса и Якова Шпренгера «Молот ведьм» (1487) – рассказ о немыслимой кровожадности волчьего племени:

«Здесь мы разберем вопрос о волках, которые время от времени с большой хитростью и ловкостью крадут из домов взрослых и детей и их пожирают. Это происходит как естественным образом, так и с помощью наваждения через посредство ведьм. О первом роде случаев говорит Альберт Великий (“О животных”) и приводит несколько причин: 1) голод волков, заставляющий их приближаться к людским поселениям и там искать добычи; 2) их необузданность и свирепость, главным образом в холодных странах; 3) необходимость прокормить подрастающих волчат и т. д. Но подобное происходит также через обман чувств с помощью демонов, если Бог хочет наказать народ за грехи... Вспомним также историю одного венского епископа, назначившего перед Вознесением Господним день покаяния из-за того, что волки врывались в город и разрывали на улицах людей.

Ввиду того, что подобные волки, нападающие на людей и терзающие их, остаются безнаказанными, не попадают в западни и не подвергаются ранениям, можно с уверенностью сказать, что их нападения происходят с Божьего попущения при участии демонов».

Трудно представить, чтобы волки могли ворваться в средневековый город, окруженный крепостными стенами. А между тем вот что пишет состоятельный парижанин-очевидец о временах Столетней войны между Англией и Францией: «В 1421 и 1422 годах волки так изголодались, что и в городах и в полях раскапывали лапами могилы; повсюду, куда ни пойдешь, можно было натолкнуться на объединенные ими трупы. Нищета и голод, вызванные проклятой войной, возрастали изо дня в день, и не было видно конца несчастьям. На протяжении 1423 года волки входили в Париж каждую ночь, и иногда их убивали по три или четыре за одну ночь; на следующее утро те, кому это удавалось, расхаживали по городу с подвешенной на жердях тушей, и горожане щедро одаривали их деньгами».

Другой, еще более жуткой причиной были постоянные кошмарные эпидемии чумы, холеры, дизентерии, оспы, сифилиса, опустошавшие города и селения. Трупы не успевали сжигать или погребать, их пожирали волки, что привило целым поколениям серых хищников вкус к человеческой крови. Войны и эпидемии способствовали формированию волков-людоедов, которыми кишела средневековая Европа³. Исторические записи свидетельствуют, что во Франции в период между 1580 и 1830 годами (уже в более спокойное и благополучное время) волки загрызли более трех тысяч человек.

Так что церковникам было довольно легко связать образ волка именно с демонологией и привить пастве по отношению к серому хищнику чувство *мистического ужаса*. Одновременно католические Отцы Церкви Августин Блаженный, Фома Аквинский раскручивают тему оборотней-вервольфов. Людей, заподозренных в оборотничестве, отправляли на костер вместе с ведьмами и колдунами. Оборотней обвиняли не только в сношениях с дьяволом, но и в людоедстве. Так, 16 января 1574 года парламент города Доля приговорил Жилия Гарнье к сожжению на костре «за убийство четырех девочек и мальчиков, совершенных, по его собственному признанию, в обличье волка, и за последующее затем поедание их плоти».

³ Кстати, похожая ситуация сложилась в Америке эпохи Великих открытий. Оспа, принесенная на континент европейскими поселенцами, выкосила свыше 80 процентов аборигенов. Чувствуя легкую добычу, волки нападали на деревни, пожирая тела беспомощных индейцев. А во время Первой мировой войны, зимой 1916/17 года, на Восточном фронте в районе Литвы и Белоруссии стаи голодных волков, лишенные возможности охотиться на животных, стали набрасываться на солдат. Русскому и немецкому командованию пришлось договориться о временном перемирии и заняться совместным истреблением волчьего поголовья.

Константин Гончаров, автор исследования «Образ волка в русских и иноземных сказках», справедливо замечает: «Учитывая, что в те времена... в качестве “ведьмы” или “колдуна” инквизиция могла подозревать не только любого простолюдина, но и представителя знати – становится очевидным нагнетание массового психоза, или, по-другому, искусственное введение общества в состояние глубокого и постоянного невроза, граничащего с безумием... почти четыре столетия кровавой резни на почве суеверий, фанатизма и невежества не могли не найти свое отражение в сказках, легендах, преданиях и т. п.».

Итак, в западноевропейских легендах и сказках волк – воплощение абсолютного зла, коварства и зверства. Легенда о Франциске Ассизском, укротившем свирепого волка в окрестностях города Губбио, – случай исключительный и свидетельствующий скорее в пользу святого отца, нежели в пользу хищника.

Но разве не так же обстоит дело в русском фольклоре?

Банный вопрос их испортил, или Ржаной враг «анчутки беспятого»

На Руси дело обстояло иначе. Хотя по количеству волчьего поголовья она вряд ли уступала Европе – скорее наоборот. Да и нападения волков на людей не были редкостью. Нельзя назвать благополучным даже XIX век. Как сообщал Словарь Брокгауза и Эфрона, «по сведениям Центрального статистического комитета, с 1870 по 1887 г., в 49 губерниях Европейской России и Привислянском крае всего заедено зверями 1445 человек».

Казалось бы, если сравнивать с Францией, где за 300 лет волки загрызли «всего» три тысячи человек, можно прийти к выводу, что в России все было куда более запущено. Но, во-первых, Франция по населению уступала Российской империи в разы. Во-вторых, восстанавливая картину людоедства волков на галльской земле, мы можем опираться лишь на разрозненные свидетельства. В те времена статистические комитеты отсутствовали, никто не вел скрупулезного подсчета жертв. Зато источники прекрасно передают состояние чудовищного кошмара, связанного с тотальным террором волков по отношению к людям.

Дело не только в количестве волков-людоедов, но и в отношении к ним. Константин Гончаров приходит к выводу, что у западного обывателя укоренился «еще со времен раннего Средневековья и по сей день некий иррациональный страх именно перед ОБРАЗОМ волка – в отли-

чие от рационального страха путника или охотника, окруженного в лесу стайей голодных волков. Рациональный страх не имеет никакого отношения, например, к вере в оборотней-вервольфов и к другим сверхъестественным явлениям, к мистицизму, а имеет лишь единственное понимание в бытовом плане – “Сожрут или не сожрут?”. Зато иррациональный, суеверный страх трансформируется, на уровне подсознательного, в скотский, животный ужас».

Именно так. Наше Отечество счастливо избежало не только маниакальных психозов, связанных с охотой на ведьм, но и истерического ужаса перед волками и вервольфами. Разумеется, волк воспринимался как опасный хищник. Однако была существенная разница между русским «лесным» волком и европейским «чумным». В России волк нападал на человека либо в глухом лесу, либо в степи. Близ жилья хищника атаковал людей преимущественно зимой, когда охота на домашний скот крайне затруднена и оголодавший волк просто вынужден нападать на всех без разбора. А вот на европейской территории волки бесновались *повсюду*; перманентные волны страшных эпидемий *искусственно делали их именно людоедами*. Зверь вел охоту на людей *постоянно и целенаправленно*. И размах волчьего людоедства в средневековой Европе (а именно тогда сформировалось восприятие серого хищника как воплощения абсолютного зла) был куда масштабнее нападений волка на человека в России.

Почему так произошло? Разве на Руси не было эпидемий? Конечно, были. Но подобные бедствия не шли ни в какое сравнение с европейскими. Увы, средневековое мракобесие отбросило европейскую медицинскую мысль на столетия назад, гигиена здесь была на пещерном уровне. Умывание отсутствовало как таковое. Европа не знала, что такое баня. Одежда носилась без смены сезонами, а то и круглый год. Белье нередко не стиралось и не менялось до полного истлевания. Обнажение тела считалось грехом. В городах нечистоты выплескивались прямо под пороги домов.

Правда, крестоносцы принесли из походов в Святую землю обычай умывать лицо, перенятый у мусульман. Были сделаны даже робкие попытки создания бань по примеру восточных. Однако католическая церковь восстала против такого «разврата» и объявила, что чума ниспослана на людей как наказание за столь «греховное увлечение». К травле присоединились доморощенные лекари. «Водные ванны... ослабляют организм и расширяют поры, поэтому они могут вызвать болезни и даже смерть», – утверждалось в медицинском трактате XV века.

Патрик Зюскинд в романе «Парфюмер» точно и без преувеличений передает «богатство ароматов» европейского города: *«В городах того времени стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей. Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни – скверным углем и бараньим салом; непроветренные гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни – грязными простынями, влажными перинами и остро-сладкими испарениями ночных горшков. Из каминов несло серой, из дубилен – едкими щелочами, со скотобоен – выпущенной кровью. Люди воняли потом и нестираным платьем; изо рта у них пахло сгнившими зубами, из животом – луковым супом, а тела, когда они старели, начинали пахнуть старым сыром, и кислым молоком, и болезненными опухольями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Воняли крестьяне и священники, подмастерья и жены мастеров, воняло все дворянское сословие, вонял даже сам король – он вонял, как хищный зверь, а королева – как старая коза, зимой и летом».* Между прочим, речь идет даже не о Средневековье, а о 18-м столетии! Можно только представить, что же творилось несколькими веками ранее...

Вот лишь несколько общеизвестных фактов. Людовик XIV мылся всего два раза в жизни, и эта процедура привела его в ужас. Королева Испании Изабелла Кастильская омылась (не считая крещения в купели) только в день свадьбы. Генрих IV за всю жизнь мылся три раза. Дочь одного из французских королей умерла от вшивости. Папа Римский Климент VI скончался от чесотки. Герцог Норфолк отказывался мыться из религиозных убеждений, и его тело покрылось гнойниками. Тот, кто бывал в Лувре, знает, что оттуда до сих пор не выветрился запах мочи: знать справляла малую (а то и большую) нужду в любом укромном уголке дворца. Европа гнила живо. Эпидемии и мор стали нормой, а отсюда – многовековой разгул волков-людоедов.

В то же самое время скандинавы и славяне, весь исламский мир чтили чистоту почти на религиозном уровне. *«Веди себя в сауне так же, как в церкви»*, – гласит финская поговорка. *«Чистота – половина веры»*, – сказал пророк Мухаммед. Правовверные мусульмане ходили в хамам почти столь же регулярно, как в мечеть. Русская баня воспринималась иноземцами как одно из чудес света и панацея от болезней и хворей. Общая баня была в каждой деревне, почти в каждом дворе – своя личная. Указ 1649 года предписывал «мыльни строить на огородах и на полых местах не близко от хором». Домашние бани топились раз в неделю, по субботам. Эти дни считались нерабочими. Личный

медик императрицы Елизаветы Петровны испанец Сантос заявлял: *«Сколь бы счастливо было общество, если б имело нетрудный, безвредный и столь действенный способ, чтоб оным могло не токмо сохранять здравие, но исцелять или укрощать болезни... Я с моей стороны только одну Российскую баню почитаю способною к принесению человеку столь великого блага».*

Поэтому Русь не пережила эпидемий, по размаху и жертвам хотя бы отдаленно сравнимых с европейскими. Волчье людоедство не носило характера национальной катастрофы. Православной церкви (в отличие от католической) не было смысла эксплуатировать образ волка в качестве религиозного устрашения. Но все же после принятия христианства подобные представления постепенно внедряются в народное сознание. Волк ассоциируется с нечистой силой, его даже называют «чертов конь». Считалось, что волки, как и нечистые духи, боятся молитвы, креста, освященных предметов. На этот счет существовало множество заклинаний-заговоров, например: «Атварни мене, Госпади, ат этага зверя», «Хрест на мене, волк от мене» и проч. Согласно поверьям, волк не переносит колокольного звона, поэтому ямщики подвязывали под дугу колокольчики. Имя волка старались не помянуть вслух, как и имя черта. Поэтому использовали названия «серый», «бирюк», «кузьма», «лютый»... Отсюда и поговорки «Про волка речь, а он навстречь», «Волка помянули, а он тут как тут». «Волками» называли «нехристей», «басурман» – татар, евреев и т. д.

Но одновременно **волк воспринимался и как гонитель нечистой силы**. По народным преданиям, когда Бог создал человека, черт тут же слепил из глины (или вытесал из дерева) волка. Однако оживить его не смог, и тогда Бог сам вдохнул жизнь в зверя. Воспрявший хищник бросился на черта и прокусил ему пятку. В ужасе нечистый вскарабкался на ольху. Кровь из пятки стекала по стволу дерева и окрасила кору в красный цвет. А черт (дьявол) с тех пор хромает. По другим рассказам, волк вообще откусил черту пятку, так что нечистого прозывают «анчутка беспятый». Во многих поверьях волки охотятся на чертей и пожирают их, чтобы те меньше плодились.

Правда, все это далеко от европейских представлений? Между тем речь идет о том, что славяне, русичи всего лишь сохраняли первоначальные **общеευропейские** традиции. Например, в аграрных обрядах народов дохристианской Европы встречается фигура Хлебного Волка как духа плодородия, нивы, хлеба. Это отчасти сохранилось и в германских верованиях уже христианского времени. Когда колосья колыхались под ветром, говорили: «По хлемам проходит волк», «Ржаной

волк бежит по полю». Крестьяне в окрестностях Фейленгофа (Восточная Пруссия), заметив бегущего по полю волка, следили за тем, поднят его хвост или же волочится по земле. Если хвост волочился, это означало счастливый год, и волку приносили жертвы, разбрасывая на его пути еду. Если хвост был приподнят, волка проклинали и старались убить. В Германии существовала вера в то, что в последнем снопе сидит волк, волком звали и человека, скосившего этот сноп, и женщину, вязавшую сноп. «Люди-волки» должны были проявлять свою звериную натуру, подражая повадкам, вою, стараясь укусить жнецов или вязальщиц. На острове Рюген женщина, связавшая последний сноп, войдя в дом, кусала хозяйку и служанок; чтобы откупиться, ей отдавали большой кусок мяса.

С приходом агрессивной формы католического христианства эти верования в Европе были вытравлены. А в отечественной культуре подобный образ сохранился. Академик Борис Александрович Рыбаков в исследовании «Язычество Древней Руси» рассказывает об изображении волка в виде гравировки на серебряной оправе турьего рога, которое было обнаружено при раскопках Черной могилы – дружинного кургана славянской эпохи. *«Этот волк, как и его сказочные потомки, благожелательны к человеку и к жизненному началу вообще»*, – отмечает автор. А на Дмитровском соборе во Владимире можно увидеть свыше двух десятков волков. Среди них – и с хвостами, которые «прорастают» и «колосятся». На браслетах древнерусских мастеров XII–XV веков тоже изображен волк, из хвоста которого растет зеленый побег. Такие браслеты называются «русальскими» (русальи праздники на Иванов день и вечером в канун Рождества). Они связаны со славянскими аграрными молениями о дожде. Волк на браслетах – символ плодородия, поскольку обвит поясом-плетенкой с растительным орнаментом. Только представьте себе: в период расцвета средневековой травли волков и вервольфов русичи изображают «добрых волков» на церквях и браслетах!

Стадо «волчьего пастыря»

По мнению ряда авторов, истоки культа волка следует искать в евразийской древности: *«Возникновение культа обожествленного Волка должно относиться к тем далеким временам, когда это животное было более всего необходимо человеку. Евразийцы в конце эпохи последнего и жестокого оледенения (IX тыс. до н. э.) одомашнили волка... Содружество человека с волком было двусторонним: “волк постоянно следил за отдаленные времена (как это делает и сейчас) за*

деятельностью человека, кружа во мгле, куда не достигал свет костра, и жадно втягивал аромат свежего мяса”. Иногда охотники кидали своему незваному помощнику куски мяса, часто оставляли объедки, и волки могли пользоваться щедростью своих “братьев старших”, проявляя к ним повышенный интерес и дружелюбное отношение.

Зависимость жизнеобеспечения человека от волка (собаки) несомненна. Стаи волков гнали оленей, а люди с противоположной стороны устраивали засады. После выведения собаки она стала постоянным спутником человека на охоте. Собака на первых этапах одомашнивания считалась прирученным волком. Волк, будь он диким или домашним, считался верным другом человека»⁴.

Появляются волчьи амулеты и обереги, сделанные из костей и зубов хищника и имеющие «лечебную силу». В средневековой Европе за подобные «безделушки» можно было поплатиться жизнью (они воспринимались как знаки оборотня-ведьмака), а вот у славян и тюркских народов традиция сохранялась.

В эпоху праиндоевропейского единства сформировался культ бога-Волка, Волчьего пастыря. Он – владыка гроз, ему подвластны стаи небесных волков, в дикой охоте заменяющие гончих псов. Пастырь скачет верхом на волке и сам может принимать волчье обличье. Первоначально образ «волчьего пастуха» был связан, видимо, с легендой о «Дикой охоте», общей для ряда европейских народов. В скандинавской мифологии Дикую охоту устраивает верховный бог Один (Водан), который несется по небу во главе воинства мертвецов, сопровождаемый сворой диких собак. Видимо, речь идет о волках, поскольку именно они являются магическими животными Одина.

Согласно мифам о волчьем пастыре, в награду за службу он назначает волкам добычу: кому корову, кому овцу, кому жеребенка, а кому – и человека. Никто из обреченных на заклятие не в силах избежать своей судьбы.

Славяне считали волков священными животными бога богатства и плодородия Велеса. «Велесовы дни» (зимние святки) называли «волчьим праздником». Также хозяином волков был бог-громовик Перун (который порою и сам оборачивался волком), а серые хищники обретали образ хмурых туч, пожирающих солнце, или даже хищников ночи, обгрызающих луну. Затем образ волчьего пастыря каждый народ стал

⁴ <http://churchtoday.ru/biblioteka/mifologija/istoki-slavjanskoi-i-evrazijskoi-mifologii/mify-i-legendy-o-volke-luke-i-strelah-u-evrazijskih-narodov/mify-i-legendy-o-volke-toteme-i-volchih-bogah.html>

подгонять под себя. У западных украинцев покровителями волчьего племени считались святые Михаил, Луппа, Николай, Петр и Павел. Белорусы отводили эту роль козлоногому и мохнотому Полисуну, который гонит плетью стада голодных волков туда, где народы губят друг друга в сражениях. В русском фольклоре роль Волчьего пастыря отводилась сначала лешему, затем – Егорию Храброму, охранителю скота и одновременно повелителю волков земных и небесных.

С принятием христианства роль волчьего пастыря досталась Георгию-Победоносцу, покровителю Москвы и герою известного лубочно-го стишка:

Наш Георгий во броне,
Едет на сером коне,
Держит в руке копие,
Тычет змия в жопие.

Действительно, фигура римского тысяченачальника, обезглавленного императором Диоклетианом за принятие «новой веры», во всех христианских церквях особенно популярна благодаря легенде «Чудо Георгия о змие», где святой спасает дочь языческого царя, предназначенную в жертву дракону (змею), пронзая чудовище копьем. Правда, в некоторых вариациях мифа Победоносец умиротворяет змия молитвой. Но затем, видимо, на легенду повлиял византийский эпос X века «Сказания о Дигенисе Акрите», герой которого Василий Акрит (акриты – мало зависимые от императора «воины приграничья», вроде русских казаков) сражался против мусульман и горных разбойников. Дигенис Акрит тоже боролся с драконом, напавшим на его жену Евдокию, так что молитву решили заменить более действенным «воспитательным средством».

Но лишь в русской традиции выяснилась любопытная подробность: оказывается, Георгий (он же Егорий, Юрий) не одного змия в жопие тыкал... Как гласит легенда, однажды, когда Егорий ехал через лес, откуда ни возьмись налетел серый волк и вцепился зубами в ногу его коня. Святой недолго думая ударил зверя копьем. Раненый хищник возмущенно возопил: «Пошто бьешь меня, я же голоден!» На что святой заметил: «Хочешь есть – спроси меня. Я укажу тебе лошадь, которую ты можешь зарезать». Выехал на пастбище и указал волку на несчастную лошадь. С тех пор каждый год накануне праздника имени себя, любимого, святой Георгий объезжает на коне поля и леса, собирает волков и определяет каждому добычу.

Праздник Георгия Победоносца (а заодно Егория Храброго, Ерилы Вешнего, Скотопаса, Волчьего Пастыря, Отмыкания Земли и прочая, прочая) приходится на первый понедельник после Красной горки – по-нынешнему на 6 мая. В обрядах христианские представления переплетены с языческими. Пастухи брали с собой «на Егория» иконку с изображением святого Георгия, веточку вербы, освященную в церкви, горбушку хлеба, а заодно восковой шарик с закатанными в него шерстинками коров из стада и т. д.

Считалось, что волки выбирают только тех, кто обречен на гибель Егорием-Юрием. На этот счет существует множество пословиц и поговорок: «Что у волка в зубах, то Егорий дал»; «На то Георгий волку зубы дал, чтобы кормиться», «Без Юрьева наказу и серый сыт не будет!», «На что волк сер, а и тот по закону живет: что Егорий скажет, на том все и порешится!», «Святой Егорий держит волка впроголодь, а то бы – хоть и скота не води!»... В Орловской губернии бытовало поверье, что Егорий отдает «волку на зуб» только ту скотину, хозяева которой не поставили свечу к образу святого в день праздника. Соответственно, единичные нападения серых разбойников на скотину воспринимались крестьянами как признак будущей удачи и довольства. В некоторых местах хозяева даже специально оставляли на съедение волкам корову или овцу, чтобы «задобрить» их.

То есть волк в русском фольклоре не являлся воплощением иррационального ужаса, кровожадности и жестокости, как это имело место в Европе. Но вот что сказать насчет «дружбы-фройндшафт»?

Героический крокодил и «творительное сравнение»

Мистическая связь славянских народов с волками очень глубока. Особенно ярко это проявляется в отношении к такому явлению, как оборотничество.

Мы уже знаем, что в западноевропейской традиции превращение человека в волка способно вызывать лишь *чувство ужаса и глубоко-го отвращения*. В русских быличках, сказках, легендах дело обстоит иначе. Человека-волка, оборотня называли волколаком, волкодлаком, волкулаком. Изначально волкодлаками в славянской мифологии были воины-оборотни из свиты Ярилы и Велеса, полулюди-полуволки. Внешний признак волкодлака – растущая на голове волчья шерсть (длака), заметная уже при рождении. Самое древнее литературное упоминание о славянских оборотнях принадлежит «отцу истории» Геродоту: «Каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик». Невры – праславян-

кое племя, которое обитало к северо-западу от Черного моря; ученые относят его к милоградской археологической культуре.

С Крещением Руси слово «волкодлак», «оборотень» обретает в православном сознании резко отрицательный смысл. Считалось, что черти, бесы и прочие «нечистые» принимают образ волка или имеют волчьих признаки (волчьих зубы, уши, глаза и т. д.). Оборотничество приписывалось колдунам и ведьмам, способным превращаться в волка и то же проделывать с другими людьми. По созвучию с «волкодлаком» появился и «вурдалак», то есть оборотней нередко воспринимали и как упырей.

Однако фольклор продолжал относиться ко многим волкодлакам с явной симпатией. Вспомним хотя бы былинного Волха Всеславьевича, он же Вольга Святославович, знатного богатыря-оборотня, который оборачивался не только серым волком, но и ясным соколом, а также гнедым туром-золоты рога. В походе на «Царство Индейское» это помогло ему снабжать свое войско:

Дружина спит, так Волх не спит:
он обернется серым волком –
*бегал-скакал по темным лесам да по раменью*⁵.
А бьет он звери сохатыя,
А и волкам, медведям спуска нет...

Любопытный штрих: принимая волчий облик, оборотень между тем охотится и на волка...

С приходом христианства, правда, появляются предания (в частности, новгородское), где Волх изображается как «бесоугодный чародей, лют в людях; бесовскими ухищрениями и мечтами превращался в различные образы и в лютого зверя крокодила; и залегал в той реке Волхове водный путь тем, которые ему не поклонялись: одних пожирал, других потоплял. А невежественный народ тогда почитал его за бога и называл Громом или Перуном... И был этот окаянный чародей удален от бесов в реке Волхове... И по трех днях после того тризница прослезилась земля и пожрала мерзкое тело крокодилово, и могила просыпалась над ним на дно адское...».

Но в памяти народной и былинах богатырь оставался защитником земли Русской. Былина о Волхе Всеславьевиче представлена и в одном из самых известных сборников «Древние российские стихотворе-

ния, собранные Киршеем Даниловым» (1804). Мы с полным правом можем говорить о противостоянии народной и церковной точек зрения. Тем более Волх – не единственный оборотень в русской литературной традиции.

Достаточно обратиться к самому известному произведению Древней Руси, которое пронизано мотивами славянской народной поэзии с элементами языческой мифологии. Я имею в виду «Слово о полку Игореве» (конец XII века). Безвестный автор так описывает полоцкого князя Всеслава Брючиславича (которого, кстати, сторонники «исторической школы» считают прототипом былинного Волха-Вольги):

Всеслав Князь людем судяше,
Князем грады рядяше,
А сам в ночь вльком рыскаше;
*Из Кыева дорискаше до кур*⁶ *Тмутороканя,*
*Великому Хрьсови*⁷ *вльком путь прерыскаше.*

Конечно, можно воспринимать эти примеры просто как литературное сравнение, выраженное творительным падежом. То есть Всеслав не оборачивается зверем на самом деле; его просто **сравнивают** с волком. В конце концов, и «Бояна вещего» в начале поэмы сравнивают тем же самым способом: «*аще кому хотяше песнь творити, растекашеся мыслию*⁸ *по древу, серым вльком по земли, шизым орлом под облакы*». Волк вообще упоминается в «Слове» девять раз, и лишь однажды речь идет о хищнике как таковом.

Только вот какое дело: сама форма подобных сравнений косвенно указывает на то, что они связаны с языческими представлениями о способности человека превращаться в зверя. Одно дело бежать, **как волк**, **подобно волку**, другое – бежать **волком**, без всяких экивоков и оговорок. Что касается Всеслава, летописи достаточно прямо объясняют природу оборотнических способностей князя: «*Мать же родила его от волхования. Когда мать его родила, на голове его было язвено*⁹. *Волхвы сказали матери: “Наложи на него это язвено, и пусть носит до конца жизни”. И носил его Всеслав до смертного дня; сего ради он и не милостлив на кровопролитие*». Перед нами – обряд наложения по-

⁶ До петухов.

⁷ Солнцу.

⁸ Согласно другим трактовкам – «мысию», то есть белкой.

⁹ Язвено – «сорочка», то есть тонкая пленка плаценты на голове новорожденного.

вязки-наузы (ею в данном случае служила «сорочка»-плацента), которая являлась не только оберегом, но и частью древнего колдовского обряда «обращения человека в зверя», сиречь оборотничества. Науза свидетельствовала о том, что носящий ее прошел инициацию – приобретение к тайному знанию. Потому и подчеркивается, что полоцкий князь «не милостлив на кровопролитие»: зверь есть зверь...

И вообще, слишком часто используется «творительное сравнение» с волком в поэме. Взять эпизод с бегством Игоря: князь скачет горностаем к тростнику, белым гоголем на воду, затем с коня спрыгивает серым волком, летит соколом... Тоже «обычное сравнение»? Но вот что любопытно: князь летит соколом, «избивая гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину». То есть охотится именно как крылатый хищник. Для «обычного сравнения» это уже перебор...

Стало быть, Игорь тоже не был чужд оборотничеству. И русских людей этот факт не пугал – напротив, такие способности считались доблестью.

Мы с тобой одной крови!

Пока мы рассматривали оборотничество как воинское искусство. Но, оказывается, превращение в волка и обратно считалось на Руси чуть ли не бытовым явлением. Как говорил Карлсон: пустяки, дело житейское... Вера в существование людей-волков была распространена повсеместно. Она и сейчас существует в отдаленных деревнях северной России и Сибири.

Понятно, когда волкодлаком становился колдун, ведьмак: по чину положено. Этнограф-фольклорист Николай Иваницкий писал в «Материалах по этнографии Вологодской губернии» (1890): *«Колдун может обращаться в любое животное и других обращать в зверей (преимущественно волков). В Кадниковском уезде Вологодской губернии рассказывают, что колдун приходит в лес, ударяет топором в пень и обращается в волка для того, чтобы заесть скотину, принадлежащую тому человеку, на которого он, колдун, за что-либо гневается»*. Мария Власова в толковом словаре «Русские суеверия» пишет: *«Смоленские крестьяне рассказывали, как волками сделались дети колдуна, по ошибке выпившие приготовленный “для поддела” напиток: “После этого колдун просил соседей не стрелять волчат, а удавить, при виде их, палкой об ‘мялилицу’¹⁰; случись при этом оборот-*

¹⁰ Мьялица (то же, что мялка) – разминающая машина, устройство, например мялица для льна.

ни, они могли бы принять прежний образ”». Обратите внимание, насколько все прозаично. Ну, случилась у колдуна неприятность, дети шалили, в волчат обратились. Он и просит чисто по-соседски: не пришибите ребянтю случайно...

«Волколаческими» способностями обладали не только колдуны, но и вполне себе обычные люди. Тем более способ немудреный: «перекинуться» (перевернуться) через воткнутый в пень либо в землю нож, топор или какой другой колюще-режущий предмет. Если такового не найдется под рукой, можно обойтись чем попроще. Скажем, в Вологодской губернии колдунья «перекинулась» через коромысло. Правда, если кто-то выдернет или унесет сакральный предмет, волкодлак так и останется в обличье зверя.

Николай Михайлович Гальковский, замечательный филолог-славист, в исследовании «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» (1913–1916) приводит характерный пример: *«В селе Лучазах Смоленской губернии рассказывают, что когда-то там жил мужик, умевший делаться оборотнем. Пойдет на гумно и пропадет. Однажды за овином нашли воткнутый в землю нож и выдернули его. С тех пор мужик пропал и пропал без вести года три. Один знахарь посоветовал родственникам пропавшего воткнуть нож за овином, на том месте, где он торчал раньше. Те так и сделали. Вскоре после этого пропадавший мужик пришел в свою избу, но весь обросший волчьей шерстью. Истопили жарко баню, положили оборотня на полки и стали парить веником; волчья шерсть вся и сошла»*.

Превратиться в волка можно было и в результате семейных трений. Так, известная собирательница фольклора Ирина Валериановна Карнаухова в сборнике «Сказки и предания Северного края» (1934) приводит случай обращения в волчий образ «по слову матери». Когда единственный сын в целях экономии собирался зарыть усопшего отца в саду («на попов много денег нужно»), возмущенная мать сказала: «Лучше я б волка породила, чем такого сына, отца как собаку зарыть хочет». Тотчас сын обратился в волка, поджал хвост и убежал в лес. А уральский казачий писатель Иоасаф Игнатьевич Железнов в трехтомнике «Уральцы – очерки быта уральских казаков» (1858) поведал о теще, обратившей в волка непутевого зятя, который обижал ее дочь. Правда, в конце концов она смиловилась и вернула несчастному человеческий облик. Однако одичавший и расстроенный зять постригся в монахи...

Особо популярны рассказы о том, как рассерженный колдун превращает в волчью стаю целую свадьбу. Этот сюжет связан с общеславянским свадебным обычаем: во время свадьбы жених сравнивался с

волком, крадущим добычу, «волками» называли дружину жениха или невесты, родню на свадьбе, «серые волки» в причитаниях невесты – братья жениха, а родня жениха, напротив, нередко называла невесту «волчицей». В конце концов, символические «перевертыши» стали представляться как «обыденная реальность».

По архангельским поверьям, колдун превращает в волкулаков лишь тех гостей, которые покинули свадебное пиршество, не испросив «отпуска» (колдовского напутствия). Такие оборотни либо рыскали своей стаей, либо примыкали к другим волкам. По ночам они прибегали к родным местам и жалобно выли. Историк Василий Петрович Верещагин в «Очерках Архангельской губернии» (1849) рассказывал, что «охотники, бродя в лесу, встречаются иногда с волками, одетыми в кафтаны и женские платья».

Такие рассказы в народе воспринимались не как сказки, а как вполне реальные события. Рассказчик, сообщивший о превращении сына в волка «по слову матери», утверждал, что это произошло с его соседом. Мария Волкова пишет, ссылаясь на вологодские источники: *«Нередко можно встретить мужика, который, пользуясь доверием народа, рассказывает, что он разыскивает стаю, в которой бегают оборотливая в волков свадьба. Этому мужику частью из страха, частью из сожаления народ дает большие подачки».*

Орловские крестьяне считали, что «волкулаки» никогда не нападают на человека и скота не трогают; встречаясь с настоящими волками, держатся подветренной стороны, чтобы «сородичи» не учуяли человеческого запаха. *«Хотя нужда заставляет их питаться чем попало, но они больше стараются разжиться хлебом и мясным, унося из погребов то и другое»*, – пояснял ливенский мещанин А.И. Трунов¹¹. В предании о сыне-оборотне поясняется, что он, будучи волком, *«мяса не едал. Разорвет овцецу, да поглядит, где пастухи картошку пекли, да на тех вугольях мясо и сжарит. Знал видь, что как сырое мясо съест, навсегда волком останется»*. Один из бывших волков Тульской губернии рассказывал: *«Бегаешь, бегаешь, поест все ищешь: настоящие-то волки падаль жрут, а мы не ели падали, все живых – барана, теленочка...»*

Волкулаки, обращенные в серых хищников насильно, страдают и скупают по родным, тянутся к людям. Один из оборотней ходил в родную деревню и ложился под знакомой ригой. Близкие поняли, что это – их

родич, стали подкармливать, а через семь лет он обрел свой прежний облик, остался лишь клочок серой шерсти у сердца. На Вологодчине занозивший лапу волк постоянно ходил к мужику за помощью. На второй год мужик убил зверя и обнаружил под его шкурой человека в кумачовой рубахе.

Столь подробный экскурс в историю русского оборотничества не случаен. Мы смогли убедиться, что в большинстве случаев отношение к волкулакам можно определить как настороженное сочувствие, жалость.

Как справедливо резюмирует Мария Власова в своем словаре русских суеверий: *«Представления о том, что под шкурой волка могут находиться мужчина или женщина, отразили веру в родство и единство всего живого: здесь волк – “хозяин” леса, зверей и одновременно “старший” родственник, покровитель, предок человека, “сильный” колдун, волхв-волк. Человек же, в свою очередь, – “превращенный волк”, который... черпает в этом родстве силы, а в критические моменты жизни может вновь стать волком».*

«Здорово, браток!»: волчий хвост под графской короной

Не слишком ли далеко мы ушли от уголовной поговорки? Средневековая Европа, Древняя Русь, чума, вервольфы, волчьи пастыри... Нагородили сорок бочек арестантов, а о самих арестантах забыли! Ничего подобного. Просто без серьезного экскурса в историю нам не удалось бы прояснить характер странного «товарищества» русского человека с русским волком, которое отразилось в блатном и лагерном фольклоре.

Мы уже упоминали, что у древних славян ежегодные чествования бога Велеса именовались «волчьим праздником». «Волчьи праздники» сохранились и после Крещения Руси. Они продолжаются в течение месяца – с Николы Зимнего (19 декабря, или 6 декабря по старому стилю) до Крещения Господня (19 января). В этой связи позволю себе обратить внимание на особенности русской психологии. С Николы Зимнего волки, по народному наблюдению, собираются в стаи и становятся особенно лютыми. Они рыскают по лесам, по полям, нападая даже на целые обозы. Что вполне понятно, поскольку зима – не лучшее время для волчьей охоты. Казалось бы, подобное поведение, повадки, если следовать европейской логике, должны были бы сформировать резко негативное отношение к серому разбойнику. Ничуть не бывало! Напротив, именно в этот период многие русские (как и многие другие славяне) чествуют волков, пытаются задобрить «паству Его-

¹¹ Трунов А.И. Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 2. 1869.

рия Храброго». Славяне не просто рядятся в волчьи шкуры, но и *приглашают волка к столу, разделить с ними трапезу!*

Некоторые славянские народы уверены, что встреча в пути с волком приносит добро. Например, белорусы говорят: «вовк яму́ дорогу перебеж», то есть человеку привалило счастье. Если волк пробежит возле села или через него перед закатом солнца, то ночь будет доброю для всех сельчан. А болгары верят, что волк, родившийся в одно время с человеком, и умирает одновременно с ним. Вот такая братская связь...

Да ведь те же белорусы так и приветствовали волка при встрече в лесу: «Здорово, браток!» Считалось, что если поприветствовать волка первым, он никогда не нападет. Многие уточняли, что перед волками следует встать на колени и обратиться со словами «Здравствуйте, мóлодцы!», а при встрече с волчицей на коленях попросить ее: «Волчица, матушка, помилуй меня». В черниговском Полесье встреченного волка уважительно просили: «Дамавой хозяйин, старани дарогу», то есть зверь воспринимался как покровитель домашнего хозяйства и скота.

Однако апофеозом содружества человека и серого хищника является русская народная сказка «Иван-Царевич и Серый Волк». Не будем подробно пересказывать похождения Ивана и его приятеля. Вспомним только, что они познакомились примечательным образом: Серый Волк сожрал у царевича коня, однако усомнился и предложил взамен свои услуги – не только в качестве средства передвижения, но также как советника и подельника. Вместе они изловили Жар-птицу, обуздали Златогривого Коня и привезли «по заказу» царя, у которого неудачно стащили чудесную птаху, невесту для него, Елену Прекрасную. При этом молодой человек постоянно вел себя не столько как Иван-Царевич, сколько как Иван-Дурак. Это замечательно точно отмечает Олеся Шестакова в работе «Роль мифических существ в славянских сказках»:

«На фоне серого волка сам эпический герой зачастую кажется непроходимым идиотом: ему говорят: не трогай – он лезет и навлекает беду, причем неоднократно. От такого поведения устает даже сам волк:

– Что же ты, Иван-царевич, слова моего не послушал, зачем взял золотую узду? Мне, серому волку, все хлопоты, а ты только пакостишь!

("Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке")

Недалекий эпический герой, с очень сомнительными моральными качествами (хотя вызывает удивление тот факт, что у царского сына kleптомания и он тащит все что можно) сильно проигрывает живущему в лесу, но, тем не менее, умному, благородному, бескорыстному серому волку.

...Самому эпическому герою никогда не придет в голову сказать волку спасибо за его службу, он принимает ее как должное, и с очень большой неохотой извиняется за свое не совсем адекватное поведение».

Да, милая компания... В конце концов, Царевич решает оставить всю добычу себе (хотя конь и девица предназначались для царя в обмен на Жар-Птицу), и Серый Волк помогает приятелю провернуть мошенническую операцию, обращаясь попеременно то в жеребца, то в Елену и давая подельнику возможность за это время удрать на недосягаемое расстояние. Однако затем Ивана убивают единоутробные братья и, в свою очередь, похищают его добычу. Серый Волк с помощью живой и мертвой воды оживляет товарища, они возвращают себе честно награбленное, а с «беспредельщиками» расправляются – в разных версиях по-разному, вплоть до разрывания в клочья.

Вот такой чисто уголовный роман. Как остроумно заметил Константин Гончаров, сия история «свободна от таких искусственных поведенческих стереотипов, которые отчетливо прослеживаются в западноевропейской сказке». И с этим не поспоришь. Стереотипов смакования криминальных подвигов устойчивой преступной группы в составе человека и волка западноевропейский фольклор и впрямь не знает. Не додумались.

Впрочем, далеко не все исследователи склонны рассматривать сюжет сказки о царевиче и волке как «русский оригинальный». Еще замечательный русский юрист и искусствовед Дмитрий Александрович Ровинский в своем капитальном труде «Русские народные картинки» (1881) отмечал, что ряд ученых находит источники сюжета в немецких народных сказках, другие же указывают на сказки восточные, азиатские. Так, Виссарион Белинский в статье «О народных сказках» писал, что история царевича и его хищного помощника «не слишком отличается народным колоритом. Золотые яблоки, Жар-птица, Серый волк, который служит красавице пленной царице, – все это отзывается Востоком...». Фольклорист Клара Курепова в «Русской лубочной сказке», напротив, настаивает на европейском «следе», где встречается даже вервольф, помогающий рыцарю и в конце за это обретающий прежний, человеческий облик.

Однако на самом деле первооснова русской сказки не столь важна. Суть ведь не в том, что фабула истории о трех братьях, которые охотятся за чудо-птицей, крадущей яблоки, известна многим народам. И даже не в том, что где-то даже упоминается волк как помощник главного героя. Главное – в другом. Только на русской почве эта история обрела *немыслимую популярность*, дружеский симбиоз волка и че-

ловека воспринимался как вполне естественное дело, а сам серый хищник выступает в роли мудрого, благородного, бескорыстного друга и наставника главного героя! Даже если в сказках Старого Света где-то промелькнуло нечто похожее, мы можем легко убедиться, что подобная тенденция и мораль оказались **абсолютно чуждыми** европейскому менталитету и фольклорно-литературной традиции.

Достаточно сказать, что только в русских лубочных изданиях с конца XVIII века и вплоть до 1918 года, то есть примерно за полтора века сказка об Иване-Царевиче и Сером Волке **выдержала свыше 150 изданий огромными тиражами!** Вообще же самое раннее лубочное издание четырехлистной «Сказки о Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке» с шестнадцатью картинками появилось еще в начале 18-го столетия.

Однако лубочными книжками дело не ограничилось. Приключения Ивана-Царевича и Серого Волка нашли живой отклик в сердцах народа. Сказка известна не только в записях собирателей народного творчества, но и в многочисленных литературных пересказах – а также в вольных переложениях. Первое литературное издание приключений царевича и волка вышло в 1786 году в типографии литератора Петра Федоровича Богдановича, в сборнике «Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих русских сказок». Это была «Сказка о Любиме Царевиче и прекрасной Царевне, его супружнице, и волке крылатом». «Дедушкины прогулки...» тоже не раз переиздавались.

Одна из самых известных художественных обработок сказки – на слуху у каждого грамотного русского человека, но, увы, знакома нам лишь в конспективном изложении. Я имею в виду двустушие из пушкинского пролога к «Руслану и Людмиле»:

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит.

Ивана-Царевича тут, правда, не наблюдается, зато возникает новый поворот: служение волка неведомой царевне, попавшей в застенки. Впрочем, незримо присутствует и царевич. Дело в том, что цитированные строки впервые были явлены публике во втором издании поэмы (1828). А между тем четырем годами ранее Александр Сергеевич уже обращался к образу «бурого волка»:

Иван Царевич по лесам
И по полям <и> по горам
За бурым волком раз гонялся

Вкупе с опубликованными в прологе подробностями мы можем предположить, что речь идет о каком-то особенном сюжете с пойманным волком и последующим его служением на пользу царской дочери, находящейся в заточении. Хотел ли Александр Сергеевич создать поэмы по совершенно оригинальной фабуле или же подумывал о стихотворной обработке какой-либо сказки, которую ему поведала Арина Родионовна, достоверно неизвестно.

Хотя влияние нянюшки как одного из источников вдохновения несомненно. Об этом свидетельствует эпитет «бурый», нехарактерный для русской фольклорной традиции: волков с таким окрасом на Руси отродясь не было. Между тем Арина Родионовна Яковлева большую часть жизни провела на Псковщине, в Михайловском, у своих бывших владельцев Пушкиных. А в этих краях как раз отмечено использование слова «бурый» в значении «серый», «темный». На что обратил внимание литературовед Сергей Абрамович Рейсер, изучая диалектный словарь Псковской области: оказывается, такое словоупотребление зафиксировано словарем шесть раз, в том числе в селе Камено Опочецкого района, совсем рядом с Михайловским! Впрочем, как пишет Рейсер, и в польском языке есть слово «buri», которое толкуется как «колору темно-серого с подпалинами». Причем в качестве примера приведен именно «buri wilk». В этимологическом словаре Макса Фасмера польское «buri» переводится тоже как «темно-серый». Так что, помимо традиционного сюжета с похождениями Ивана-Царевича на Сером Волке, не исключены и какие-то иные региональные вариации совместных подвигов этой «сладкой парочки».

В общем, русские писатели и поэты формировались в обстановке особого отношения к волкам, продолжая крепить и пропагандировать отечественные фольклорные традиции. Это касается не только Пушкина. Александр Сергеевич, как мы убедились, не стал создавать полноценное эпическое полотно, посвященное самодержавно-волчьей дружбе. Однако невольно явился вдохновителем другого поэта. В 1831 году Пушкин после болдинского одиночества вырвался в Царское Село к Жуковскому. В числе прочих своих новых сочинений поэт показал Василию Андреевичу «Сказку о попе и работнике его Балде». Жуковский пришел в восторг и решил устроить соревнование: кто напишет лучшую сказку. Пушкин принял за «Царя Салтана», Жуковский взялся за «Сказку о царе Берендее». Случившийся поблизости Гоголь не решился определить победителя, отозвавшись по поводу обеих сказок: «прелесть невообразимая». Но Жуковский на этом не остановился. Уже после гибели своего ученика и друга Василий Андреевич в

марте-апреле 1845 года во Франкфурте-на-Майне написал одну из своих чудесных иронических поэм – «Сказку о Иване-царевиче и Сером Волке», которая летом того же года появилась на страницах журнала «Современник». По словам Жуковского, он пытался создать сказку «во всех статьях русскую, рассказанную просто, на русский лад, без примеси посторонних украшений».

Произведение действительно вышло «во всех статьях» русским. К двум главным героям примешались заодно Баба Яга, Кощей Бессмертный, остров Буян, шапка-невидимка, скатерть-самобранка... Но главное, образ «русского волка – друга русского человека» получил полное и окончательное воплощение. Все завершается честным пирком да свадебкой Ивана с Еленой, куда на правах почетного гостя заявляется Серый Волк. Но как!

Карета в восемь лошадей (трубач
С трубою впереди) к крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачет;
И та карета золотая; козлы
С подушкой и бархатным покрыты
Наметом; назади шесть гейдуков;
Шесть скороходов по бокам; ливреи
На них из серого сукна, по швам
Басоны; на каретных дверцах герб:
В червленом поле волчий хвост под графской
Короною. В карету заглянув,
Иван-царевич закричал: «Да это
Мой благодетель Серый Волк!»...
Царевич, подскочив к карете, дверцы
Сам отворил, подножку сам откинул
И гостя высадил; потом он, с ним
Поцеловавшись, взял его за лапу,
Ввел во дворец и сам его царю
Представил...

Василий Андреевич в финале разошелся не на шутку. Он не просто присваивает волку графский титул, но и подробнейшим образом описывает наряд необычного гостя:

...он был одет

Отлично: красная на голове
Ермолка с кисточкой, под морду лентой
Подвязанная; шелковый платок
На шее; куртка с золотым шитьем;
Перчатки лайковые с бахромою;
Перепоясанные тонкой шалью
Из алого атласа шаровары;
Сафьянные на задних лапах туфли,
И на хвосте серебряная сетка
С жемчужной кистью – так был Серый Волк
Одет. И всех своим он обхождением
Очаровал; не только что простые
Дворяне маленьких чинов и средних,
Но и чины придворные, статс-дамы
И фрейлины все были от него
Как без ума...

Но и это еще не финиш. После свадьбы Иван-Царевич бросился уговаривать своего сердешного серого друга,

чтоб он у них
Остался на житье, и уверял,
Что всякую получит почесть он,
Что во дворце дадут ему квартиру,
Что будет он по чину в первом классе,
Что разом все получит ордена,
И прочее. Подумав, Серый Волк
В знак своего согласия Ивану-
Царевичу дал лапу, и Иван-
Царевич так был тронут тем, что лапу
Поцеловал. И во дворце стал жить
Да поживать по-царски Серый Волк.

Царский сын не просто лобызает лапу Волку, но и отдает тому на воспитание собственных чад (чем вам не Маугли?):

Серый Волк
Душою в душу жил с царем Иваном
Демьяновичем, нянчился с его
Детьми, сам, как дитя, резвился с ними,

Меньшим рассказывал нередко сказки,
 А старших выучил читать, писать
 И арифметике, и им давал
 Полезные для сердца наставленья...

Вы возразите: это же ирония, юмор! Мало ли что мы можем встретить у писателей... Так-то оно так. Однако, согласитесь, повествование идет абсолютно в фольклорном русле, как бы естественно продолжая и завершая народную сказку. Такое отношение – даже в шутовском ключе – было невозможно для западноевропейской традиции, где волк воспринимался как абсолютное зло.

Дружба дружбой, а капкан – капканом: почему «серого» предпочли «Потапычу»

У читателя может сложиться впечатление, что русский человек с волком, говоря шершавым языком жаргона, чуть ли не «в десны коцался», несмотря на хищническую сущность последнего. Спешу заверить: такое впечатление ложно. Фольклор фольклором, а жизнь жизнью. В жизни волк всегда представляет реальную опасность для человека, противостоит ему. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона сообщает: *«Волки повсеместно причисляются к самым вредным из всех хищников... Наибольшее значение, в сравнении с остальными государствами, волчий вопрос имеет в России. В 1874 году губернаторы 45 губерний Европейской России (за исключением области Войска Донского, Уральской области, Подольской губернии, Кавказа и Финляндии) представили данные об убытках, которое несет сельское население от волков. Убытки эти были определены ими в 8 миллионов рублей ежегодно, так как, по собранным сведениям, волками каждый год заедалось с лишком 750000 голов крупного и мелкого скота...»*

Материалы, предоставленные губернаторами, российское правительство поручило подробно изучить члену совета министра внутренних дел Василию Матвеевичу Лазаревскому – страстному охотнику, автору великолепной монографии о волке. Лазаревский пришел к выводу, что сведения с мест дают далеко не полную картину вреда, который серые хищники наносят крестьянским хозяйствам. На основании отчетов земских управ и других сведений охотовед заключил, что общая цифра убытков от волков по европейской России доходит до 15 миллионов рублей ежегодно, *«не считая промышляемой волками дичи, оцениваемой... не менее чем в 60 миллионов рублей»*. Сумма огромная даже по нынешним меркам, а для конца XIX века – просто астрономическая!

Понятно, что крестьяне (а они преимущественно страдали от волчьих набегов), несмотря на фольклорные традиции «братства с волком», вели с ним постоянную войну. Охотовед Сергей Безобразов в словаре Брокгауза и Эфрона замечает, что способы истребления волков отличаются чрезвычайным разнообразием, и с удовольствием описывает их. Это облавы и травли борзыми и гончими; охота с приманкой – поросенком, овцой или падалью; истребление волчат в логове; ловля тенетами (специальными сетями) и капканами; волчьи ямы; специальные луки на волчьих тропах, а также отравленная пища.

К уничтожению волков призывали многие русские охотоведы. Леонид Сабанеев писал, что *«волк является грозным символом невежества и угнетения народной массы»*. Он размножается в период войн, запусения, неурожая и проч. Это соответствует действительности. Во многих развитых странах популяции волка на сегодня практически уничтожены. В 1500 году последний дикий волк был убит на территории Англии, в 1700-м – в Ирландии, и в 1772-м – в Дании. Швейцарцы создали памятник последнему волку, убитому в XIX веке. Франция покончила с «серыми» в 1927 году. В Италии осталось менее 300 волков, в Норвегии и Швеции – около 80 особей, в Испании – примерно 2000. Польша сохранила 700 волков.

Многое, конечно, зависит не только от развития страны, но и от ее размеров. Так, в Канаде (по территории она уступает только России) и на Аляске волчья популяция достигает 50 тысяч голов, что сопоставимо с количеством волков в нашем отечестве. И все же связь волчьего поголовья с состоянием дел в стране несомненна. Россия в этом смысле – пример печальный. Весь XX век ее трясло от разрушительных катаклизмов: революции, войны, «перестройка» с развалом сельского хозяйства и запустением миллионов гектаров культурных угодий способствовали невиданному росту популяции серых хищников. Сегодня их насчитывается от 50 до 70 тысяч. Особо тревожна ситуация на Крайнем Севере и на юге России, где участились нападения волков на человека – явление, ставшее крайне редким во времена СССР, поскольку в то время охота на волков считалась важнейшей государственной задачей.

«Если заняться серьезной статистикой, можно было бы ужаснуться реальным потерям, нанесенным животноводству волчьими клыками. Однако сейчас такая статистика практически не ведется», – рассказал мне охотовед Владимир Иванченко. По его мнению, ситуация в ближайшее время может достичь «точки невозврата». И это – в начале XXI века! Что же говорить о веке XX, когда возникла поговорка о «товарище волке»?

Мы не случайно столь подробно остановились на волчьем засилье в России былой и нынешней. Ибо, как уже отмечалось, в поговорке о тамбовско-брянском волке «товарищество» с хищником имеет все же негативный подтекст. И он прямо связан с образом волка как разбойника.

Но почему именно волка, а скажем, не медведя? Ведь в русском фольклоре характеристика волка и медведя довольно близка. Так утверждает и словарь «Славянская мифология»: *«Медведь наиболее близок волку, с которым его объединяют сходные демонологические и другие поверья»*. Человек был обращен в медведя Богом за совершенные грехи, которые широко варьируются: убийство родителей, отказ монаху в ночлеге, замешивание теста ногами и т. д. Медведь может задрать скотину только с Божьего позволения (как волк – с позволения Егория). Медведь знается с нечистой силой, но в то же время и гоняет чертей. Колдуны могут обращать участников свадьбы не только в волков, но и в медведей. Медведя, как и волка, иногда приглашают на рождественский или новогодний ужин. Если покровитель волка – святой Георгий, то покровитель медведя – святой Андрей, который, согласно поверьям, ездит на косялапе хищнике. Как и волка, медведя опасаются упоминать вслух, называя его «сам», «хозяин», «дедушко» и проч., а часто – по имени-отчеству и даже по фамилии: Михал Иваныч, Потапыч, Топтыгин... В сказках медведь часто доброжелателен к человеку и помогает ему.

Не правда ли общего немало? Однако медведь воспринимался все же иначе, нежели волк. Именно опасность, агрессивность волчьего племени, обычай «серых» нападать стаями стали причиной того, что народ предпочел использовать в поговорке образ волка, а не медведя. «Потапыч» не охотится стаями, на скотину по сравнению с волком нападает редко, да и вообще «топтыгиных» в разы меньше, разор от них не столь значителен, держаться они предпочитают все больше в лесу. И даже поддаются дрессировке, что в случае с волком почти невозможно. У русского человека медведь издревле вызывал чувство симпатии. Не случайно именно этот зверь считается символом России.

Впрочем, медведь, как и волк, не остался незамеченным лагерным народом. Его удостоили нелестного сравнения в поговорке **«Закон – тайга, (норма – черпак), прокурор – медведь»**. Нередко вместо прокурора называется «хозяин»: так арестантское аргю определяет начальника лагеря. В русском фольклоре, кстати, медведь тоже выступает «хозяином» леса, обладающим властью над остальными животными, но недалеким и даже туповатым. Как замечают исследователи, в

этом видна параллель медведя с образом богатого помещика во время крепостного права, которого дурачат простые крестьяне. В другой поговорке – **«Пусть работает медведь: у него четыре лапы»** – «топтыгин» выступает как физически сильный, но безответный простофиля, который будет вкалывать вместо хитромудрых, разухабистых блатарей. Образ ревущего медведя («медведь заревел») также ассоциировался у эзков с ненавистным гудком на работу («голубушкой», напротив, называли гудок с работы).

То есть в уголовно-арестантском обществе медведь уважением не пользовался, выступая то как ненавистное начальство, то как «пахарь»-недоумок, то как символ далеких, неприветливых краев («отправят к белым медведям», говорили ээки по аналогии с фразеологизмами «клюкву жопой давить», «полянки топтать», «с елками бороться» и т. д.).

На волка блатары и сидельцы смотрят другими глазами, под иным ракурсом. «Волком» на жаргоне определяют опасного, серьезного человека. И относятся к нему с настороженным уважением: «Ууу, это – волчара...» Но многое, конечно, зависит от эпитета. Например, негативного: «волк позорный», «волчары позорные» – это «менты», представители органов правопорядка, которые борются с преступностью. В таком определении скрыто понимание опасности, силы врага и одновременно – его осуждение: ведь ты же волк, а опозорил свое высокое звание... С другой стороны, существует и «волк тряпочный» – ничтожный человечешко, который корчит из себя грозного уголовника.

Наконец, еще одна сентенция «запроволочного» мира: **«Волк и меченых берет»**. Смысл ее в том, что «настоящий разбойник» не признает официальных законов и моральных норм. Она заимствована уркаганами из русского фольклора и означает, что волк действительно хватается из стада любое животное, не глядя на метку, тавро, не разбираясь, кому конкретно оно принадлежит, не принимая во внимание то, что весь скот посчитан: *«Режет волк и меченую овцу», «Волк и из сче-ту овец крадет»* и т. д. Русское народное творчество, в свою очередь, заимствовало афоризм у Вергилия – *«Lupus non curat numerum ovium»* («волк не заботится о счете овец»). Есть, впрочем, у поговорки и другой смысл: от фортуны не спрячешься, ничто и никого не может спасти от ударов судьбы – ни удачливость, ни смелость, ни высокое положение, ни связи. И на тебя, такого крутого, найдется управа.

Короче, волк всегда воспринимался как существо, близкое бладарю по характеру, духу. Медведь же таковым не являлся.

От «Снегурочки» до «Поднятой целины»: фольклорные корни блатной поговорки

И все же не будем торопиться с выводами. А действительно ли в поговорке, которую мы пытаемся исследовать, изначально речь шла исключительно о волке? И следует ли сходу отместить версию о том же медведе? Может, и он тоже нет-нет да и набивался в товарищи каким-нибудь нехорошим людям?

Представьте себе, подобные сомнения небезосновательны. Заглянув на сайт пословиц и поговорок slovko.ru, в толковании пословиц по теме «Шапочное знакомство» мы сталкиваемся с двумя примерами, которые имеют прямое отношение к нашей теме:

«В горном Алтае говорят:

Зверь в лесу тебе друг [зверь – медведь].

На Кавказе говорят:

Шакал в горах тебе друг».

Вот оно как! Интересный поворот... С одной стороны, структура обоих выражений схожа со структурой блатной поговорки, где тоже указано не только то, кто твой товарищ, но и где он обитает. С другой стороны, нет ответа на главный вопрос: когда возникли выражения, зафиксированные на фольклорном сайте? Ведь они могли появиться значительно позже блатной формулировки, которая стала особенно популярной со второй половины 1950-х годов. Итак: является ли реплика о «друге в звериной шкуре» типичной для народного творчества разных этносов (хотя бы только русского) либо же она появилась исключительно в уголовно-арестантской среде как негативная реакция на «совдеповское» значение слова «товарищ»?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, использовались ли выражения о волке, медведе или любом другом звере (включая хомяка, суслика, бегемота и проч.), аналогичные по смыслу блатной поговорке, до совдеповской эпохи, а также вне преступного и лагерного мира.

И вот что выясняется. Журнал «Вестник Европы» № 9 за 1873 год напечатал пьесу-сказку Александра Островского «Снегурочка». «Весенняя сказка» появилась достаточно случайно. В 1873 году закрывается на капитальный ремонт московский Малый театр, а его труппа переезжает в здание Большого театра. По такому случаю чиновникам комиссии управления императорскими московскими театрами приходит в голову неожиданная идея: что, если в этой связи устроить масштабное

зрелище и занять в нем сразу все три группы: драматическую, оперную и балетную? Островский на тот момент был (и по сию пору остается) крупнейшим русским драматургом – к нему и обратились за текстом пьесы. Сюжет автор почерпнул из «Поэтических воззрений славян на природу» известного русского фольклориста Александра Афанасьева. Музыкальную часть поручили молодому Петру Чайковскому. «Снегурочку» завершили 31 марта, а первое представление сказки состоялось на сцене Большого 11 мая 1873 года. В 1881 году на текст пьесы свою оперу написал также Николай Андреевич Римский-Корсаков.

Как отмечают исследователи, во время работы над «Снегурочкой» Островский тщательно консультировался с историками, археологами, знатоками старинного быта, обращался к русской истории и фольклору. Александр Николаевич вообще был знатоком народного творчества и живой русской речи. Во время путешествий по старинным русским городам драматург вел наблюдения за жизнью крестьян, беседовал со знатоками быта, ямщиками. Он ввел в свою пьесу обрядовую поэзию и волшебную сказку, легенды и пословицы, плачи и заговоры, причитания и народные песни... Крестьянин Иван Соболев вспоминал о пребывании Островского в собственном имении, *«когда в тринадцатый день устраивались народные гулянья на ключе в Ярилиной долине... Островский приходил на гулянье со всем семейством, покупал гостинцев и оделял молодежь за их задушевные песни и веселые пляски, ласково разговаривал с народом, шутил, смеялся. Многие песни он просил повторять несколько раз и записывал их в тетрадку».*

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что в «Снегурочке» ярко выражен фольклорный, народный элемент. Для нас же особо любопытна речь царя Берендея во втором действии, когда возмущенный государь набрасывается на торгового гостя Мизгиря, который отверг любовь Купавы ради Снегурочки и тем опозорил несчастную девушку, к которой прежде сватался:

Гоните прочь его от каждой двери,

От каждого жилья, где свято чтутся

Обычаи честны?е старины!

В пустыню, в лес его гоните! Звери –

Товарищи тебе по сердцу; сердце

Звериное с зверями тешь, Мизгирь...

Не правда ли, узнаваемое выражение? Напомню: речь идет о 1873 году. Имеем ли мы дело с фольклорной поговоркой, которую Остров-

ский использовал в своей пьесе? Очень возможно. Я не зря подчеркивал, что драматург глубоко изучал творчество русского народа. Во многих названиях пьес Островского буквально воспроизводятся русские поговорки: «Свои люди – сочтемся», «Правда – хорошо, а счастье лучше», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется», «В чужом пиру похмелье» и т. д.

Но даже если предположить, что речь идет об оригинальном обороте самого драматурга, в дальнейшем присказка о «зверях-товарищах» могла быть заимствована фольклором, вошла в народную речь и несколько видоизменилась. Тут нет ничего удивительного, поскольку в контексте «народной сказки» берендеевское выражение воспринимается как вполне народное.

Все это замечательно, но пока мы по-прежнему не выходим за рамки предположений. Да, реплика «звери – товарищи тебе в лесу» открыто перекликается с блатной поговоркой. Но ведь это может быть и случайностью. Нужны и другие убедительные примеры подобного словупотребления вне уголовного контекста. Есть они?

Как говорят в Одессе, их есть у меня. Вернее, у певца Донской земли Михаила Шолохова. Вот эпизод из «Тихого Дона», ночь перед казнью Подтелкова и его товарищей:

«С вечера попросился один из красногвардейцев на двор:

– Отвори, товарищ! До ветру хочу, по нужде надо сходить!.. Отвори же, товарищ!

– Бирюк тебе товарищ, – отозвался наконец кто-то из караульных».

Или «Поднятая целина», сцена в райкоме, когда Макара Нагульнова исключают из партии:

«– Этим ведь не поможешь, товарищ! – Секретарь болезненно сморщился.

– Ты мне не товарищ! – закричал Нагульнов. – Ты – бирюк!»

Поясним для несведущих: бирюком в казачьих (и во многих других) русских говорах называют волка. Так, например, столицу донского казачества в мае 1805 года перенесли из Черкаска в Новочеркасск, который заложили в урочище Бирючий Кут («волчий угол»).

Первые три книги «Тихого Дона» создавались с 1925 по 1932 год, первый том «Поднятой целины» был опубликован в 1932 году, писался с 1930-го. Маловероятно, а точнее, вовсе невероятно, чтобы донской писатель Михаил Шолохов в это время находился под влиянием уголовного фольклора и именно оттуда заимствовал поговорку, слегка ее перелицевав. Во всяком случае, блатная поговорка к тому вре-

мени не была нигде зафиксирована, а вот выражение о «товарище звере» уже бытовало как минимум в «Снегурочке».

Очевидно, что к концу 1920-х – началу 1930-х годов присказка «зверь тебе товарищ», «волк тебе товарищ» довольно активно бытовала в просторечии. Логично предположить, что именно оттуда – как и значительная часть других фольклорных пословиц, поговорок, идиом – она перекочевала в уголовно-лагерное народное творчество.

Также напрашивается вполне естественная версия о том, что в первоначальном варианте поговорка подразумевала «зверя» вообще – как в «весенней сказке» Островского. И лишь со временем этого зверя стали персонифицировать более конкретно. Тут и возникло соперничество между волком и медведем, поскольку и того и другого в русском фольклоре избегали называть прямым именем, используя эвфемизм «зверь». Кстати, в случае с «бирюком» тоже прослеживается не только волчий, но и медвежий след: в Симбирской губернии, согласно Далю, «бирюком» называли как раз медведя. Глухой отголосок борьбы сохранился и в чисто лагерной поговорке **«Закон – тайга, прокурор – медведь»**. Вполне очевидно, что это – формула ответа тому, кто вызывает к соблюдению законов и возможности пожаловаться прокурору. Прокуроооору?! Медведь тебе прокурор! Косвенное подтверждение этого мы встречаем в «Соловецких записях» Дмитрия Лихачева 1928–1930 годов. Молодой лагерник вспоминает, как, принимая этап, представитель лагерной охраны из заключенных Белобородов (на самом деле – Белозеров, как уточняет позже сам автор) заявлял новичкам: «Здесь власть не советская, а соловецкая. Сюда нога прокурора не ступала». Так что «медвежья» поговорка является более поздним «творческим развитием» соловецкой.

Подводя итог сказанному, резюмируем: все указывает на то, что лагерный мир заимствовал поговорку о «товарище волке» из общерусского фольклора.

Чей волчара старше?

В начале очерка мы констатировали, что право считаться родиной «товарища волка» оспаривают между собой Брянск и Тамбов. Попытаемся теперь разобраться, кому из них принадлежит первенство. Знаменитая Википедия утверждает: «Сходное по конструкции и значению с “тамбовским волком”, выражение “брянский волк” все же признается большинством исследователей в качестве более старинной версии и прототипа “тамбовского волка”. Наиболее старый докумен-

тально запечатленный образец использования данной идиомы, относящийся к сталинским временам, приводит Жак Росси в книге «Справочник по ГУЛАГу»: «Волк в брянском лесу тебе товарищ, а не я!»»

Однако утверждение о старшинстве брянского волка не соответствует истине. На сегодняшний день мне не удалось найти **ни одного упоминания** «волчьей» поговорки в уголовно-лагерном мире, которое относилось бы к довоенным годам. Все арестантские воспоминания относятся **к послевоенному времени**. И самым ранним следует признать как раз упоминание тамбовского волка в фильме «Дело Румянцева» 1956 года. Лишь затем в 1957 году на страницах романа Дмитрия Петрова-Бирюка «Юг в огне» возникает образ волка брянского:

«– Товарищи! – сказал он, пытливо оглядывая примолкнувшую залу.

– Твои товарищи в Брянском лесу остались, – недовольно пробурчал лысый старик с передней парты».

Хотя действие романа происходит в годы Гражданской войны, это не дает нам оснований рассматривать эпизод как свидетельство существования в то время поговорки о брянском волке (в противоположность шолоховскому «товарищу бирюку», который фиксируется именно в конце 1920-х годов, а не тремя десятилетиями позднее). Можно лишь предположить, что брянский волк наряду с тамбовским «коллегой», к середине 1950-х годов уже довольно прочно закрепился в фольклоре.

Далее в 1959 году Иосиф Алешковский пишет «Товарища Сталина» – тоже с «брянским волком», а затем оба серых хищника идут, как говорится, ноздря в ноздю. Что касается Росси, его упоминание брянского волка – **одно из самых поздних**. Жак Росси отбывал наказание в сталинских лагерях с 1937 по 1956 год (с небольшим двухлетним перерывом), но знаменитый справочник он выпустил лишь в 1987 году. То, что там упомянут только волк из брянского леса, не является доказательством более раннего бытования этого выражения. При подготовке книги Росси использовал не только свои воспоминания, но и другие самые разные источники. Многое могло зависеть от того, что оказалось под рукой. Хотя в Норильске, где отбывал наказание Росси, действительно могла быть популярна именно поговорка о брянском волке.

Но вот узник ГУЛАГа 1940-х годов Валерий Фрид в «Записках лагерного придурка» пишет о тамбовском волке, а не о брянском:

«Привезли его ночью, и сразу в кабинет к следователям. Их там сидело трое. Один показал на портрет вождя и учителя, спросил:

– Кто это?

– Это товарищ Сталин.

– Тамбовский волк тебе товарищ. Рассказывай, чего против него замышлял?»

Впрочем, брянского волка вспоминает и один из персонажей комедии Александра Солженицына «Пир победителей»: «*Майков. Да что ты брянским волком? Узнаешь! Я – такой!*» О времени создания комедии написано: «1951, Экибастуз, на *общих* работах, устно». У меня нет оснований доверять этому указанию Солженицына. Оно пахнет дешевым пижонством, особенно выделение курсивом слова «общие». Ко многим сомнительным и противоречивым воспоминаниям «лагерного пророка» следует относиться с большой осторожностью. Но нам сейчас не особо интересно, работал Солженицын каменщиком и литейщиком или же, по воспоминаниям сокамерников, нормировщиком грелся в теплом помещении конторки. Не столь важно и то, упомянут Солженицыным брянский волк в 1951 году или гораздо позднее – при редактировании и переделке комедии. Прежде всего потому, что мы ни в малейшей степени не оспариваем факт бытования поговорки о брянском (равно как и о тамбовском) волке в послевоенный период.

Что же касается Солженицына, никакие критические выпады не могут перечеркнуть того факта, что в смысле эмпирическом, как очерки быта и истории ГУЛАГа, произведения Александра Исаевича представляют собой несомненную ценность, тем более их автор активно использовал не только свои воспоминания, но и мемуары множества сидельцев. И все же обращение к «Архипелагу ГУЛАГ» и другим работам Солженицына не поможет однозначно определить «первородство» брянского или тамбовского волка. Однако многое станет для нас более ясным.

Итак, в «Пире победителей» упоминается брянский волк, на страницах «Архипелага ГУЛАГ» (1973) мы встречаем реплику – «В Брянском лесу твои дети». Однако в том же «Архипелаге» нас ожидает и встреча с тамбовским волком: «*Председатель сельсовета с понятой-учительницей входит в избу, где лежат на полатах старик и старуха (старик тот прежде чайную держал, ну как не мироед? – никто ведь не хочет с дороги горячего чаю!), и трясет наганом: “слезай, тамбовский волк!” Старуха завyla, и председатель для пущей остротки выпалил в потолок...*»

Кстати, и брянский волк, и тамбовский помянуты Солженицыным **без привязки** к слову «товарищ». Если в случае с ответом на обращение «дети мои» аллюзия еще угадывается, то в «Пире победителей» речь идет просто о хмуром, недоверчивом человеке, а в эпизоде со стариком-«мироедом» тамбовский волк является общей негативной

характеристикой. Во втором томе «Архипелага» к тамбовскому и брянскому волкам добавляется еще один: «...*Конвоир, "таншаевский волк" прищурился и ждет, он не окликнет ээка – "поберегись!". Он ждет – и вот Соловьев, не замечая, переступил зону, продолжая пятиться вдоль ствола. Выстрел! Разрывная пуля, и разворочено легкое. Соловьев убит, а таншаевскому волку – 100 рублей премия. ("Таншаевские волки" – это близ Буреполома местные жители Таншаевского района, которые все поступали в вохру – во время войны, чтоб от дома ближе и на фронт не идти)*».

Оказывается, в лагерной жизни у «волка» могут появляться и другие «топонимические» определения! Именно так. Основная характеристика – сравнение человека с волком по определенному набору качеств. Это прежде всего агрессивность, замкнутость, злость, умение постоять за себя, ярко выраженный индивидуализм, недоверие к окружающим и ряд других сопутствующих черт. Они могут восприниматься и как положительные, и как отрицательные. А «топонимика» – штрих дополнительный.

Речь может идти о волке в чистом виде. Вот рассказ Солженицына в «Архипелаге...» об одном из ээков: «*Арнольд Раппопорт имел несчастье объявить голодовку в архангельской внутренней тюрьме... не совсем уж зря прошла голодовка: понял следовательно, что у Раппопорта достаточная воля и готовность к смерти, и следствие помягчело. "А ты, оказывается, волк!" – сказал ему следовательно. "Волк, – подтвердил Раппопорт, – и собакой для вас никогда не буду"*».

Бывают в лагере и «серые волки»: «*Не миновать теперь сказать и о Прохорове. Это был дородный мужик, тяжелоступный, тяжелого взгляда, приязни мало было в его лице, а улыбался он подумавши. Таких на Архипелаге зовут "волк серый". Не было в нем движения чем-то поступиться, добро кому-нибудь сделать. Но что мне сразу понравилось: Зиновьеву котелки, а Беляеву хлеб приносил он без угодливости, ложной улыбочки или хотя бы пустого слова, приносил как-то величественно, сурово, показывая, что служба службой, но и он не мальчик. Чтоб накормить свое большое рабочее тело, надо было ему много еды. За генеральскую баланду и кашу терпел он свое униженное положение, знал, что тут его презирают, круто не отвечал, но и на цырлах не бегал. Он всех нас, он всех нас как голеньких тут понимал, да не приходило время высказать. Мне в Прохорове ощутилось, что он на камне строен, на таких плечах многое в народе держится. Никому он не спешит улыбнуться, хмуро смотрит, но и в пятку никогда не укусит*». Здесь Солженицын переключается с Жаком Росси, который в

«Справочнике по ГУЛАГу» отмечает: «волк или серый волк – одиночка, не связанный никакой мастью, умеющий постоять за себя». Но следует иметь в виду, что справочник Росси вышел спустя почти полтора десятилетия после «Архипелага», и француз **наверняка, стопроцентно** использовал исследование Солженицына при подготовке своей книги.

Наконец, высшая положительная характеристика – «лагерный волк», как в повести «Один день Ивана Денисовича»:

«А Шухову крепко запомнились слова его первого бригадира Куземина – старый был лагерный волк, сидел к девятьсот сорок третьему году уже двенадцать лет и своему пополнению, привезенному с фронта, как-то на голой просеке у костра сказал:

– Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут».

Короче, волчья тема активно использовалась арестантами. Но **почему все-таки лагерный фольклор выбрал для своей поговорки именно Брянск и Тамбов?** Ведь должны же быть веские причины. Губерний да областей в России-матушке и конкретно в Совдепии было достаточно. А на слуху оказалось две...

Шумел сурово брянский куролес...

Ясно, что не последнюю роль сыграло засилье волчьей популяции. И Тамбовщина, и Брянщина долгое время были вотчинами серых хищников, где этот зверь прекрасно себя чувствовал и вел себя агрессивно по отношению к человеку. Старый охотник Василий Семенюк вспоминает:

«Сам я родом из лесных краев – деревни Гута-Корецкая Брянской области России, где жители засыпали под вой волков и просыпались под волчью песню... На Брянщине мы каждый день сталкивались с волками. В школу ходил во вторую смену по лесной дороге. Расстояние до села – километров десять. Возвращаешься домой, а волки предусмотрительно сидят на лесной дороге за сотню метров и поджидают тебя. Я останавливаюсь, они уходят дальше, и тогда я продолжаю путь к дому.

Охота на волка была тогда на Брянщине выгодным промыслом. За шкуры хищников в райцентре Клинцы платили хорошие деньги, но этот промысел был сопряжен с немалой опасностью... дед Яшка умел переговариваться с волками, это была своего рода народная брянская забава. Мы выходили ночью на опушку, взбирались на стожок с сеном, после чего дед доставал кувшин и заводил песню, завывая в сосуд точно как волк. Через небольшой промежуток времени, где-то далеко-далеко, слышим, отозвался один волк, затем второй, третий... В течение часа, смотришь, то тут, то там заблестели огоньки их глаз. У меня

по коже бежал мороз, но дед ружье умышленно не брал с собой. Только учуяв людей, волки уходили обратно в лес».

Речь идет о послевоенных годах. Впрочем, на сайте «Тамбовия» примерно то же самое рассказывается о тамбовских волках: *«В годы Великой Отечественной войны с мест, потревоженных боевыми действиями, на территорию Тамбовской области были вынуждены перекочевать множество волков. Старые люди рассказывают, что во время войны численность волков на Тамбовщине была просто огромной. Изголодавшиеся хищники полностью теряли страх перед человеком. Даже в светлое время суток волки не боялись подходить к самому жилью, нападать на собак, пробираться в хлева и загрызть скотину».*

Увы, все это нельзя признать убедительным аргументом. Подобная ситуация наблюдалась во многих регионах нашей страны: Тамбовщина и Брянщина не представляли собой чего-то выдающегося. В архивах Ростовской области, например, хранятся протоколы заседаний райисполкомов за 1943–1948 годы с повесткой дня «О борьбе с волками»: «В каждом колхозе создать бригады волчатников, установить премию за убитого волка – 7 килограммов мяса или ягненка». Выплата вознаграждений за добычу волков на всей территории Российской Федерации в послевоенное советское время была очень высока: 50 рублей – волчонок, 100 рублей – волк и 150 – волчица. Существовали династии профессиональных «волчатников», которые могли себе позволить заниматься исключительно охотой, это обеспечивало им безбедное существование. Борьба с волками объявлялась партийным делом, выделялись средства колхозов и совхозов, на облавы поднимались все селяне от мала до велика.

Значит, дело не в тревожной численности волков. Тогда в чем же?

Сторонники брянской версии все объясняют просто. У дореволюционных собирателей и знатоков русского фольклора (в том числе у Владимира Даля и Сергея Максимова) нет упоминаний о тамбовском и брянском волке. Зато в ранних летописных упоминаниях Брянска его название фиксируется в форме Дебрянск: от древнерусского *дѣбрь* – «горный склон, ущелье, долина, поросшие лесом; лес». Отсюда слово *дебри* – места, заросшие густым непроходимым лесом, глухая малодоступная местность. А в словаре Даля отмечено вологодское прилагательное *дебрский* – «из дებрей, неведомо отколе; шатун, бродяга». То есть волк первоначально звался «дебрянским», из гущи леса, а уж со временем, после переименования Дебрянска в Брянск, превратился в брянского.

Версия остроумная. Но не более того. Во-первых, дореволюционный русский фольклор не знает и дебрянского волка – да вообще никакого волка с «топонимическим» уточнением. Во-вторых, версия не дает ответа на вопрос, почему за столь огромный период времени не появилось ни одного «последователя» брянского волка – за исключением тамбовского.

Так что будем отталкиваться от вещей более очевидных. А именно: чтобы та или иная местность закрепилась в общерусском фольклоре, ей **необходимо** хоть как-то привлечь к себе общественное внимание. Например – погорел, как швед под Полтавой. Соловьи у нас курские, кружева вологодские, весь контрабандный товар делается в Одессе на Малой Арнаутской улице, тещу потчуют чернобыльскими яблочками...

Теперь задумаемся: чем таким был славен в России Брянск? Не в обиду его жителям – ничем особенным. У Владимира Даля, правда, встречаем ироническое определение «брянская коза». Полностью поговорка звучит так: *«Он (она) – как брянская коза: все вверх глядит».* Так говорят о лицемере, который выставляет напоказ свою набожность, либо о спесивой девице, задирающей нос, либо о человеке, действующем всегда с оглядкой на начальство. Как поясняют краеведы, город стоит на высоком берегу Десны, и брянские мещанки водили коз на выгон вниз, в огромные овраги. Вот почему брянская коза, запутавшись на привязи, задирала голову и смотрела вверх, не идет ли ее хозяйка.

Русский этнограф-фольклорист Иван Петрович Сахаров отмечал также, что брянцев называют «куралесами» (куролесами): *«В старину брянские поселяне считались странными людьми у наших стариков. Бывало, поедут ли на торг, а приедут или к кружалу (кабак), или на гумно...»* Лошадь привыкает сворачивать к кабаку или гумну, если ей часто приходилось там дожидаться хозяина. (Гумно считалось местом для тайных свиданий).

Вот, собственно, и вся брянская слава.

А теперь еще раз обратим внимание на то, что наиболее ранние упоминания брянского волка относятся к первым послевоенным годам. Причем в «Пире победителей» Солженицына поговорка вообще употреблена вне лагерного контекста: действие происходит 25 января 1945 года в Восточной Пруссии, в разведывательном артиллерийском дивизионе. Мне удалось отыскать также косвенное свидетельство о том, что выражение бытовало еще во время войны. Так, на сайте «Все об охоте» приводится рассказ фронтового разведчика Григория Шубина:

«Треугольник Оболь – Полоцк – Дрисса. Этот лесной район Белоруссии во время войны в тылу у немцев контролировали партизаны. Тут была Советская власть. Большой кусок земли – семнадцать административных районов были бельмом для немцев. Когда подошел фронт, фашисты решили разделаться с партизанами... Немцы двинули танки, самолеты и артиллерию. Я пошел к партизанам с секретным пакетом и понес им питание к радиостанции. И как раз угодил в самый “котел”... рация вышла из строя... На сорок третий день без карты, кружными путями, через болота вышли, наконец, к линии фронта. Благополучно миновали немецкую линию, миновали и свои окопы. Обнимаемся с солдатами. Оказывается, вышли мы на линию соседней с нами армии. К штабу идем – и вдруг команда:

- Сдать оружие! Раздеться до белья!
- Товарищи, мы же свои!
- Брянский волк тебе товарищ...

Командует молодой капитан, в разговоре упоминается слово “влазцы”».

Понятно, что ветеран вспоминает эпизод спустя полвека, мог что-то перепутать, домыслить, смешать реалии прошлого и настоящего. Но даже если это и неточность, то чрезвычайно характерная! Почему? Да потому, что именно во время и после войны Брянские леса прогремели на всю страну! С 1941 по 1943 год это был один из крупнейших районов партизанского движения. В здешних отрядах сражалось до 60 тысяч бойцов в составе 31 партизанского соединения. За два года брянские партизаны уничтожили свыше 100 тысяч солдат и офицеров противника, подорвали около тысячи эшелонов, сотни мостов и километров железнодорожного полотна.

Но и это не все. Подвиги партизан, естественно, были запечатлены и в фольклоре – прежде всего песенном, самом демократичном и популярном. Как это традиционно для такого рода народного творчества, прежде всего подобные песни возникали путем переработки уже существующих. Вот, скажем, песня «Отважные» – на мотив «Там, вдали, за рекой»:

Партизанский отряд из отважных ребят
Не боится фашистской машины,
На дороге в лесу он фашистскому псу
Приготовил смертельные мины.

Или «Прощай, товарищ» – на мотив «Коногона»:

Прощай, товарищ, храбрый воин –
Пусть пронесется злой буран.
Высокой чести ты достоин,
Отважный брянский партизан.

Существовала даже перелицовка известной довоенной лагерной колымской песни «Я живу близ Охотского моря» («Из колымского дальнего края / Шлю тебе, дорогая, привет»):

Из далекого Брянского леса
Шлю тебе партизанский привет.
Как живешь ты, моя дорогая?
Напиши поскорее ответ.

Я живу средь дремучего леса,
Где грохочут снаряды кругом,
Где дерутся бойцы – партизаны
С озверелым коварным врагом.

Однако партизанам хотелось не «самопальной», а «настоящей» песни. И осенью 1942 года в штаб Брянского фронта пришла необычная радиogramма бойцов, которые сражались в лесах: «Оружие у нас есть, в случае чего можно забрать у врага, а вот песню, как трофей, не возьмешь. Пришлите нам песню». Политуправление фронта поручило выполнить это задание поэту Анатолию Софронову и композитору Сигизмунду Кацу. За образец они взяли песню на стихи декабриста Кондратия Рылеева «Ревела буря, дождь шумел», а первую строку подсказала известная песня времен Отечественной войны 1812 года «Шумел, гудел пожар московский». Партизанская песня «Шумел сурово Брянский лес» прогремела на всю страну и в наше время даже стала гимном Брянской области:

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли на немцев партизаны.

Тропюю тайной меж берез
Спешили дебрями густыми,
И каждый за плечами нес
Винтовку с пулями литыми.

И грозной ночью на врагов
 На штаб фашистский налетели,
 И пули звонко меж стволов
 В дубравах брянских засвистели.

В лесах врагам спасенья нет:
 Летят советские гранаты,
 И командир кричит им вслед:
 «Громи захватчиков, ребята!»

Популярность «Брянского леса» была феноменальной! Эту песню пели по всей стране наряду с «Катюшей», «Землянкой», «Темной ночью», «Огоньком»... Брянский лес стал своеобразным символом (как сказали бы сейчас, «брендом»). Брянские партизаны и их подвиги пропагандировались ежедневно и ежечасно на протяжении всей послевоенной истории СССР.

И после этого скажите мне, что появление *в послевоенные годы* поговорки о волке *из Брянского леса* оказалось обычным «совпадением»? Лично я в такие совпадения не верю. Конечно, могут возражать: ну, знаете, это даже кощунственно – проводить параллель между партизанами Брянщины и заключенными лагерниками... Что между ними может быть общего? И я даже не буду ссылаться на то, что в партизанских отрядах сражалось немало уголовников. Я отвечу: в принципе ничего общего нет. Однако низовой фольклор нередко чрезвычайно циничен. Он существует без малейшей оглядки на идеологические взгляды и политические догмы. Иначе бы не появилась поговорка «Чем дальше в лес, тем толще партизаны». Не появились бы десятки анекдотов, в том числе о том, что в Брянске называют улицы в честь партизан, но таблички не вешают – для конспирации, чтоб своих не выдавать. И, наверное, мы бы до сих пор находились в неведении насчет товарища брянского волка...

Старец Симеон и молодцы Бенкендорфа

А теперь есть смысл поговорить о волке тамбовском. Тем более тамбовские обыватели в деле широкой пропаганды этого бренда проявили куда большую активность и изобретательность, нежели их брянские конкуренты. Правда, их попытки объяснить происхождение выражения «тамбовский волк» (как в связке с «товарищем», так и без оной) чаще всего выглядят смешно и нелепо.

Оказывается, до христианизации Тамбовского края местные язычники финно-угорских племен поклонялись идолу божества в виде волка. «Вполне вероятно, что данная традиция могла просуществовать вплоть до середины XIX века», – утверждает далее. Мол, этот языческий бог мог стать прототипом тамбовского волка. Но мы-то уже в курсе, что до прихода христианства волка обожествляли многие этносы, и на Руси ему поклонялись чуть ли не повсеместно.

Далее начинаются отсылы к борьбе с кочевниками. Тамбов действительно был основан в 1636 году как пограничный город для отпора набегам татар и ногайцев. Так вот, выясняется, что «лошади степняков боялись волчьего запаха». И тамбовские воины выходили на бой, набрасывая на себя невыделанные волчьи шкуры! Ну, во-первых, любая лошадь волчьего запаха боится, в том числе и тамбовская. Во-вторых, в конной лаве лошадям приюхиваться некогда, да и многое зависит от ветра. Короче, и эта версия просто высосана из пальца, поскольку никаких источников у нее нет.

Есть легенды еще более экзотические. Например, с легкой руки краеведа Юрия Щукина появилась история о старце Симеоне из Моршанского уезда Тамбовской губернии. Якобы он был здесь в начале XIX века, отшельничал и жил в лесу, окруженный стаей волков. Когда аскет приходил к людям за подаванием, волки терпеливо ждали его возвращения у края леса. По другой версии, старца сопровождал один волк. О кончине праведника узнали по необычному явлению – волчьему вою в лесу. Отсюда-де и поговорка «Тамбовский волк тебе товарищ».

Интересно, что монах Симеон с Моршанским краем и впрямь связан. Только предание относит его появление здесь к XVI веку и о волках вовсе не упоминает. Симеон боролся словом Божиим против языческого жреца Морша. Жрец монаха поколотил, но на следующий день помер в великих муках. О других моршанских Симеонах история умалчивает.

Сотрудники Тамбовского краеведческого музея распространили еще одну веселую легенду. Якобы во времена Петра I из тамбовских земель на многие российские рынки поставлялись великолепные волчьи шкуры (в некоторых вариантах даже уточняется – светло-палевого окраса). Несколько таких шкур закупили приезжие англичане. По возвращении на родину купцы представили эти шкуры королю. Тот был восхищен их качеством и распорядился закупить в России волчьи шкуры для снаряжения одного из полков своей личной гвардии. Купцы отправились в Москву, ходили по торговым рядам и спрашивали: «Тамбовский волк? Где тамбовский волк?» В качестве «подтверждения» этой байки ссылаются на то, что одна из шкур такого тамбовского волка

выставлена как экспонат в лондонском Музее королевской Конной гвардии. Совершенно неясно только, какое отношение шкуры и купцы имеют к известной поговорке...

Добавим сюда также «аграрную» версию тамбовского краеведа И. Овсянникова. По его мнению, термин «тамбовский волк» появился в конце XIX века и связан с отхожими промыслами тамбовских крестьян. После завершения полевых работ тысячи мужиков уезжали в другие города на заработки и брались за любую, даже низкооплачиваемую, работу, отбивая хлеб у местных жителей. Так в народе появилось язвительное утверждение: «Опять тамбовские волки по дворам рыщут, цену сбивают». Однако, во-первых, **вся крестьянская Россия** кормилась отхожими промыслами с осени по весну, в том числе и нищенскими. Так что тамбовцы этим никого бы не удивили. Во-вторых, «язвительное утверждение», на которое ссылается Овсянников, никому, кроме него, не известно и нигде не зафиксировано.

Все приведенные выше версии объединяет то, что они не подтверждены никакими фактами и документами, устной традицией и проч. – другими словами, попросту взяты с потолка. Подобные попытки можно определить термином «народная этимология» или «одна бабушка сказала». Принцип до боли простой: берется уже существующее выражение, а затем «исследователь» начинает гадать на кофейной гуще – откуда оно могло появиться? И сочиняет байки и небылицы – соответственно уровню своего интеллекта и разрозненных знаний: не, ну вот так же могло быть! А ты докажи, что не было! То есть бремя доказательства перекладывается на кого угодно, кроме себя.

Тамбовские обыватели и горе-краеведы в этом смысле оказались чрезвычайно активными. Количество версий постоянно множится, но по причине их нелепости и бездоказательности мы не будем продолжать перечень. Недавно, к примеру, довелось прочесть, что Тамбовская губерния поставляла солдат исключительно для егерских полков и границы, поскольку здесь находилась центральная усадьба владений шефа жандармов и главного начальника Третьего отделения Бенкендорфа – село Антоновка. Таких погранцов, мол, называли «тамбовскими волками». Кто называл, откуда информация – этого источник не сообщает. То есть принцип тот же: «отрыть» любопытный факт – и, ничтоже сумняшеся, объявить его «ключом к разгадке»!

Кроме того, в таких «пояснениях» чаще всего совершенно теряется смысл поговорки. А она все-таки имеет негативный подтекст. Да, мы много рассуждали об амбивалентном, то есть одновременно положительно-отрицательном отношении к волку на Руси, что давало воз-

можность гипотетически рассматривать его как «товарища». Однако же в конкретной поговорке его приятельство все же рассматривается как подходящее для человека с наклонностями разбойника, индивидуалиста, недостойного общества людей.

Но ради справедливости надобно отметить, что есть и версии, в которые такая характеристика вполне укладывается.

Одну из них мы встречаем на сайте «Сибирский кладоискатель» в очерке «Клады “тамбовских волков”». Пользователь Могол пишет:

«Тамбовский волк тебе товарищ!» Эта присказка, говорят, родилась из многочисленных, известных еще с XIV века, рассказов о тамбовских “вольных добрых молодцах”. Ведь Тамбовская губерния издавна слыла разбойным краем и сохраняла эту репутацию вплоть до начала XIX века, когда в соседних губерниях рассказы о разбойниках уже перешли в разряд легенд. А обширные леса, некогда покрывавшие весь север Тамбовщины, очевидно, и посейчас хранят множество разбойничьих кладов, составленных из награбленного в монастырях, помещичьих усадьбах и крестьянских дворах, купеческих обозах.

Никто не мог чувствовать себя в покое. Разбойным нападениям подвергались даже монастыри. Только в первой половине XVIII века в здешних местах были ограблены монастыри Борисоглебский на Стану, Чернеевский, Мамонтова пустынь, Адреевская пустынь, Старокадомская пустынь, Проломская пустынь, Дмитриевская пустынь, Спасо-Преображенская Городецкая пустынь, Ризополо-женская пустынь. Грабили их дочиста, вплоть до того, что выдирали слюдяные оконницы из окон.

Разбоем и пристанодержательством, случалось, промышляли целые села, и разбой становился как бы местным народным промыслом. В царствование императрицы Елизаветы... нападения и грабежи происходили среди белого дня. Летом 1765 года в Шацком уезде разбойник Рейтар Михайлов во главе шайки, вооруженной ружьями, рогатинами, бердышами и дрекольем, напал на село Лемендяевский Майдан и “бил крестьян до смерти”. Перепуганные жители разбежались по лесам. Тогда предводитель разбойников, оставив своих молодцов грабить село, уехал и вернулся на подмогу с новым отрядом аж в 500 человек, которые дочиста ограбили село и угнали всю скотину».

Местные власти ничего не могли противопоставить «лихим людям». Вот что отписали из Кадомской воеводской канцелярии в ответ на жалобу отставного майора Ефима Тарбеева, имение которого было разграблено и сожжено 24 августа 1749 года: *«Воровских людей имеется множество в Шацком и Кадомском уездах, а при Кадомской воеводской канцелярии хотя и имеется отставных солдат весьма малое*

число, и те стары и увечны и бывают для разсылок по интересным делам в уезде, а при воеводской канцелярии, как при денежной казне, так и при тюрьме, имеются с великою нуждою не более 5 человек, которыми от внезапного нападения помянутыми воровскими людьми в надежде остаться не можно».

В 1760 году в Большом Ценском лесу (на территории Тамбовского и Шацкого уездов) разбойничьи шайки парализовали движение на дорогах. Власти с трудом собрали отряд из местных воинских сил под началом капитана Буторина и двинули его против ценских разбойников. Отряд «по дряхлости и престарелости» гарнизонных солдат был полностью рассеян, а Буторин убит.

Даже в эпоху «золотого века» Екатерины II край кишел воровскими шайками, а воеводы сидели в городах, боясь выйти за заставу. Шацкая провинциальная канцелярия сообщала в Воронежскую губернскую канцелярию: «Между Тамбовом и Шацком появилось столь много разбойников, что и проезду иметь проезжающим не можно». Со всех сторон неслись просьбы о помощи, но у местных гарнизонов, составленных из престарелых и увечных солдат, нередко не было ни ружей, ни шпаг.

«Разбой несколько пошли на убыль после разгрома Пугачевщины, когда по здешним краям прокатилось несколько крупных карательных экспедиций, а гуляющие люди оттянулись в войско Пугачева, – пишет автор очерка. – Но и после этого местные жители спокойно не могли спать и ездить по дорогам. Даже в городах нельзя было чувствовать себя в безопасности. В 1790 году в городе Кадоме ночью разбойничья шайка, предводительствуемая купеческим сыном Швечиковым, напала на дом купца Алыстина. Вооруженные ружьями, рогатинами и кистенями, “добры молодцы” вырубили сенные двери, избили хозяина и домочадцев, ограбили дочиста дом, попутно “растлили” двух девиц и благополучно скрылись».

Согласитесь: это уже ближе к теме. Таких тамбовских разбойников и волками могли называть, и прочить в товарищи уголовникам или вообще недостойным гражданам. Но опять-таки есть немало возражений. Да, разбойников могли сравнивать с серыми хищниками. И наверняка сравнивали. Да, на Тамбовщине свирепствовали долгое время воровские шайки. Но вот вопрос: а намного ли лучше обстояло дело в других лесных губерниях, волостях, уездах? Например, в правление Анны Иоанновны специально вырубались леса по обе стороны дороги из Петербурга в Москву – чтобы можно было вовремя заметить грабителей и организовать отпор!

Далее. Даже в подробном рассказе о тамбовских лихих людешках нигде не звучит по отношению к ним слово «волк» (разве что однажды, и то со стороны самого автора очерка). Между тем в других регионах мы такие характеристики находим – прямые и безоговорочные. Например, Павел Мельников-Печерский на страницах романа «В лесах» сообщает о нравах Нижегородской губернии: *«За Волгой нет особых пастбищ и выгонов. Скот все лето по лесу пасется... А коров да овец иной раз из лесу воровы прежде уводили. Таких воров “волками” народ прозвал. Эти волки с руками накроют, бывало, в лесу коровенку либо овцу, тут же зарежут да на воз и на базар. Шкуру соймут, особо ее продадут, а мясо задешево промышленникам сбудут, тем, что солонину на бурлаков готовят. Промысел этот не в пример безопасней, чем хождение по чужим клетям да амбарам. Редко “волка” выслеживали. Но если такого вора на деле застанут, тут же ему мужики расправу чинят самосудом, по старине. Выпорют сначала розгами, сколько лозанов влезет, снимут с зарезанной скотины шкуру, от крови не омытую, надевают на вора и в таком наряде водят его из деревни в деревню со звоном в сковороды и заслоны, с криком, гиканьем, бранью и побоями. Делается это в праздничные дни, и за вором, которому со времени этой прогулки дается прозвание “волка”, собирается толпа человек во сто. После того человек тот навек опозорен. Какую хочешь праведную жизнь веди, все его волком зовут, и ни один порядочный мужик во двор его не пустит».*

Вот оно как! Думается, таких прозвищ немало можно сыскать и в других краях. Но разве слышали мы что-либо о «нижегородском волке»? Нет. Впрочем, и о тамбовском ничего не слыхивали – во всяком случае, в досоветские времена. Нигде и никогда! И это – один из главных аргументов, сводящий на нет все приведенные выше версии – в том числе и разбойничью.

Мятежные «санитары леса»

Но наиболее близка к истине версия, которая связывает тамбовского волка с так называемым «антоновским мятежом» – фактически крестьянской войной, политическим вооруженным выступлением сельского населения Тамбовщины против большевиков. Поводом для восстания стала политика чудовищной продрозверстки, когда у крестьян изымались зерно, скот, а часто и другое нажитое добро, что обрекало население на голодную смерть.

Мы не будем углубляться в подробности восстания, но несколько слов о нем сказать необходимо. Прежде всего оно датируется 1920–

1921 годами. Однако на самом деле выступления против власти Советов и подрыва власти начались ранее. Во всяком случае, в 1920 году в докладе комиссии штаба войск ВНУС (ВНУтренняя Служба, войска внутренней охраны Советской России) сообщалось: *«Начало антоновского, как оно ранее именовалось, "бандитского", движения относится еще к прошлому году. В первой половине 1920 г. оно не носило широкого характера, а было специфически бандитским и уже затем было использовано правыми и левыми эсерами»*. В том же докладе сообщалось, что еще к августу 1920 года *«банда Антонова появилась впервые у местечка Афанасьевка и едва достигала численно до 60 человек. Неумелые, жестокие приемы губчека при подавлении... нетактичные меры по отношению к колеблющемуся крестьянству всколыхнули массу и дали противоположные отрицательные результаты: банда не была окончательно ликвидирована, рассеялась и затем постепенно разрасталась, достигла очень внушительных размеров, с каждым днем распространяясь по губернии»*.

Многие нынешние исследователи считают, что называть восстание «антоновским» неверно. Главой мятежа был Петр Токмаков – командующий Объединенной повстанческой армией и председатель Союза трудового крестьянства (СТК). Что касается Александра Антонова, он до конца мятежа занимал пост начальника штаба 2-й партизанской повстанческой армии и не возглавлял мятежа. Для нас, однако, важно, что чекисты и красные военные с самого начала восстания напрямую связывали его с Антоновым – возможно, потому, что им первоначально пришлось столкнуться с его бандой. И охотились они за Антоновым целенаправленно. Так что и мы не будем нарушать традиции.

Александр Степанович Антонов, как справедливо отмечали чекисты, действительно с 1906 года состоял в «Тамбовской группе независимых социалистов-революционеров» при Тамбовском губкоме эсеровской партии, занимаясь «эксами» – вооруженными грабежами для нужд партии. За убийство городского и ограбление железнодорожной кассы в 1909 году приговорен к смертной казни, замененной бессрочной ссылкой. После февральской революции 1917 года примкнул к левым эсерам, с апреля поступил на работу в Тамбовскую городскую милицию, в ноябре становится начальником Кирсановской уездной милиции. С февраля 1918 года Антонов – член Кирсановского уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Покидает свой пост в июле из-за несогласия с антикрестьянской политикой большевиков. Организует свой партизанский отряд, начинает активную борьбу против советской власти. В августе 1920 года

поднимают восстание крестьяне Каменской волости Тамбовского уезда, и Антонов по их просьбе становится во главе вооруженного выступления. Руководство восстания выдвигает широкий спектр либерально-демократических лозунгов: политическое равенство всех граждан без разделения на классы, созыв Учредительного собрания, свобода слова, совести, печати, восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами, допуск в Россию иностранного капитала, самоопределение народностей и т. д. Но по большому счету действия повстанцев сводились к широкой борьбе против большевиков и физическому устранению политических оппонентов.

Против мятежников после окончания польской кампании и разгрома Врангеля были брошены крупные военные соединения, которыми командовали Тухачевский, Котовский, Уборевич. Но окончательной победы над «антоновцами» удалось добиться лишь после того, как подрывная работа была отменена, и началась новая экономическая политика в марте 1921 года. Самого Антонова вместе с братом Дмитрием 24 июня 1922 года в результате чекистской облавы в селе Нижний Шибряй застрелили.

Антоновское восстание прогремело на всю страну. Как утверждает ряд литературоведов, Сергей Есенин свою поэму «Пугачев» (март – август 1921-го) посвятил именно антоновскому мятежу. На обложке стояло – «Пугачов», чтобы сблизить фамилии двух предводителей крестьянских бунтов. В монологе казака Буранова появляется необычное сравнение с луной, которую «как керосиновую лампу в час вечерний зажигает фонарщик из города Тамбова...». Керосиновых ламп во времена Пугачева не было, да и фонарщики появились значительно позже в крупных губернских городах. В поэме пугачевский мятеж подавляется не из Петербурга, где царствовала императрица Екатерина II, а из Москвы, в которой располагалось правительство большевиков... Поэт-имажинист Вольф Эрлих в воспоминаниях о Есенине утверждал, что Сергей Александрович любил исполнять песню тамбовских повстанцев (надо думать, она была достаточно широко известна в то время). То же можно сказать о поэте Николае Клюеве.

В общем, есть большой соблазн ассоциировать с тамбовскими волками именно участников антоновского мятежа. Что и делают многие исследователи. Правда, довольно топорно. Так, Википедия, повторяя тучу уже перечисленных нами нелепых версий, далее утверждает: *«Более позднее упоминание связано с Тамбовским восстанием 1920–1921 годов. Противоборствующие силы – зеленые повстанцы и крас-*

ноармейцы – имели много общего в организации и идеологии, вплоть до обращения “товарищ”. Допрашиваемые антоновцы при обращении к сотрудникам правоохранительных органов получали отпор “Тамбовский волк тебе товарищ”, ставший крылатым выражением». Закроем глаза на нелепое употребление термина «зеленые», под который тамбовские повстанцы не попадают ни при каких условиях. Заметим лишь, что имеем дело опять-таки с неподтвержденными домыслами. Сочинительство по принципу «А ваще-та так могло быть!».

При этом направление рассуждений в принципе верное. Ваще-та что-то подобное могло быть. Только не стоит ради подтверждения своих догадок сочинять исторические анекдоты. Один из них, размноженный десятками интернет-сайтов, звучит так: «Они не щадят себя в бою, а также своих жен и детей, бросаясь на пулеметы, как волки», – докладывал Тухачевский в ЦК. Именно тогда появилась поговорка “тамбовский волк”. Как ни печально, эту байку повторил в одном из выступлений даже министр культуры Владимир Мединский. На самом деле вы не найдете источника, из которого почерпнута эта цитата. Впрочем, нет; она встречается у Бориса Сенникова в книге «Тамбовская Вандея». Правда, краевед пишет о том, что так говорили «повергнутые в изумление» красные, не персонифицируя автора высказывания. К тому же у Сенникова – «смело бросаясь на пулеметы». Эпитет «смело» в устах Тухачевского звучал бы неуместно, и потому последующие «разносчики» его убрали. Откуда взял цитату сам Сенников? Судя по всему, с потолка. Он вообще измыслил целую кипу «подлинных документов» о применении химического оружия красными частями. Специалисты разоблачили фальсификатора, но «документы» уже пошли бродить по Интернету. Автор наворотил еще много благоглупостей, о которых у нас будет повод поговорить.

Знакомьтесь: тамбовский волк собственной персоной!

Но «волк» все-таки был! Да еще какой...

Я имею в виду даже не отрывок из воспоминаний чекиста Михаила Покалюхина, который участвовал в облаве на Антонова, когда знаменитый повстанец погиб. Хотя именно Покалюхин признавал: «Антонов – старый волк, снискавший себе славу “неуловимого”». Казалось бы, вот вам тот самый «тамбовский волк». И все же одиночного упоминания явно недостаточно. Разумеется, эта цитата свидетельствует о том, что чекисты сравнивали своих врагов с волками и, надо думать, делали это очень охотно. Но все же – хотелось бы более явных аргументов.

И они есть. Сначала я наткнулся на них в воспоминаниях другого чекиста, который принимал участие в подавлении тамбовского мятежа – Дмитрия Михайловича Смирнова. Оказалось, «тамбовский волк» – даже не обобщенная характеристика. Этот диковинный и опасный зверь имеет конкретное имя, отчество, фамилию и боевую биографию. Это вовсе не Александр Антонов. Вот что пишет в «Записках чекиста» Смирнов:

«За сравнительно небольшое время частям Красной Армии сдалось в общей сложности более двенадцати тысяч антоновцев. Остальные, в большинстве своем кулаки, уголовники и закоренелые бандиты, продолжали метаться в лесах, где их по частям добивали красноармейцы.

Был в числе этих закоренелых и командир “волчьего” карательного отряда Петр Сторожев, у которого за все им содеянное не оставалось ни малейшей надежды на помилование... Хитрый, изворотливый, он по-волчьи умело замел свои следы. Недаром в народе его прозвали “Волком”, а свою бандитскую шайку, которая состояла из отборных негодяев, он сам окрестил “волчьим” полком. Крупный кулак, Сторожев еще при Керенском сумел пробраться на должность волостного комиссара и даже добился избрания в Учредительное собрание. Все эти посты усиливали его личную власть и влияние среди богатеев-кулаков Тамбовщины... Чтобы вернуть прежние порядки, Сторожев был готов пойти на союз с любыми врагами Страны Советов. Подвернулся авантюрист и властолюбец Антонов – Сторожев с радостью стал ближайшим и верным его помощником.

...Сторожев стал комиссаром внутренней охраны антоновского штаба и единовластным командиром всех карательных отрядов, наделенных «правами» военно-полевых судов. Вот когда Волк получил неограниченные возможности сводить счеты с ненавистной ему беднотой и особенно с коммунистами! Каратели грабили совхозы, склады и магазины, разрушали и сжигали сельские Советы, школы, дома неугодных им крестьян, без суда и следствия расстреливали и вешали всех, кто хотя бы намеком выражал недовольство или осуждение кровавого кулацко-эсеровского разгула... Много кровавых дел было на совести антоновского Волка. И вот теперь он, казалось, не без успеха сумел замести свои следы.

Далее старый чекист сообщает, что на след Сторожева удалось выйти только через несколько лет, в августе 1925 года. Оказалось, Волк скрывался у своей близкой знакомой Насти, которая обитала в сторожке при городской церкви Борисоглебска. Дальше следует красочное описание ночного ареста спящего бандита, подробная картина его последующего допроса лично Смирновым. Чекист рисует отталкивающий образ «антоновца»:

«Весь его облик стал другим. Он очень похудел, стал длинным, сутулым и каким-то неуклюжим. Очень поредели его волосы. Когда-то надменное лицо стало морщинистым и изможденным. Черные глаза, в прошлом с дерзким взглядом, казались теперь усталыми, выцветшими. Единственное, что в них еще оставалось – ненависть к людям, над которыми он когда-то властвовал и которые потом отвернулись от него. Обращала на себя внимание походка. Она была тяжелой, как у человека после длинной дороги.

Вскоре под усиленным конвоем мы отправили Волка в Тамбов, в губернский отдел ОГПУ. Это был его последний путь».

Итак, в рядах тамбовских повстанцев существовал «волчий» отряд, который получил название по прозвищу своего командира Петра Сторожева. Допустим. Но давайте рассуждать здраво. Антоновский мятеж действительно прогремел на всю страну, имя Антонова было известно всей России. Понятно, что Антонова и «антоновщину» власть вынуждена была упоминать в качестве пугала – помимо своего желания. Но с какой радости ей пропагандировать одного из приспешников мятежника – «Волка»? Выходит вроде бы, что логичнее связать «тамбовского волка» с Александром Антоновым, нежели с Петром Сторожевым.

И вот тут в нашем исследовании появляется имя Николая Вирты. Нынче этот писатель не пользуется популярностью. Википедия дает ему разгромную характеристику: *«Твердо держался партийной линии: разоблачал троцкистскую оппозицию, боролся с «безродным космополитизмом», пропагандировал “культ личности”»*. Между тем Николай Евгеньевич Карельский, он же Вирта, популярностью своей в 30-е годы мог поспорить с Михаилом Шолоховым. Славу ему принес роман «Одиночество», в 1941 году удостоенный Сталинской премии. В главном герое романа многие даже находили определенное сходство с Григорием Мелеховым. А имя героя вам подсказать? Петр Иванович Сторожев! Да, тема «Одиночества» – антоновский мятеж и его разгром. Причем Вирта умудрился создать такое драматическое полотно, что недремлющие советские «органы» сходу повесили на автора клеймо «антоновца» и бросились «шить дело»! Сохранилось множество архивных документов, из которых видно, как тщательно собирали компромат на писателя.

Да и то сказать: происхождение Вирты вполне соответствовало образу закоренелого врага советской власти и идеолога тамбовских мятежников. Происходил он из семьи священника, мало того: отец его, Евгений Карельский, во время крестьянского восстания был заподозрен в связях с повстанцами, взят в заложники и расстрелян! Николай

в это время находился в Тамбове. После гибели батюшки семью Карельских преследовали лазовские комсомольцы. Вернувшийся Николай, чтобы поддержать трех сестер и мать, работал сначала пастухом, а потом писарем в сельсовете села Большая Лазовка. И что же он после этого – не бандит?

Писателя спасло то, что роман «Одиночество» понравился Сталину. Ситуация для того времени достаточно типичная. То же происходило с Шолоховым и «Тихим Доном», с Твардовским и «Страной Муравией»; сюда же можно отнести Михаила Булгакова с «Днями Турбиных». Как ни странно покажется, Великий Вождь поддержал немало талантливых людей. В общем, Вирте повезло. Его «антоновский» роман напечатал в 1935 году журнал «Знамя», в 1937-м в МХАТе по мотивам «Одиночества» была поставлена пьеса «Земля», в 1939-м году Тихон Хренников скроил из романа оперу «В бурю». За пять лет исторический роман Николая Вирты выдержал... 12 изданий!

Теперь вам понятно, **насколько популярным перед войной становится имя и образ Петра Сторожева?! Именно этот персонаж, а не Антонов, занимал в «Одиночестве» центральное место.** Причем последняя из трех частей так и называлась – «Волк». Но кличка эта проходит красной нитью через все произведение. Тон задает на первых же страницах сам Антонов, в дружеской беседе называя Сторожева «волком»: «...Антонов отошел от него, оглядел с ног до головы и с добродушным смехом заметил:

– А ты, брат Сторожев, богатырем стал. Знал тебя поджарым парнем, волчонком эдаким, а теперь, поди-ка, сколько важности!..

– Волчонок в волка вырос, – как бы нарочно наступая на самую большую мозоль Сторожева, с хохотком вставил Булатов.

С тех пор как Петр Иванович вышел в люди, его стали называть не волчонком, а волком; Сторожев всякий раз рычал, когда слышал за спиной прозвище, крепко-накрепко приставшее к нему».

В конце романа Петр встречается со своим братом – коммунистом Сергеем Сторожевым. После их разговора Петр понимает, что за свои преступления пощады ему не будет. Он удаляется, а брат смотрит ему вслед и произносит:

– Ишь ты, пришел все-таки, Волк...

Лариса Полякова в очерке о Николае Вирте справедливо замечает по поводу Петра Сторожева: *«Пожалуй, именно с этим героем более всего связано название произведения – “Одиночество”, которое вместе с кличкой “Волк” создает впечатляющий образ затравленного и растерявшегося существа, попавшего в бескомпромиссную ловушку*

жизни. Ни семья, ни брат, ни обстоятельства, ни пережитое не способны искоренить чувство одиночества, и на последней странице романа, убив Лешку (последнее и жесточайшее убийство), Петр Сторожев с документами Лешки и в его шинели «исчезает в ночном мраке». Оставшаяся жизнь для него – «ночной мрак».

И вот тут самое время поговорить о судьбе не романного, а реального Петра Ивановича Сторожева. Как мы помним, храбрый чекист Дмитрий Смирнов заявил, что задержал Сторожева летом 1925 года в Борисоглебске. А затем Волка отправили «в последний путь». Все это не соответствует действительности. На самом деле Сторожева действительно арестовали в Борисоглебске, но пятью годами позднее, в 1930 году. Он жил здесь на нелегальном положении, но при этом вместе с еще пятью бывшими «антоновцами» активно занимался борьбой против колхозного движения, выступал среди крестьян против проведения коллективизации, призывал их бить коммунистов. Самое любопытное то, что за все это Сторожева приговорили всего-навсего... к пяти годам исправительно-трудовых лагерей! И это учитывая все его «подвиги» во время тамбовского мятежа, о чем особо упомянуто в обвинительном заключении:

«В 1920 г. во время гражданской войны и свирепствования антисоветской банды гр-н с. Грязнухи Сампурского района, бывшего Тамбовского округа Сторожев Петр Иванович являлся организатором бандитского отряда, затем был командиром 5-го П.Кустовского бандитского полка и впоследствии был начальником бандотряда, который оперировал на территории Токаревского и др. районов бывшего Борисоглебского уезда ЦЧО... За время своего пребывания в банде производили террор и насилие над крестьянством, произвели ряд расстрелов пленных красноармейцев, партийных и советских работников. После ликвидации бандитизма Петр Иванович Сторожев скрылся, проживал в гг. Борисоглебске и Тамбове... Сторожев под силой оружия, угрожая расстрелом, заставлял идти в банду на фронт против Красной Армии. Сторожевым был убит в с. Грязнухи коммунист – Евсеенко Семен Борисович, зарублен собственноручно пленный красноармеец, причем, когда он его рубил, снял с себя шапку, перекрестился и отрубил голову. Им же на кладбище был зарублен гр-н Волков, завезенный из с. Красивки Токаревского района. Он избивал ряд лиц, не желающих идти в его банду. Кроме того, по распоряжению Сторожева в Потемкиной Лощине расстреляно 40 человек красноармейцев».

При этом две статьи, которые были вменены Сторожеву – 58⁸ и 59³ (совершение террористических актов и бандитизм) предусматривали в качестве наказания высшую меру социальной защиты – расстрел.

Кто скажет, что злейший враг советской власти, чьи руки были по локоть в крови, понес страшное и суровое наказание, пусть первый бросит в меня камень.

Конечно, Смирнов мог за дряхлостью лет перепутать даты. Но бросается в глаза также то, что и характеристику антоновского восстания, и биографию Антонова, а также Сторожева старый чекист буквально списал из романа «Одиночество». И то сказать: сталинский лауреат врать не будет, а вот память может и подвести...

«Волк» Сторожев отсидел свои положенные пять лет и вышел на свободу. Здесь в 1937 году с ним встретился Николай Вирта. Позднее писатель сделал запись в дневнике: «Он (Сторожев) читал роман "Одиночество". "Написано все правильно", - важно сказал он. Говорили мы со Сторожевым долго. Он старался казаться откровенным, но мы видели, как много Сторожев таит в себе». Сам Сторожев подтвердил факт встречи с Виртой на допросе, который вел 11 августа 1937 года младший лейтенант госбезопасности Матвеев: «Я знаю, что Николай Вирта происходит из с. Лозовка, Токаревского района, его отец священник, расстрелян красными за контрреволюционную деятельность. С Николаем Вирта впервые встретился в первых числах июля месяца 1937 г. в селе Сампур, куда он приезжал. При встрече с Вирта он дал мне 100 рублей для оплаты штрафа за утерянный паспорт».

Через месяц после этой встречи Петр Сторожев снова был арестован за антисоветскую агитацию и создание контрреволюционной повстанческой организации. Существовала такая организация на деле или же бывшего «антоновца» подгрести для ровного счета во время широкомасштабной кампании по разоблачению «врагов народа», которая развернулась в 1937–1938 годах, сейчас сказать трудно. Вполне возможно, Сторожев так и оставался врагом новой власти. Однако в протоколе допроса одного из свидетелей, некоего А.И. Вихляева, встречаются чудовищные несоразности. Свидетель, в частности, заявил: «В июне 1937 г. во время проработки приговора Верховного суда над бандитами шпионами Тухачевским, Уборевичем и другими Сторожев по окончании собрания, когда мы с ним шли домой, в частной беседе сказал: "Да, хотя сейчас и расстреляли Тухачевского и других, но это все хуже для нас, крестьян, потому что они хотели установить жизнь, какая была раньше, но это коммунистам не нравится и правительству, вот и давай расстреливать честных людей..."» Чтобы участник тамбовского восстания заступился за Тухачевского и Уборевича, жестоко подавлявших мятеж, да еще назвал их «честными людьми» – это уже суровый перебор...

Как бы то ни было, а Сторожева на этот раз все же поставили к стенке и успешно «расшлепали». Увы, приходится признать, что роман «Одиночество» сыграл в этом не последнюю роль. Во всяком случае, на него как на документ ссылаются многие из тех, кто был причастен к делу «Волка». Упомянутый уже Вихляев сообщал: «В 1919 г. Сторожев был организатором банды Антонова, ныне проходящего по книге-роману "Одиночество"». Имя Николая Вирты возникает в показаниях свидетеля Федора Четырина и в допросах самого Сторожева (от него даже требовали назвать фамилию «Леньки», которого «Волк» убивает в финале романа; фамилию Сторожев не вспомнил, но самого убийства не отрицал).

В этой связи нельзя умолчать об «исследовании» Бориса Сенникова, который позиционирует себя как большой знаток тамбовского мятежа и нередко обличает своих оппонентов, которые не подвергают документы «научному анализу». Что такое «научный анализ», автор демонстрирует в одной из своих статей о тамбовском восстании. Он пишет следующее:

«Для примера хочу привести историю одного из документов, связанного с романом "Одиночество" тамбовского писателя Н.Е. Вирты... В этом романе Н.Е. Вирта повествует о крестьянском восстании в Тамбовской губернии. Роман основан на фальшивке, состряпанной органами НКВД в 1937 году. Однако на основании этой фальшивки был расстрелян человек, которому в вину ставили то, в чем он абсолютно не был повинен. Этот человек, Петр Иванович Сторожев (бывший член РКП(б) и председатель ревкома), был родом из села Грязнухи Сампурского района Тамбовской губернии. В романе "Одиночество" один из персонажей носит такое имя, хотя к этому человеку не имеет никакого отношения – это литературный псевдоним. Под этим псевдонимом у Вирты в действительности выведен Петр Иванович Сажин, его сосед по селу Большая Лазовка (в романе село Дворики)...

Петра Ивановича Сажина не расстреляли, а дали 25 лет лагерей и отправили на Колыму добывать золото, откуда он был освобожден по амнистии 1957 года... А в 1937 году вместо него был расстрелян органами НКВД Петр Иванович Сторожев, который носил свою фамилию, и она вовсе не была литературным псевдонимом героя романа "Одиночество" Н.Е. Вирты.

Обвинение ему было предъявлено как литературному герою романа, хотя он к нему не имел никакого отношения. Настоящий Сторожев Петр Иванович был... коммунистом и председателем ревкома во время подавления крестьянского восстания. Он также в то время убивал и расстреливал повстанцев. Однако в 1927 году его как троцкиста ис-

ключили из партии и отправили в лагеря на 5 лет. А после того как он отбыл наказание, в 1937 году, НКВД предъявило ему обвинения, что он был участником крестьянского восстания, командовал полком партизан и был членом Союза трудового крестьянства. Все это было в романе с человеком, носившим там фамилию П.И. Сторожева, но в жизни это был П.И. Сажин. Так настоящего Петра Ивановича расстреляли вместо литературного. Так что расстрелян был коммунист, а не участник восстания. Того, кого хотели расстрелять, – Бог миловал».

Весь этот бред сложно даже комментировать. Стыдно, когда человек, претендующий на звание «историка», не утруждает себя даже проверкой элементарных фактов, хотя документы по делу Сторожева, как мы убедились, давно опубликованы. Для начала заметим, что заявление Сенникова о каком-то «литературном псевдониме» (оставим в стороне безграмотность такого определения) не выдерживает критики. В романе нет ни одного выдуманного действующего лица, писал Вирта литературоведу Ефиму Добину: «*Более того, все они названы своим именем, отчеством и фамилией...*» Свидетель по делу Сторожева Федор Четырин тоже называет целый ряд персонажей романа – реальных людей: Федор Ивин, Никита Ивин, Калистрат Бетин, Алексей Бетин... Кстати, сам Четырин был председателем пятерки, приговорившей к расстрелу священника Евгения Карельского – отца Николая Вирты.

Из подлинных документов видно, что Петра Сторожева осудили не за троцкизм, а за бандитизм и борьбу против колхозного движения, и не в 1927 году, а в 1931-м. Остается прояснить информацию о большевистском прошлом Сторожева. Снова обратимся к показаниям Четырина: «*Сторожева Петра Ивановича знаю по совместной работе с мая 1917 г. по ноябрь 1918 г. в Больше-Лозовском волостном комитете Тамбовского уезда и губернии. С начала 1917 г. при волкоме с. Б.Лозовка создавалась группа большевиков и оформилась она 15 августа 1918 г. В состав этой большевистской группы входили: Я, Жерняков Николай Максимович, в настоящее время директор Мучкапской МТС, односельчанин Сторожев П.И., Сажин Сергей Иванович, проживает по ул. Трудовая, дом 13 в г. Тамбове, его брат эмигрировал за границу как отъявленный антоновец. По роману Н. Вирты он проходит как крупный кулак, отъявленный бандит и ряд других лиц. В тот период Сторожев П.И. примыкал к нашей группе большевиков и принимал участие в ее работе, но подчеркивал, что он сочувствует эсерам.*

Затем Четырин дополняет: «*С августа месяца 1920 г. и по май месяц 1921 г. я совместно с коммунистическим отрядом по всей Тамбовской губернии вел борьбу с антоновскими бандами и, находясь ныне в Сам-*

пурском и Токаревском районах, я узнал, что Сторожев вступил в банду к Антонову и ведет активную борьбу с Советской властью, что Сторожев Петр Иванович беспощадно уничтожал коммунистов, красноармейцев и семьи советских работников. Кого персонально он убил, я назвать сейчас затрудняюсь, ибо не могу вспомнить, но знаю, что в конце 1920 г. в с. Грязнуха были зарублены ленинградский рабочий Шимановский и Рыкунов Михаил, сельский активист». Далее свидетель сообщил, что принимал участие в бою против частей Антонова и Сторожева.

О своем большевистском прошлом вспоминает на допросах и сам Сторожев – при этом, однако, не отрицая, что активно участвовал в мятеже: «Причиной к вступлению меня в банду Антонова послужило то обстоятельство, что я, будучи кандидатом РКП(б) и членом Лозовского волысполкома, а затем председателем Грязнухинского сельсовета, был не согласен с политикой в проведении продразверстки, я считал, что она сильно бьет по имущей части крестьян села, т.к. у них забирали все запасы хлеба, а это грозило голодом в деревне и вызывало у них злобу и ненависть к Советской власти. С такой политикой я был в корне не согласен и считал, что коммунисты разоряют крестьян, они варвары». Да и смешно отрицать сведения, хорошо известные обеим сторонам, которые противоборствовали во время тамбовского восстания.

Однако «краевед» Сенников вместо того, чтобы изучать подлинные документы, предпочитает сочинять маловразумительные байки о том, как «тамбовский волк» громил антоновских бандитов...

Все от Державина до Маяковского –
Дружно восславьте волка тамбовского!

Но мы, однако, несколько отвлеклись от магистральной темы. Пора бы кратко, но четко и вразумительно сформулировать те выводы, к которым мы пришли в результате долгих разысканий и размышлений о тамбовско-брянской волчьей поговорке.

1. Несмотря на то что поговорка имеет отчетливо негативный оттенок (говорящий отказывает собеседнику в дружбе и фактически исключает его из рядов людского общества, отсылая к волчьему), образ волка в ней амбивалентен, то есть подразумевается, что серый хищник может быть человеку товарищем.

2. Такое отношение к волку стало возможным во многом благодаря особому менталитету русского человека, который воспринимал этого зверя одновременно и с опаской, и с уважением.

3. Истоки поговорки следует искать в русском фольклоре, который донес до нас несколько ее образчиков – но без упоминания конкретной местности.

4. В советское время из-за придания слову «товарищ» особого смысла и определенного противопоставления его слову «гражданин» поговорка получает особое распространение в местах лишения свободы – первоначально как резкий «околот» заключенным, которые после осуждения потеряли право на использование слова «товарищ» и могут обращаться только употребляя слово «гражданин». Скорее всего, поначалу формула звучала как «Волк тебе товарищ!», что зафиксировано, например, в произведениях Шолохова.

5. Впервые «топонимическое» уточнение в форме «тамбовский волк» появилось во второй половине 1930-х годов и связано с огромной популярностью романа Николая Вирты «Одиночество», посвященного тамбовскому крестьянскому восстанию 1920–1921 годов. Главный герой романа – командир отряда антоновских повстанцев Петр Сторожев по кличке Волк. Это прозвище проходит через весь роман, изданный огромными тиражами, поставленный в театрах как спектакль и опера, удостоенный Сталинской премии.

6. Топонимическое определение «брянский волк», «волк из Брянского леса» возникло позже, сразу после Великой Отечественной войны или же в последние годы войны. Причина появления топонима – широкое партизанское движение в Брянских лесах и его активная пропаганда среди населения СССР, в том числе – популяризация песни «Шумел сурово Брянский лес».

Таким образом, оба определения появились в одно и то же время, но по разным причинам. На сегодняшний день поговорка постепенно теряет негативный оттенок и обе идиомы фактически стали брендами двух областей. Одно время (2004–2006 гг.) в Тамбове существовал даже Музей Тамбовского Волка. По горькой иронии судьбы, все его музейные фонды были уничтожены... во время гастролей музея в городе Брянске!

Не повезло и памятнику тамбовскому волку. Поначалу его изваяли из камня и с крыльями. Но затем почему-то убрали, посчитав крылья «лишними». Между тем хотелось бы напомнить, что в первом издании знаменитая сказка о дружбе волка и царского сына называлась «Сказка о Любиме Царевиче и прекрасной Царевне, его супружнице, и волке крылатом»...

Зато сегодня Тамбов украшает деревянная статуя волка, на постаменте которой вырезаны строки:

О волк губернии Тамбовской!
Среди раскидистых деревьев
Ты, будто страж земли отцовской,
Обходишь всенощно свой лес.
(Г.Р. Державин)

На самом деле эти строки принадлежат вовсе не Гавриле Романовичу Державину (который, впрочем, когда-то губернаторствовал в Тамбове), а поэту Дмитрию Петегову – автору нескольких дивных пародий на темы тамбовского волка, отрывки из которых мне хотелось бы привести в завершение нашего долгого экскурса в историю:

Онегин и волк
(А.С. Пушкин)

Летит кибитка удалая
Среди заснеженных дубов.
Онегин, взорами сверкая,
Сегодня движется в Тамбов.
Но чу! Вдруг кони захрапели.
И вот из снежных постели,
Из придорожных кустов
Тамбовский волк, гроза лесов
Выходит. Мех его сверкает.
Он весь, как божия гроза.
И восхищения слеза
Из глаз Евгения сбегает...

Волки тамбовские
(М.Ю. Лермонтов)

Волки тамбовские! Вечные странники!
Лесом ли северным, степью ли южною,
Что же вы мчитесь, как будто изгнанники
С милой Тамбовщины стаею дружною?
Что вас погнало? Еды ли лишение?
Зависть сородичей? Злоба крестьянская?
Или пожара лесного горение?
Или с борзыми охота дворянская?

Стихи о тамбовском волке
(В.В. Маяковский)

Дворян не люблю средь людей
и собак!

К породам почтения
нету!

На самую вшивую
из дворян

Сменяю любую.

Но эту...

Над бухтой плывет
парохода гудок.

Свободы
качается
статуя.

В каюте моей,
натянув поводок,

Сидит животина
хвостатая.

А если отцепится
с поводка, –

Любого пошлет
в больницу!

Тамбовского волка еще
пока

Не видела
заграница!

С тамбовским волком
зеленый свет

Нам будет по всей
Америке!

Пусть паспорта нашего
красный цвет

Доводит всех
до истерики!

А значит, история наших серых товарищей не кончается. Как пелось в известном советском марше: «Есть у революции начало, нет у революции конца!» Даже если речь идет о волчьей революции...

По материалам иностранных СМИ

Знаменитые заключенные и знаменитые преступления

Трупный синод

Январь 897 года в Риме выдался холодным. Но в Латеранской базилике – кафедральном соборе города Рима – было довольно тепло: система подачи теплого воздуха работала исправно. Однако зубы церковных служек выбивали дробь. Впрочем, тряслись не только они. Даже высокопоставленные прелаты – епископы и кардиналы, – находившиеся здесь же, испытывали страх. Оно и понятно. Такого раньше еще не было. Впрочем, и позже тоже не будет.

Что же такое происходило в главном храме Рима? А происходило невероятное. На троне восседал пышно одетый, полуразложившийся труп за девять месяцев до того скончавшегося Папы Римского Формоза. Как он туда попал? Сам вылез из гробницы? Но таких чудес даже в Вечном городе не бывает.

Покойного папу решил судить папа действующий – Стефан. Но зачем?

Дело в том, что папа Формоз во время своего правления провел ряд реформ. Время было смутное, набеги на Папскую область соперничающих семейств, владевших огромными землями на территории современной Италии, разоряли ее. Каждый стремился отхватить кусок пожирнее. Особенно неумеренными были аппетиты маркграфов Сполето из дома Гвидонидов.

За 93 года, с 872 по 965 год, на папском престоле сменилось 24 понтифика. Крупнейшие феодальные дома Италии стремились возвести на папский престол своих ставленников. В результате интриг папы менялись как в калейдоскопе: их травили, резали, душили...

Взошедший в 891 году на престол Формоз (кстати, простые римляне его любили за относительную скромность) попытался противостоять влиянию семейства Сполето. Сделать это было трудно, так как бук-

вально через год после восшествия на папский престол Формоза попросту заставили короновать одного из представителей дома Сполето.

Но Формоз тоже был опытен в интригах. Он призывает в Рим Арнульфа Каринтийского, одного из последних представителей угасающей королевской династии Каролингов, и венчает его на императорский трон. Пока у них все получается. Арнульфу удастся разбить войско маркграфов Сполето и их ставленников. Еще немного, и папа при поддержке императора наведет порядок в Италии...

Но, несмотря на многообещающее начало, скоропостижная болезнь и смерть как Арнульфа, так и Формоза положили конец их предприятиям. Поговаривают, что обоих отравили.

После смерти Формоза папой был избран Бонифаций VI. Но его понтификат продлился всего лишь 15 дней, и 19 апреля 896 года новый папа скоропостижно скончался, как было объявлено, «от подагры». По всей вероятности, к смерти «от подагры» приложил руку его преемник – Стефан VI, являвшийся отпрыском фамилии Сполето. Тут же в Рим съехались все члены этого семейства: надо же было делить власть и богатства.

Но покойный Формоз заложил бомбу под нового папу. В свое время он лично назначил Стефана епископом городом Ананьи. А Никейский собор запретил епископам переходить с кафедры на кафедру: соответственно, римским епископом, которым по совместительству и является папа, не мог быть избран епископ другого города. Поэтому Стефан весьма был заинтересован в объявлении постановлений Формоза ничтожными, ибо среди таковых оказывалось и его решение о положении Стефана в епископы.

Что делать? Родственники папы предложили предать скончавшегося девять месяцев назад Формоза суду. А для этого его пришлось эксгумировать.

Труп Формоза, как уже сказано выше, извлекли из гробницы, одели и посадили на трон. Начался допрос. Вопросы-то задавать было кому. А вот ответы... Что делать? Ведь подсудимый должен же хоть что-то отвечать: признавать вину, конечно. Кому-то из приближенных папы Стефана приходит в голову блестящая мысль. За трон прячут какого-то служку, который, стараясь изо всех сил, пытается подражать голосу покойного папы.

Формозу вменяются следующие обвинения: вероломство, переход с одной епископской кафедры (Порто) на другую (Рим) в обход уставленного Никейским собором запрета, а также совершение им, мирянином, религиозных таинств. Кроме того, он обвиняется в венчании на царство «незаконнорожденного» Арнульфа.

Присутствующие кардиналы стараются не смеяться. Впрочем, сделать это довольно легко, так как запах, исходящий от трупа, отбивает всякие непристойные мысли.

Труп Формоза конечно же «признал» свою вину. Суду, в составе кардиналов и под руководством Стефана, необходимо принять «законное» решение. И они его принимают: все указы покойного объявляются недействительными, а за то, что посмел совершать крестные знамения, ему отрубают фаланги пальцев. Затем, тело Формоза, лишенное пышных папских одеяний, волокут по улицам Рима и закапывают в братской могиле для бездомных и чужеземцев.

Но и на этом мучения трупа не заканчиваются. Кладбищенские воры, полагая, что на теле могут быть спрятаны какие-то драгоценности, выкапывают его и, ничего не обнаружив (все, что можно было снять, уже давно сняли ватиканские слуги), прикрепляют к нему груз и бросают в Тибр.

Летописи свидетельствуют, что во время суда и глумления над трупом Формоза Латеранский храм чуть не был разрушен из-за внезапно-го землетрясения. С потолка начала осыпаться лепнина и куски штукатурки. Кардиналы во главе с папой Стефаном еле успели спастись. Римский народ был в полнейшем ужасе. Землетрясение и частичное разрушение храма возбудило всеобщее негодование против оскорбителей Формоза. Пошли слухи, что выловленное из Тибра тело понтифика стало творить чудесные исцеления.

Ну а затем произошло то, что случалось в Риме тех времен довольно часто: чернь взбунтовалась. Папу Стефана, в свою очередь, заточили в тюрьму и там, как водится, удавили.

Следующий папа, Теодор II, реабилитировал Формоза и с почестями его перезахоронил. А годом позже (все-таки сменялись они с жуткой скоростью) папа Иоанн IX запретил впредь судить покойников, подверг Трупный собор формальному осуждению и велел сжечь все относящиеся к нему документы.

Казалось, справедливость восторжествовала. Как бы не так. Окончательную точку в «деле папы Формоза» поставил Сергей III, завладевший папским престолом в 904 году. Своих предшественников – Льва V и Христофора – он, как это было принято, приказал умертвить, а покойного Формозу подверг новому порицанию.

Убийство Марата

13 июля 1793 года Шарлотта Корде заколола Марата, этого, по ее выражению, «лютого зверя», в его собственной ванной. Свое преступ-

ление молодая женщина, предком которой был великий Корнель¹, совершила, будучи абсолютно уверенной, что спасает Францию.

В субботу, 13 июля 1793 года, около половины двенадцатого дня молодая женщина выходит из фиакра у дома номер 30, на парижской улице Корделье. Выглядит она прекрасно: светло-каштановые волосы, хорошо очерченные черты лица, гибкая талия... С решительным видом она толкает дверь.

24-летняя Мария-Анна-Шарлотта де Корде д'Армон, праправнучка великого драматурга Пьера Корнеля, намеревается убить «лютого зверя», который терроризирует страну. Так она называет 50-летнего Жан-Поля Марата, врача и физика, редактора газеты «Друг народа», депутата-монтаньяра². Шарлотта поднимается на второй этаж, стучит в дверь и заявляет открывшей женщине, что она хотела бы увидеться с гражданином Маратом, чтобы рассказать ему о многих весьма интересных вещах. Сожительница революционера Симона Эввар отвечает ей, что об этом не может быть и речи, потому что Марат болен. Шарлотта настаивает, но Симона стоит стеной. «Ну а когда можно прийти?» – «Точно не могу сказать. Когда Марат выздоровеет», – отвечает Симона, хлопая дверью перед носом посетительницы. Шарлотта в ярости: неужели она проделала такой длинный путь из самого Кана³ только лишь затем, чтобы ей помешали осуществить задуманное?

Вернувшись в отель «Провиданс», в котором она остановилась, Шарлотта де Корде требует бумагу и перо, а затем садится и пишет деловое письмо Марату: «Я прибыла из Кана. Зная вашу любовь к родине, хочу сообщить вам о целом ряде готовящихся заговоров. Жду вашего ответа». Попадет ли Марат в ловушку? Она относит свое послание и ждет. Часы проходят за часами. Не имея больше сил ждать ответа, Шарлотта вновь решает отправиться в квартиру Марата. Эта женщина не из тех, кто отказывается от уже принятого решения. В 8 часов вечера она снова стучит в дверь квартиры депутата. На этот раз появляется консьержка и говорит, что Марат до сих пор чувствует себя плохо и никого не принимает. Шарлотта настаивает, она почти кричит. Марат, который в это время сидит в своей знаменитой деревянной ванне,

¹ Пьер Корнель – французский поэт и драматург, отец французской трагедии; член Французской академии.

² Монтаньяры – политическая партия, образовавшаяся во время Великой французской революции.

³ Кан – небольшой город и коммуна на северо-западе Франции, столица региона Нижняя Нормандия и префектура департамента Кальвадос.

пытаясь успокоить кожный зуд, приказывает пропустить к нему эту зануду. Его доброе сердце сослужит ему плохую службу...

В комнате с Маратом сидит и Симона, но она удаляется, оставив Шарлотту с ним наедине. Шарлотта садится у изголовья ванной таким образом, что Марат оказывается к ней спиной и не может видеть, что она делает. «Ну, так что там происходит в Кане?» – спрашивает Марат. Она протягивает ему список депутатов – «врагов народа». «Им не удастся избежать гильотины», – радостно потрясает списком Марат. В это время Шарлотта встает и вынимает из-за пазухи нож, купленный утром за гроши у дворца Пале-Рояль. Ни секунды не колеблясь, она, не хуже любого мясника, вонзает его под правую ключицу Марата...

Кровь хлещет из раны, окрашивая в розовый цвет воду в ванной и попадая на пол. Привлеченные криком, кухарка и слуга устремляются к Шарлотте, которая дерется с ними с яростью дьяволицы. Появляется Симона, с ужасом взирающая на ванную: «Боже мой! Он убит!» Затем она бросается на помощь кухарке и слуге, которые никак не могут совладать с убийцей. Еще чуть-чуть, и Шарлотте удалось бы вырваться и сбежать. Она уже переместилась в прихожую, но тут слуга хватается за стул и обрушивает его ей на голову. Шарлотта почти в нокауте, но все еще сопротивляется. Тогда разъяренный мужчина хватается за грудь и бьет изо всей силы. Шарлотта потеряла сознание.

Наконец прибывает комиссар квартала, он отводит убийцу в гостиную, чтобы допросить. Не заставляя себя упрашивать, Шарлотта сама рассказывает, кто она и откуда. «Кто вам поручил совершить это убийство?» – громыхает комиссар. «Видя, что гражданская война вот-вот накроет всю Францию, и убежденная, что именно Марат является виновником всего этого ужаса, я решила пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти страну». Спустя несколько дней в революционном трибунале она уточнит, что хотела убить «лютюго зверя, который собирается сожрать всех французов».

Во время обыска у нее находят письмо, заранее написанное на случай, если вдруг ей не удастся попасть к своей жертве. «Марат, я писала вам этим утром. Получили ли вы мое письмо? Не могу в это поверить, но меня к вам не пустили; я надеюсь, что завтра вы меня примете. Повторяю, я приехала из Кана; мне необходимо рассказать вам важные секретные сведения, которые спасут Республику. Меня уже преследовали за мою приверженность свободе; я несчастна и нуждаюсь в вашей защите». При ней также находится тщательно сложенное письмо-обращение, в котором она описывает причины своего поступка: «Французы! Вы знаете своих врагов, вставайте! Вперед! И пусть на руинах

Горы⁴ останутся только братья и друзья! Не знаю, сулит ли небо нам республиканское правление, но дать нам в повелители монтаньяра оно может только в порыве страшной мести... О Франция! Твой покой зависит от исполнения законов; убивая Марата, я не нарушаю законов; осужденный Вселенной он стоит вне закона... Какой суд может меня судить? Если я виновна, то виновен был и Геракл, победивший чудовищ!»

К полуночи Шарлотту в карете отвозят в тюрьму Аббе. Если бы не комиссар, то собравшаяся толпа растерзала бы ее. Наутро убийцу Марата препровождают в другую тюрьму, Консьержери. А уже через два дня она предстает перед революционным трибуналом. Как и следовало ожидать, дело рассматривается очень быстро. Все же трибунал позволяет зачитать последнее письмо, которое Шарлотта, находясь в камере, написала своему отцу: «Простите меня, мой дорогой отец, за то, что я действовала без вашего разрешения. Я отомстила за всех невинных жертв, и этим своим поступком я предупреждаю других чудовищ. В один прекрасный день разочаровавшийся народ возрадуется, освободившись от тирана. Я старалась убедить вас в том, что отправляюсь в Англию, я это сделала затем, чтобы сохранить инкогнито, но у меня не получилось. Надеюсь, что вас не станут мучить. В любом случае надеюсь, что в Канах у вас найдутся защитники. В качестве адвоката я взяла Гюстава Дульсе: впрочем, это лишь проформа, так как при существующем положении дел никакой защиты и быть не может. Прощайте, мой дорогой отец, прошу вас или забыть меня, или порадоваться за меня, так как я совершила благородное дело. Обнимаю свою сестру, которую люблю всем сердцем, и всех моих родственников. Не забывайте эти строки из Корнеля: “Мы не преступники, когда караем преступление!” Завтра, в 8 утра, мне вынесут приговор. 16 июля сего года».

17 июля 1793 года Шарлотта была гильотинирована. Помощник палача, плотник по профессии и большой поклонник Марата, схватил за волосы отрубленную голову Шарлотты, высоко поднял ее, показывая толпе, и нанес ей сильный удар по лицу. Некоторые говорят, что лицо бедной девушки от этого удара даже покраснело.

Впрочем, надежды Шарлотты не сбылись: убийство Марата не остановило террор. Наоборот, его смерть послужила предлогом к истреблению жирондистов⁵ и других оппозиционеров.

Составление и перевод Юрия Александрова

⁴ Гора – партия монтаньяров (от фр. *montagne* – гора).

⁵ Жирондисты – одна из политических партий в эпоху Великой французской революции.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 31.08.2013 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная